

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
AcademiaRerumCivilium – Высшая школа политических
и общественных наук

Факультет управления Белостокского технического университета
Пензенский государственный технологический университет

ИСТОРИЯ, ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ: ОТ ИСТОКОВ К ГРЯДУЩЕМУ

Материалы II международной научно-практической
конференции 25–26 ноября 2013 года

Прага
2013

История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему : материалы II международной научно-практической конференции 25–26 ноября 2013 года. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013 – 186 с.

Редакционная коллегия:

Волков Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Пензенского государственного технологического университета.

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенского государственного технологического университета.

Сапик Мирослав, доктор философских наук, доцент, проректор Academia Regum Civilium – Высшей школы политических и общественных наук (Чехия).

Кашпарова Ева, доктор философии, научный сотрудник Высшей школы экономики в Праге.

Черевач-Филипович Катажина, доктор политологии, заместитель заведующего кафедрой экономики и социальных наук факультета управления Белостокского технического университета.

Ивановска Божена, доктор гуманитарных наук в области социологии Института философии и социологии Польской академии наук.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения научных работников и преподавателей, посвящённые славянству как историческому и культурно-цивилизационному феномену. В ряде статей рассматриваются проблемы религиозной жизни, науки, философии, искусства и социального бытия в странах и регионах славянского мира. Часть публикаций посвящена языковым процессам и лингвокультурам славянского мира.

УДК 94(367)

ISBN 978-80-87786-82-6

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2013.

© Коллектив авторов, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И СТРАН

Гатауллина И. А.

Протоистория славян как проблема самоидентификации
российского общества 6

Костромин К. А.

Динамика межцерковных связей в контексте
крещения Руси 13

Сухушин М. П.

Помощь украинцев русской армии в войне 1812 года..... 14

Соловей М. А.

Болгарская колонизация Приазовья в 60-е годы XIX века..... 17

Иванова Т. Ю.

Политико-правовое положение славянских меньшинств
СССР в 1920–1929 гг..... 21

Erochin I. Ju., Kowalski O.

Houčení a výchova žáků a studentů na faktech
historii Kozáctva 32

Jerochin I., Kowalski O.

Nauczanie i wychowanie uczniów i studentów na faktach
historii Kozactwa 35

Rutkowski M.

Inner border control, issuing of travel passes and passports,
emigration and immigration in the kingdom of Poland
after the fall of the November uprising of 1831..... 38

Zamacińska B.

Ewolucja pojęcia «Cudzoziemiec» w rozumieniu
ustawy z dnia 24 marca 1920 r. o nabywaniu nieruchomości
przez cudzoziemców 54

Казак О. Г.

Политика центральных властей в отношении
восточнославянских меньшинств в межвоенной Польше
и в Венгрии периода второй мировой войны:
сравнительный анализ 62

Волков П. Н.

Советско-польские отношения в 1945–1948 гг.:
современное состояние исследования проблемы
в российской историографии..... 73

Насонова С. А. Этно-национальные и политические особенности Боснии и Герцеговины в рамках СФРЮ (ФНРЮ).....	80
---	----

II. ПАРАДИГМАЛЬНОЕ И ПОВСЕДНЕВНОЕ В СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Sapík M. Kultura, myšlení a symbolika Slovanů	90
Антипов М. А. К проблеме экологического бессознательного.....	95
Дорошин Б. А. К вопросу о параллелях мифопоэтических образов ирландской баншии славянской русалки	98
Попкова М. А., Грицаенко Е. В. Славянская культура: свадьба на Руси	103
Гончаров С. А. Вредоносная деятельность колдуна и ее отражение в поверьях восточных славян.....	106
Наговицына М. П. Ярмарки России как место формирования информационно-игрового начала ярмарочного фольклора.....	115
Иванов Д. В. Славянская психологическая мысль: человек и его борьба в представлениях Д. В. Вневитинова	119
Ширшов В. Д. Русская православная церковь как фактор духовно-нравственного воспитания	127

III. ЯЗЫКИ И ИСКУССТВО СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Цэдэндоржийн Э. Обзор современной русской лексикографии.....	132
Исмаилова А. М. Русский язык в условиях полиэтнической среды Дагестана: история и современность	135
Сеничева О. А. Механизмы репрезентации стыда в русском и английском языках	138
Гетманская Г. И., Родионова Л. Ф., Потапешкина М. В. Пословицы и поговорки как средство хранения и передачи этнокультурной информации	142

Кузьмич Н. В. Диалектика национального и общечеловеческого	147
Кошурникова Т. В. Образ дома как константа художественного мира писателя В. Н. Крушина	152
Ладилова М. В., Тутикова О. И. Отражение русско-японских связей в очерке В. Г. Гузанова «Мичман Менделеев и девушка из Нагасаки»	157
Данилова М. Р. Роль чтения в духовно-нравственном становлении личности.....	163
Попова Р. Н. Стилизация славянского искусства на примере «Русских сезонов» Сергея Дягилева	165
Солодухина Т. К., Солодухин В. И. Роль сообщества вузов культуры и искусств России в сохранении культурного наследия славянских народов	167
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году	172
Информация о журнале «Социосфера»	180
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko Vydavatelské Centrum «Sociosféra-CZ»	185

І. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И СТРАН

ПРОТОИСТОРИЯ СЛАВЯН КАК ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

И. А. Гатауллина

Казанский научно-исследовательский технический
университет им. А. Н. Туполева,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. The problem is considered in the context of the Hyperborean versions of the origin of mankind. The necessity of studying it using the method of postmodernism, on the basis of accumulated knowledge in the global and domestic humanities, in line with «cultural turn» in history as the current research directions.

Keywords: historical memory; Hyperborea; Proto; «cultural turn»; post-modernism; identity; arias; enety; Veneti.

Истоки славянской истории – наименее исследованная проблема в отечественной историографии. Древнейший период в истории Руси в исторических учебниках традиционно излагается в линейной схеме модерна с опорой на артефакты материальной культуры, «подтянутые» к общей картине складывания этносов и тем самым доказывающие этапы социальной эволюции. Между тем, сегодня, когда Россия переживает сложный период глубокой трансформации, обусловленной как последствиями разрушения некогда единой интернациональной советской общности, так и обстоятельствами рождения социальности нового этнического типа по причине интенсивной миграции людей, как по всей территории бывшего Союза ССР, так и современной России, именно русские испытывают острую потребность в самоидентификации. Это означает поиск ответа на такие вопросы, как: «Откуда пошла земля русская?», «Где Начало славянской цивилизации?» и «Кто такие славяне?». Академической науке пока не удаётся ответить на них: отсутствие письменных источников по древнейшему периоду истории – серьёзный аргумент для обоснования слабости

исследовательских интенций в этом направлении, но не повод не принять во внимание культурологический контекст темы, в основе которого лежит понятие исторической памяти. Как точно замечает Л. П. Репина, поскольку этнические, равно как и религиозные, а, значит, в определённом смысле и культурные устремления определённых групп населения, в частности, русских длительное время не реализовывались и даже подавлялись, постольку историческая память для них стала «важнейшей составляющей самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом» [9, с. 23–24]. Именно важностью «идентификационной» функции исторической памяти объясняется растущий сегодня интерес к прошлому российского общества, стремящегося понять свои истоки. Представляется, что исследование проблемы протоистории славян в этом направлении возможно только с помощью постмодернистской методологии, которая содержит колоссальный эвристический потенциал и восстанавливает «медиум бытия истории» через праязык и миф. Необходимо учитывать, что постмодернизм, широко применяемый в западной гуманитаристике, постепенно входит в российскую исследовательскую практику. Однако данный метод никогда бы не состоялся без мировой интеллектуальной традиции, которая накопила огромное количество разнообразного материала по данной проблематике. Речь идёт о *гипербореической или полярной* версии происхождения не только славянского этноса, но человечества, колыбель которого определяется в акватории Ледовитого океана, точнее, на севере России.

Основанная на сведениях из античной мифологии¹, эта гипотеза активно разрабатывалась в конце XIX начале XX вв. В трудах американского историка В. Уоррена, индийского мыслителя Б. Тилаха, немецкого учёного Г. Вирта, французского эзотерика Р. Генона, а также русского исследователя Е. Елачица обосновывается, что Арктика является истоком человеческой цивилизации. Учёные утверждают, что в доисторические времена в этом районе земного шара сложились благоприятные климатические условия для развития природы, что именно с севера в Европу пришёл человек разумный [1, 2, 8, 11, 13]. Представляется, что разработка данной гипотезы стала

---

¹ О Гиперборее и гиперборейцах знали как древние Гесиод и Гомер, так и классики античности – Платон, Пиндар, Аристотель, Геродот, а также мыслители позднего эллинизма – Порфирий, Ямвлих, Прокл, Гекатей Абдерский, Диодор Сицилийский, Помпоний Мел, Элиан, Плиний Старший.

постановкой проблемы самоидентификации человечества. Это означает, уже в начале XX века учёные не только усомнились в однозначности африканской версии его происхождения и последующего исхода, но обратили серьёзное внимание на изучение комплекса вопросов, связанных с происхождением ариев как истока индоевропейской этнолингвистической общности. Данным идеям было трудно конкурировать с прогрессистской концепцией модерна, поэтому неудивительно, что после их сенсационного обнародования на рубеже веков, к этой теме долго не обращались. Негативную роль сыграли политико-идеологические построения XX века в их наиболее радикальных формах, как национал-социализма, так и национал-коммунизма, извративших научную проблему и наполнивших её отрицательными смыслами.

Сегодня исследовательская ситуация меняется. Идею о гиперборейских истоках арийских племён и славянского этноса последовательно отстаивают многие российские учёные [3, 4, 5, 6, 7; и др.]. Причём проблема разрабатывается как теоретически, так и практически. Впервые материальные останки цивилизации (наскальные образы древних богов, доисторические святилища, лабиринты, мегалитические памятники) были обнаружены на островах Белого моря ещё в ходе первой экспедиции в эти районы 4 мая 1764 г. по указанию императрицы Екатерины II. В результате научных исследований и экспедиций в конце 90-х годов XX в., а также в 2008–2009 годы эти данные были подтверждены. Они свидетельствовали в пользу древней цивилизации, идентифицируемой как Гиперборейская, как прародины индоевропейской общности, из которой выделились не только германцы, но индийцы, греки, персы, а также славяне. Гиперборейская гипотеза славянского этногенеза в ряду с балка-но-иллирийской, паннонской, скифской, сарматской, вандальской, гуннской, черноморской и другими версиями занимает совершенно особое место. Она меняет местоположение прародины славян, которые, прежде чем им появиться и укрепиться в районе Карпат и Дуная, а потом расширить ареал своего обитания, как в направлении востока, так и запада, именно на севере начнут свою многотысячелетнюю протоисторию, развивавшуюся параллельно протоистории первичных и вторичных очаговых цивилизаций древности.

По мнению В. Дёмина, наиболее последовательного сторонника гиперборейской версии, она позволяет, в определённом смысле, достичь исторического дна, двигаясь от истории некогда нерасчленённой индоевропейской этнолингвистической общности через крупные культурно-языковые объединения (например, кельто-германо-славянская группа) к одному из её истоков – единому славянскому пранароду, говорившему на общем для всех славян языке. Согласно «Великопольской хронике», этот язык «берёт начало от одного отца Славы, откуда и славяне» [6, с. 199]. Решение проблемы славянской самоидентификации важно не только с точки зрения исторической достоверности. Знание этапных моментов славянского этногенеза позволяет:

а) выявить причины асинхронного движения славян по оси исторического времени;

б) критически взглянуть на древнейший период, сильно повлиявший на последующий ход российской и мировой истории;

в) определить важность соотношения и учёта как письменных, материальных, так и устных источников для воссоздания адекватной картины прошлого.

Гиперборея (от греч. буквально «те, кто живут за северным ветром – Бореем или на его спине») располагалась в районе, ограниченном с запада Скандинавскими, а с востока – Уральскими горами. Считается, что это место современного Арктического шельфа России, под воду которого Гиперборея ушла во время вселенского потопа. Представляется, что в контексте современных стихийных явлений (например, землетрясение в Японии) понятие вселенского потопа приобретает вполне реальный, а не мифологический, как принято считать, смысл. Учёные установили, что 30–15 тыс. лет тому назад в Арктике было тепло. Её температурный режим напоминал погоду в современном Средиземноморье, а Северный океан не сковывался льдами. В результате резкого похолодания, произошедшего не позднее XII тыс., гиперборейцы мигрировали с севера в направлении Индии, Египта, Шумера и, смешавшись с разными народами, положили начало многим современным культурам. Предполагается, что географически Гиперборея – родная сестра Атлантиды, что обе – звенья одной цепи: обеих постигла одна и та же участь. Но если от второй пока не найдено никаких следов, то материальные памятники полярных областей Евразии могут

претендовать на статус правомерных источников, доказывающих существование Гиперборейской или Северной цивилизации. В частности, считается, что возраст каменных пирамид древних обсерваторий – не менее 10 тыс. лет и, соответственно, они старше египетских в два раза. Данный концепт действительно трудно уложить в традиционную систему представлений о началах истории, где древнейшим цивилизациям Востока и Запада, особенно грекам и римлянам отведена роль исполнителей культурной миссии, а России – только варварская функция. Представляется, что проблема состоит в том, что если начала истории древних цивилизаций создавались на основе мифологических источников, то в случае со славянской протоисторией этого пока не произошло. Между тем, как отмечал советский историк Б. Греков, «...в легендах могут быть зёрна правды». Это понимал академик Б. А. Рыбаков, хорошо известный как учёный-славист, исследовавший язычество древних славян. Интересуясь историей Гипербореи, учёный не только изучил сведения греческих авторов о загадочной стране, но определил её географические границы и так называемый «янтарный путь» из северных святилищ Латы (Лады) к берегам Адриатики и Эгейского моря [12].

Если принять за основу Гиперборейскую теорию, выстроенную, главным образом, на античных и мифологических источниках, то получается, что славяне в числе других праэтносов – потомков ариев – после миграции из акватории Ледовитого океана расселялись и осваивали северо-западные земли территории современной России. Этот процесс, начавшийся 12 тыс. назад по причине природного катаклизма и последующего похолодания, длился весь неолитический период¹, в котором и определились веки славянской преистории. На основе устных источников – преданий, прежде всего, а также былинных сказаний – выявлено, что легендарным первопредком, под именем которого славянские пращуры были вписаны в анналы мировой истории задолго до собственного летописания, был Рус. Он вместе со своим братом Словеном положил начало и русской народности, и русской государственности на полярных и заполярных территориях, где возникли первые города Словенск

---

¹ Согласно современным представлениям историков и антропологов, неолит (около 10–5 тыс. лет назад) следует считать принадлежащим истории, а не предыстории (т. е. каменному веку), как утверждалось прежде.

Великий (позже на его месте построен Новгород Великий) и Руса (ныне – Старая Русса). В «Сказании о Словене и Русе» эти события датируются 3099 г. от Сотворения мира, что в переводе на современное летоисчисление означает 2409 г. до н.э. Примерно 1000 лет спустя преистория славянских племён просматривается как участников Троянской войны. Для Гомера славянские защитники Трои были *энетами*, впоследствии известными во всей Европе как *венеды*. Проторусские племена на протяжении долгого времени нагоняли страх на Римскую и Византийскую империи, а во времена Великого переселения народов входили в состав наводнивших Европу варварских орд. В дорюрикову эпоху из ряда новгородских правителей – Вандала, Избора, Столпосвята – выделяется фигура Буриvoja, управлявшего обширной северной территорией, по древней традиции именуемой Биармией. Потерпев поражение в кровопролитной борьбе с варягами (русами), Буриvoй бежал, обосновавшись на Соловецких островах. Сын Буриvoя – Гостомysl – сумел наладить отношения с варягами, а одна из его дочерей – Умила – в браке с одним из них родила Рюрика – основателя русской династии [6].

Далее начинается летописная, значит, христианская интерпретация истории Руси, многое искажившая, вымаравшая, но главное – оборвавшая как связь протоисторией, так и связь последней с Гипербореической цивилизацией. Вывод сделать несложно: когда древние цивилизации развивались и даже достигли расцвета, славянский мир пребывал в «сумерках истории», предопределивших его отставание. Представляется, что здесь уместнее говорить об асинхронности исторического процесса вследствие глобальной природной катастрофы, так повлиявшей на ход славянской истории и глубоко её изменившей, что в итоге, как метко заметил Н. Бердяев, «русскую историю съела русская география».

Из этого следует, что древняя история славян фактически нуждается в переосмыслении с опорой на скрупулёзный анализ как канонических, так и «второстепенных» памятников традиции, прежде всего, устной истории, являющейся бездонным ценнейшим резервуаром символов и смыслов. Работа по их прочтению всегда велась в России, а, благодаря усилиям таких учёных, как В. Дёмин (умер в 2006 г.), сегодня возобновилась, как связующая времена и ведущая к истокам нить истории. Всё

это создаёт серьёзные основания для того, чтобы академические умы отказались от понятия «лженаука», с которой отождествлялась гиперборейская версия происхождения славянского этноса. Представляется, что данная проблематика может исследоваться только в контексте «культурного поворота» в истории– подхода, начисто ликвидирующего маргинальные темы в историографии. Ведь, если исходить из того, что «все идеи ... не трансцендентальны, а являются творением ...времени, действия, гендера, этничности, опыта...мотиваций, предрасположенности и идентичности...» [10, с. 3–4], то история протославян в гиперборейской версии и есть та самая контекстуальная матрица, которая позволяет приблизиться к максимально адекватному отражению прошлого. Всё это необходимо для того, чтобы в учебниках по истории была вписана глава о гиперборейских истоках не только славянского этноса, но, возможно, человечества. Тем самым будет приведена в соответствие как историческая, так и собственно научная картина мира, главная задача которой состоит в адекватном отражении действительности, ушедшей в прошлое.

Библиографический список

1. Вирг Г. «Palestinabuch» // <http://yandex.ru/yandsearch?text=%D0%9A%20%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0+%D0%93.+%D0%92%D0%B8%D1%80%D1%82%D0%B0+%22Palestinabuch%22%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%87&lr=43>.
2. Генон Р. Атлантида и Гиперборея. URL: <http://bookfi.org/book/869387> HYPERLINK «<http://bookfi.org/book/869387>» <http://bookfi.org/book/869387>.
3. Голубев В. В., Токарев В. В. В поисках Гипербореи. – СПб., 2004.
4. Гусева Н. Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. – М. : Фаир-Пресс, 2002.
5. Дёмин В. Н. Гиперборея. Исторические корни русского народа. – М. : Фаир-Пресс, 2001.
6. Дёмин В. Н. Русь летописная. – М. : Вече, 2002.
7. Дугин А. Гиперборейская теория. – М. : Вече, 1993.
8. Елачич Е. Крайний Север как родина человечества. – СПб., 1910.
9. История и память / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2006.
10. Репина Л. П. Идеи и люди в контексте истории интеллектуальной культуры // Историческое прошлое и образы истории. – Саратов : Издательский центр «Наука», 2013.
11. Тилак Б. Арктическая родина в Ведах. – М. : Фаир-Пресс, 2002.
12. Тулаев П. Гиперборейский полюс. URL: <http://www.arcticland.veles.lv/genovat/pole.htm> (дата обращения: 26.11.13).
13. Уоррен У. Ф. Найденный рай на Северном полюсе. – М. : Изд-во «Гранд-Фаир», 2003.

ДИНАМИКА МЕЖЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

К. А. Костромин

Санкт-Петербургская православная духовная
академия, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. The Baptism of Prince Vladimir and Russia has laid certain dynamics in inter-church relations, which developed around the Russian Church. Already for the third and fourth generations after the Baptism of Russia reasons and need for such a positive relationship was not so clear. The prince's power did not want a repetition in Russia of the disputes of investiture or ecclesiastical influence on the case, which had in the Byzantine patriarch Michael Cerularius.

Key words: the Baptism of Russia; inter-church relations; tolerance; conflict; investitura; power.

Крещение князя Владимира и Руси в целом заложило определенную динамику в межцерковные отношения, развивавшиеся вокруг родившейся Русской церкви [4]. Поскольку поиск веры, предшествовавший крещению и даже отмеченный в «Повести временных лет» [6, с. 39–40], был разнонаправленным (чего, к примеру, не наблюдается в истории крещения Британии, Франкской державы или даже Чехии и Скандинавии, в которых без борьбы долгое время сосуществовали восточные и западные традиции) и ориентировался не только на различные христианские культуры – византийскую, германскую или славянскую, но и на исламскую или иудейскую [2, с. 59–61], то в русской церковности с самого начала были заложены начала веротерпимости и даже конструктивного сотрудничества с представителями отвергнутых в ходе выбора религий.

Примерами позитивного контакта с инославными конфессиями являлись связи с Волжской Булгарией, принявшей ислам, с которой прекратились войны и появились даже династические связи (достаточно вспомнить о Борисе и Глебе, которые были сыновьями Владимира от «болгарыни»), или проживание евреев в Киеве до начала XII века [3, с. 60; 1, с. 428–437]. Но с Византией и странами Западной Европы контакты были куда более тесными и позитивными [5].

Однако уже для третьего и четвертого поколений после Крещения Руси причина и необходимость таких позитивных отношений были не столь очевидными. Русские привыкли видеть себя христианами в кругу прочих христианских народов, а политическая и социальная обстановка в мире сильно изменились.

На Западе остро встал вопрос о характере взаимоотношений королевской власти и церкви (спор об инвеституре). Нужно думать, что сворачивание самостоятельных церковных отношений с Западом было свернуто Владимиром Мономахом как одна из мер недопущения «германского» сценария (и чтобы Русская церковь не видела западных образцов поведения, и чтобы показать, что его власть выше церковной). Последствия властных амбиций патриарха Михаила Керуллария в Византии также оказались плохим примером. Русь сознательно начала уходить в церковно-внешнеполитическую изоляцию.

Библиографический список

1. Артамонов М. И. История хазар. – СПб., 2002.
2. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. – М., 2009.
3. Костромин К. А. Борисоглебская проблема: вопрос доверия источникам // Русские древности: К 75-летию проф. И. Я. Фроянова : сб. науч. тр. – СПб., 2011. – (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 6).
4. Костромин К. Динамика межконфессионального конфликта на Руси в XI–XII веках // Вестник ЕДС. Вып. 6. 2013. В печати.
5. Костромин К. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). – Saarbrücken, 2013.
6. Повесть временных лет / под ред. Д. С. Лихачева. – СПб., 1999.

ПОМОЩЬ УКРАИНЦЕВ РУССКОЙ АРМИИ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

М. П. Сухушин

**Институт истории и права Николаевского
национального университета
имени В. А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина**

Summary. This article observes the Polish – Russian – Ukrainian relations during the war of 1812. Plan of poles uprising in Ukraine failed. Ukrainian people supported the Russian army in the war with Napoleon in 1812.

Key words: plan poles; war; Cossacks; ensuring the Russian army.

Летом 1812 Наполеон двинул во «второй польский поход» против России полумиллионную армию, в которой находились люди двадцати одной национальности. Самыми многочисленными, до 100 тыс., были польские солдаты из Варшавского Княжества, вассала Франции. Чисто польскими по своему составу были пятый (Польский) корпус под командованием Понятовского и дивизия

Домбровского, остальные поляки были разбросаны по французским соединениям. Но всех их объединяло желание – присоединить к Польше украинские земли ... Наполеон перешёл Неман. Ему противостояла русская армия численностью 597 тыс. чел. Но она была разделена на три части. Первая армия, которую возглавлял генерал Барклай-де-Толли, защищала путь на Петербург. Вторая, которую возглавлял генерал Багратион, защищала путь на Москву. Третья, которую возглавлял генерал Тормасов, защищала путь на Киев... Первого декабря армия Наполеона перешла Неман в обратном направлении, имея численность всего около двадцати тысяч человек вместо полумиллиона воинов, вошедших в июне в пределы Российской Империи... По плану польского генерала Сокилицкого, ставшего основой стратегического замысла Наполеона, после войны территория Украины разделялась на Черниговское и Полтавское герцогства в составе Польши, а на юге создавалась так называемая Наполеонида. Поляки заверяли, что как только Наполеон вступит в пределы России, против царской власти готовы восстать 50 тыс. человек – в основном украинцев [2, с. 37–38]. Перед тем, как перейти Неман, Наполеон приказал своим агентам поднять на Украине восстание. Однако в Украине не нашлось людей его начинать. А вот когда российский император Александр издал указ о создании в Украине, с целью борьбы с наполеоновскими захватчиками, добровольных казачьих полков, это нашло массовую поддержку со стороны украинцев, вызвав неподдельный интерес [1, с. 64–65]. К началу осени 1812 года в Украине было уже сформировано 19 казачьих полков по 1200 человек в каждом. Из них 15 полков было создано на Левобережной и 4 на Правобережной Украине, кроме 20 слободских, черкасских и украинских казачьих полков регулярной армии. Поэт Котляревский, участвующий в наборе пятого полтавского полка, между прочим, доводил до сведения генерал-губернатора, что народ «поступал в казаки с удовольствием, охотностью и без малейшего уныния». «Земский комиссар Остерского уезда писал, что люди приняли известие о казачестве «восторгом чувству вверяясь. «Пирятинцы посылали в армию от каждах 20 человек по казаку [3, с. 2]. Когда вышел указ о создании в Черниговской и Полтавской губерниях земского ополчения, в его ряды записалось около 42 тысяч человек. Этот опыт сразу был перенесён на другие губернии России. Всего же количество украинских добровольцев, достигло более 70 тысяч человек. Кроме этого в состав Российской армии входили 6 украинских гусарских и 6 драгунских полков.

Одной из форм участия украинского народа в войне 1812 года было снабжение армии. С первых дней войны наладилось обеспечения второй русской армии. На сельских подводах продовольствие, боеприпасы, порох и различное военное снаряжение перевозилось из губерний Украины в армию. В перевозке запасов и снаряжения для второй армии было занято 17686 крестьянских подвод, из которых 5,5 тыс. выставила Волынь. Снаряжение для Дунайской армии, которая двигалась на Волынь, перевозили 2,5 тыс. погонщиков и 11 тыс. лошадей и 5,5 тыс. повозок. В целом, к середине декабря 1812 года русская армия получила из Украины около 167 тыс. четвертей муки, более 21 тыс. четвертей различных круп, 283 тыс. четвертей овса и 64 тыс. четвертей сухарей, а также более 22 тыс. строевых лошадей. Напряжённо работали военные заводы, располагавшиеся на Украине. Во времена войны они изготовили 24535 пудов пороха, десятки тысяч зарядов. Много военной продукции изготовил Луганский литейный завод, в том числе около 240 орудий и 80 тыс. пудов боеприпасов. Киевский арсенал отремонтировал 134 пушки, изготовил около 40 тыс. ружей и пистолетов, 35 тыс. копий и сабель. Украинские мануфактуры поставили армии тысячи метров сукна, полотна и другого военного снаряжения [3, с. 5].

Таким образом, воевала не только русская армия, против захватчиков поднялось всё население Украины. Проводилось формирование ополчения и казацких полков, которые были на содержании помещиков и мещан, обеспечение фронта продуктами питания, фуражом, одеждой, лошадьми, волами. Собирались средства на покупку оружия и других необходимых вещей. Население Украины активно участвовало в партизанской войне и этим помогало регулярным российским войскам. Труд всей страны способствовала тому, что в период войны русская армия не испытывала недостатка продовольствия, фуража, необходимых вещей и боеприпасов. Планы поляков относительно восстания в Украине были провалены.

Библиографический список

1. Абаляхин Б. С. О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 года // Вопросы истории. – 1985. – № 2. – С. 64–79.
2. О способах избавления Европы от влияния России, а благодаря этому и от влияния Англии / пер. с фр. В. Я. Яновского. – Минск : БГУ, 2003. – С. 37–42.
3. Стеценко В. Украина в партизанском движении и обеспечении армии в 1812 году. – К., 2007. – С. 3–5.

БОЛГАРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПРИАЗОВЬЯ В 60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

М. А. Соловей
Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Украина

Summary. This article examines migration process of the Bulgarians from Principality of Moldavia to Sea of Azov region after the ending of Crimean War. In this article the places of their settlements are defined. The author also have analyzed the government measures for colonists taking and revealed economic grievances of their adaptation.

Key words: Russian Empire; Pryazovia; immigration policy; Bulgarians; Bulgarian colonists; economic development; land tenure.

Российская империя во второй половине XIX века продолжала осуществлять переселенческую политику, призванную обеспечить хозяйственное освоение отвоеванных у Османской империи и Крымского ханства территорий. В отношении Приазовья царское правительство большие надежды возлагало на болгар, переселение которых в южные регионы России началось еще в раннем Средневековье. На 1860-е годы пришелся четвертый этап болгарской колонизации. В данной статье мы рассмотрим основные мероприятия российского правительства по переселению болгар в приазовские степи и по стимулированию хозяйственной деятельности колонистов.

Данный этап переселения болгар на территорию Российской империи был связан территориальными потерями России в результате поражения в Крымской войне. По Парижскому мирному договору 1856 года Россия передавала Молдавскому княжеству, являвшемуся вассалом Османской империи, южную часть Бессарабии, в которой находились 40 болгарских колоний. Поэтому болгарскому населению Бессарабии грозило возвращение к экономической, социальной и национально-культурной дискриминации со стороны местных властей, которому оно подвергалось ранее. Неудивительно, что задунайские болгары охотно приняли предложение вернуться в пределы Российской империи. Местом для проживания переселенцев весной 1861 года было определено Приазовье. Русское правительство выделило там для них 214 тыс. десятин земли. В апреле 1861 года представители будущих болгарских колонистов осмотрели земли в Бердянском, Мелитопольском и Днепровском уездах Таврической губернии. Земли были признаны пригодными для переселения, однако молдавское

правительство чинило болгарским эмигрантам всяческие препоны. Поэтому переселенцы были вынуждены переходить границу нелегально, и лишь в октябре 1861 года им были выданы паспорта.

Однако подходящий для перемены места жительства сезон был упущен, и в 1861 году до Таврической губернии добрались лишь задунайские болгары, успевшие до наступления осенней распутицы пересечь границу, – всего 853 семьи [5, с. 29]. На следующий год в Приазовские степи переселились еще 4300 болгарских семей, или около 21 500 человек. В результате в Северном Приазовье болгары из Бессарабии основали 34 колонии [2, с. 231]. Колонисты частично разместились в немецких и мennonитских поселениях, большинство же поселилось в покинутых и полуразрушенных ногайских аулах, в наспех отремонтированных саклях [4, с. 37–38].

Переселенческая политика царского правительства предусматривала для болгар определенные привилегии. Они на восемь лет освобождались от налогов и воинской повинности. Им давалось по 50 десятин земли на «венец», то есть на семью. Кроме того, в качестве «подъемных» каждой семье выплачивалась немалая по тем временам сумма – по 175 рублей серебром.

Привязка переселенческих льгот к семье очень понравилась новым подданным России. Поскольку земельные наделы и денежные выплаты исчислялись на «венец», болгары пошли на хитрость. В книге болгарского писателя, уроженца села Инзовка (ныне Приморского района Запорожской области Украины) Мишо Хаджийского «Болгары в Таврии» приводятся интересные воспоминания участников и свидетелей переселения. В частности, сообщается, что три дня и три ночи без отдыха священники до хрипоты произносили слова «Венчается раба Божия...» и венчали всех подряд, включая вдов с 13-летними мальчиками. Впоследствии, когда наскоро созданная семья получала желанные земли и денежное довольствие, эти браки аннулировались, а священники уничтожали церковные книги. Российские власти ничего не заподозрили, удивление у них вызывали лишь столь ранние браки болгар [1].

Именно таким образом переселенцы из Молдавского княжества основали болгарское село Софиевка, в котором поселились болгары из Шикирли-Китая. Близ Софиевки было основано село Палаузовка, в котором осели выселенцы села Бабели и из Фынтына-Дзинилор. К западу от Палаузовки остановились переселенцы из Старого Трояна. Они шли двумя группами. Одна основала село

Траяны (в современной орфографии – Трояны), другая – Андровку (названо оно по имени руководителя группы). Все эти и ряд других сёл сохранились до сих пор и входят в состав Бердянского, Приморского и Приазовского районов Запорожской области Украины [1]. Культурным центром приазовских болгар со временем стало село Преслав. Оно было основано 403 македонскими болгарскими колонистами в 1862 году на месте покинутого ногайского аула Шеклы. Болгарские колонисты назвали свое поселение Преславом в честь древней столицы Первого Болгарского царства [7].

Следует отметить, что переселение задунайских болгар в Приазовье вовсе не было актом милосердия по отношению к единоверцам. Речь, прежде всего, шла о хозяйственном освоении этих земель. К переселению допускались лишь хорошие земледельцы: крестьяне, способные к возделыванию винограда, шелковичных деревьев, других полезных культур, а также скотоводы [3, с. 23].

Между тем, новая родина встретила колонистов неласково. Переселенцы столкнулись с неблагоприятными погодными условиями – в 1862–1863 годах Приазовье охватила сильная засуха. А учитывая то, что болгарские переселенцы в Таврической губернии традиционно занимались скотоводством и овцеводством, они столкнулись с серьезной нехваткой фуража и подножного корма для животных. Чтобы предотвратить падеж скота, колонисты начали перегонять свои стада и отары в смежные губернии. Это мало помогало, поскольку соседи резко взвинтили цены на выпас «пришлого» скота. Аренда пастбища для болгар доходила до одного рубля серебром в месяц с животного. Платить такие деньги болгары не могли, поскольку в Приазовье цены на скот резко упали. Поэтому колонисты прибегли к массовому забою поголовья [9, с. 273].

Российское правительство старалось посылить помогать переселенцам. Так, в ноябре 1863 года министр государственных имуществ А. А. Зеленой разрешил попечительскому комитету об иностранных переселенцах южного края России перечислить приазовским болгарам 27 тысяч рублей на закупку продовольствия для скота, 10 тысяч рублей на покупку хлеба и 13 тысяч рублей на покупку овощей. Чиновники на местах осенью 1864 года отчитались, что «иностранных поселенцев... можно считать обеспеченными до будущего урожая» [9, с. 273].

Однако последующие годы тоже оказались неурожайными. Болгарские колонисты всерьез задумались о том, чтобы покинуть Приазовье. Так, в 1866 году они отказались проводить посевную кампанию и предприняли попытку переселиться на Кубань.

Правительство решительно пресекло попытку несанкционированной миграции, а чтобы удержать болгарское население на отведенных им территориях, выделило 51 тысячу рублей на строительство церквей в болгарских селах. В Преславе было открыто специальное училище. Кроме того, власти решили на 5 лет (на 1866–1870 годы) оставить колонистам все доходы от находящихся в их владении резервных и излишних земель [6].

В целом запретительные и поощрительные меры принесли положительные результаты. Член Совета государственных имуществ, действительный статский советник В. А. Иславин, отчитываясь о результатах совершенной им в Приазовье инспекторской поездки, отмечал, что ситуация с болгарскими колонистами нормализовалась. «Бессарабские болгары отличаются перед другими трудолюбием, тихой домашней жизнью, опрятностью в своих жилищах и мало причиняют беспокойства местному начальству», – рассказал он [9, с. 270].

Между тем, царское правительство осознало малую эффективность привлечения к хозяйственному освоению Северного Причерноморья задунайских болгар. Их переселение из Турции было приостановлено царским указом, по которому новые колонисты могли приезжать только на обжитые места, в уже существующие болгарские поселения [8, с. 76].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, четвертый этап переселения болгар можно признать взаимовыгодным сотрудничеством двух народов. С одной стороны, российское правительство действительно избавило болгар от дискриминации и притеснений, которым они могли подвергнуться на территории Молдавского княжества. С другой стороны, Российская империя была заинтересована в хозяйственном освоении приазовских степей, а болгары были в состоянии выполнить эту задачу.

Во-вторых, Россия приняла конкретные меры, чтобы сделать новую родину привлекательной для вновь прибывших колонистов, выделив им хорошие земли, заинтересовав материально, обеспечив их религиозно-культурные потребности.

В-третьих, российское правительство стремилось ограничить территорию дальнейшего расселения болгар в пределах империи, жестко пресекая их неконтролируемую миграцию.

Библиографический список

1. Бучная А. В чужом краю, ставшем родным // PRO.BERDYANSK.BIZ. URL: <http://pro.berdyansk.biz/content.php?id = 11739> (дата обращения: 16.11.2013).

2. Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова: Минало и настояще. – София : Христо Ботев, 1993.
3. Державин Н. С. О болгарах и болгарском переселении в Россию. – Бердянск, 1912. – С. 23.
4. Державин Н. С. Очерки быта южнорусских болгар // Этнографическое обозрение. – 1898. – № 3. – С. 37–38.
5. Жавжаров Л. Из истории болгар Приазовья. – Мелитополь : Издательский дом МГТ, 2008.
6. Информационный портал болгар Украины. URL: <http://bg-ua.org>. (дата обращения: 12.10.2013).
7. История Городов и Сел. Запорожская область. Бердянский район. URL: <http://www.igsu.org.ua/> (дата обращения: 19.09.2013).
8. Кащенко С. Г. Из истории крымских болгар // Сквозь века. – Симферополь, 1995.
9. Турков В. В. Хозяйственное обустройство бессарабских болгар в Приазовье (60-е – начало 70-х годов XIX ст.) // Дриновський збірник. – Т. 3. – Харьков, 2009. – С. 266–274.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ МЕНЬШИНСТВ СССР В 1920–1929 ГГ.

Т. Ю. Иванова

Николаевский национальный университет
им. В. А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина

Summary. The question of the nature, character and forms of life of ethnic groups and their relationship with the authorities. The features of the functioning of the national issues in a gradual imposition of totalitarianism, found the level of managerial competency and place these entities in political tactics and strategy of the Soviet government.

Key words: national minorities; ethnic policy; korenizacia policy; totalitarianism; dictatorship of the proletariat.

В политической жизни многих стран всё большее значение приобретает национальный вопрос. Эту сферу политики называют «этнополитика», определяя ее как взаимодействие этносов (народы, нации, национальные группы, национальные меньшинства и др.) и государства. Тема этнополитики актуальна, ведь весь мир состоит из государств – наций, которые почти все полиэтнические.

На современном этапе развития независимых, правовых, демократических государств всё большую остроту приобретает проблема государственной этнополитики. Помочь в реформировании современной этнополитики может осмысление исторического опыта. Именно обращение к практике решения проблем

межнациональных отношений чрезвычайно актуально, поскольку глубокий научный анализ прошлого нужен для осуществления взвешенной государственной политики с учетом интересов всех субъектов государства и удовлетворения требований национальных меньшинств.

В советское время первая Всесоюзная перепись населения СССР, охватившая всё население страны, была проведена по состоянию на 17 декабря 1926 года. Согласно опубликованным материалам переписи наиболее численными национальными меньшинствами в СССР были нации, представленные в таблице.

Таблица 1

Наиболее численные национальные меньшинства в СССР

Украинцы	31194976
Белорусы	4738923
Грузины	1821184
Армяне	1567568
Тюрки	1706605
Узбеки	3904622
Казахи	3968289
Татары	2916536
Немцы	1238549
Евреи	2599973
Поляки	782334
Греки	213765
Молдаване	278903
Болгары	111296
Латыши	151410
Литовцы	41463

С о с т а в л е н о   п о :

Всесоюзная перепись населения СССР 1926 года // Сайт Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php.

Советская власть вкладывала свое содержание в осуществление национальной политики. Особенностью большевистской этнополитики стал ее наступательный (в трактовке партийных

лидеров – творческий) характер. Она имела целью не столько регулирование реальных этносоциальных и этнополитических процессов, сколько моделирование и коренную переориентацию в соответствии с задачами ускорения социально-экономического развития страны. Специальным государственным структурам, которые уполномочены заниматься вопросами национальных меньшинств, отводилась незаурядная роль в тактических планах правящей партии. Что касается особенностей и последствий их деятельности, то они до сих пор не теряют значения в изучении истории советской государственности [12, с. 152–153].

Реализацию же государственной этнополитики фактически начал Комиссариат по еврейской национальной культуре во главе с И. Хургиным. Сохранился первый приказ от 7 февраля 1919 г., в котором представлена схема организации Комиссариата. Надежды на переход власти в учреждениях национального самоуправления к еврейскому трудовому народу с пролетариатом во главе не оправдались. Получив в наследство неналаженный аппарат бывшего Министерства по еврейским делам, отсутствие финансирования и распоряжений правительства, Комиссариат не смог развернуть активной деятельности. Несмотря на это, он продолжал действовать как общая канцелярия, которая в текущей работе заменила почти все отделы и департаменты.

Различные взгляды большевиков привели к тому, что 28 апреля 1919 г. Политбюро ЦК КП (б) отказало в юридическом оформлении Комиссариата. Подобное решение было и относительно образования Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (Наркомнац) в 1920 г.

Новая национальная политика, провозглашенная X съездом Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП (б)) в марте 1921 г., побудила Политбюро ЦК КП (б) принять 23 апреля 1921 г. постановление об образовании Отдела национальных меньшинств при Народном комиссариате внутренних дел СССР (НКВД). В его компетенцию входило «обеспечение мирного строительства и братского сотрудничества национальностей, проживающих на территории СССР; широкое содействие материальному развитию национальных меньшинств, учитывая особенности быта, культуры и экономического развития, надзор за воплощением в жизнь национальной политики советской власти» [2, с. 113].

Отдел национальных меньшинств изучал этнический состав населения республик. В работе учитывались особенности социально-классового расслоения ряда национальных групп,

в частности евреев, большинство которых были заняты в сфере мелкой торговли и кустарно-ремесленного производства и только 4% связаны с крупной промышленностью (предприниматели, служащие, рабочие). Обращалось особое внимание на создание условий для ликвидации экономической и культурной отсталости, подготовку национальных кадров, проведение районирования, на обеспечение активного участия меньшинств в социалистическом строительстве.

При отделе национальных меньшинств НКВД созданы подотделы: еврейский, польский, немецкий. В некоторых губерниях создавались секции: еврейские, немецкие, татарские, латышские, эстонские.

В первые годы советской власти работа среди нацменьшинств носила преимущественно просветительский характер: открывались школы, библиотеки, клубы и т. п. С целью координации деятельности в 1921 г. при Народном Комиссариате образования создан Совет национальных меньшинств, которому подчинялись соответствующие секции. Органы власти и управления проводили и другую работу среди национальных общин: изучалась социально-хозяйственная структура, особенности быта, отношение к советской власти, выяснялась природа конфликтов на этнической почве, уровень социального расслоения, политические настроения и религиозная ориентация [1, № 21, с. 57].

Руководящие партийные органы, держа рычаги влияния на национальные процессы, признали одним из главных регулирующих факторов региональное районирование. По их инициативе в 1922 г. начата реформа административно-территориального устройства СССР. Реформа отрицательно сказалась на жизни национальных меньшинств. Она имела существенные концептуальные просчеты, осуществлялась слишком поспешно, форсированными темпами, а главное – игнорировала национальный состав административно-территориальных единиц, появившихся на месте бывших уездов и волостей. Уменьшение общего количества сельсоветов за счет укрупнения привело к тому, что национальные села рассредоточились по разным сельсоветам, районам. Как правило, они оказывались в составе территорий, где численно преобладало население другой национальности. Например, немецкие волости присоединяли к районам, в которых жили главным образом украинцы и русские [10, с. 30].

Отдельные представители власти демонстрировали открыто враждебное отношение к представителям национальных

меньшинств. Об этом, в частности, свидетельствует ответ председателя уездного исполкома Одесской губернии товарища Воробьева о необходимости урегулировать нормы изъятия у немцев продовольствия. «Мы знаем, – ответил Воробьев, – что колонисты имеют связь с Бессарабией, поэтому необходимо на них нажать, чтобы они восстали. Тогда всем будет видно, что колонисты – действительно контрреволюционеры, и тогда с ними расправимся» [8, л. 15–16].

Имели место и незаконные действия со стороны армейских частей, дислоцированных в различных колониях или вблизи них. Ситуация также обострялась из-за распространения эпидемий. Моральное состояние значительной части представителей национальных меньшинств было подавленным, многим из них будущее представлялось неутешительным. Несносные условия жизни вызвали у представителей других национальностей справедливое возмущение и побудили их к выезду из страны. Следует отметить, что вопрос эмиграции был мучительным: приходилось покидать обжитые места, землю, которая давно стала для них родиной. Только в СССР в течение 1922–1924-х гг. заявления о выезде подали более 20 тыс. немецких семей. Большинство из них собиралась эмигрировать в Америку или Германию. В докладной записке Центрального бюро немецких секций Секретариата ЦК КП (б) У главными причинами эмиграции назывались: неправильное обложение единым сельскохозяйственным налогом; непроведение землеустройства, предусмотренного постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 16 июля 1924 г., продолжение урезания земли, что влекло мало-земелье, нерешенный религиозный вопрос [9, л. 324–325].

В связи с дальнейшим ростом объема и усложнением задач работы в апреле 1924 г. при ВЦИК создали Центральную комиссию по делам национальных меньшинств (ЦКНМ), действовавшую до начала Второй мировой войны. Ей предоставлялось право созывать совещания, участвовать в создании национальных административно-территориальных единиц, способствовать деятельности кооперативных и общественных организаций. Наряду с центральными органами комиссии аналогичные организации действовали при губернских и окружных исполнительных комитетах советов. Для проведения работы среди национальных меньшинств создавались бюро или комиссии, члены которых назначались президиумами соответствующих исполкомов по согласованию с ЦКНМ при ВЦИК.

Успех работы среди национальных меньшинств во многом зависел от того, насколько удачно она проводилась в городах, учитывая многонациональный характер населения. Надо отметить, что работа с национальными меньшинствами в городах наталкивалась на особые трудности. Представители разных национальностей, как правило, были расселены по всему городу и редко проживали компактно. К тому же советские и государственные органы в городах в процессе деятельности не всегда должным образом учитывали специфику национального состава населения.

Положение меняется к лучшему, когда в конце 1920-х гг. при орготделах горсоветов были созданы комиссии по делам национальных меньшинств, которые координировали деятельность административных и хозяйственных органов, культурно-образовательных и медицинских организаций, учреждений социального обеспечения. Работники комиссий должны были максимально учитывать специфику социального расслоения, традиционные формы трудовой деятельности, уровень экономического и культурного развития и особенности быта различных национальностей. При этом выдвигалась задача охватить работой все национальные группы, проживающие в том или ином населенном пункте. Планировалось даже проведение радиопередач на языках национальных меньшинств (еврейском и польском) [2, с. 13].

Заслуживает внимания опыт конкретной работы по национальным вопросам. Регулярно издавались документы и инструкции по созданию национальных секций, по организации их работы. Нацсекции стали составной частью при отделе пропаганды и агитации губкомов партии. Для руководства работой нацсекций избиралось губбюро. При наличии значительных нерусских групп трудящихся при губкоме партии организован отдел пропаганды. Вопросы работы среди национальных меньшинств были в поле зрения не только губкома, но и служили предметом обсуждения в ячейках и на общих собраниях [4, с. 278].

О работе нацотделов при губисполкомах республик СССР свидетельствуют ежемесячные отчеты для заведующих подотделами нацменьшинств, отражающие общие условия, в которых проходила работа отдела и его секций, связь с уездами, характеристику решенных вопросов, качество осуществляемых мер, участие отдела нацменьшинств в местном законодательстве, количество только зарегистрированных союзов, комитетов и др. [5, с. 335].

Неоспоримый интерес представляет и опыт привлечения национальных меньшинств к проведению предвыборных кампаний

в советы. Заслуживают внимания такие формы, как составление специального плана осуществления предвыборной кампании в городах и селах по линии нацменьшинств, в котором отражалось представительство от национальных меньшинств; создавались национальные избирательные участки, проводилась проверка представителями нацменьшинств работы горсоветов; печатались литература и отчеты советов на еврейском, польском и русском языках; популяризировались избирательный закон и задачи кампании; назначались на избирательные участки постоянные работники из числа нацменьшинств; проводились совещания членов горсоветовских и райсоветовских нацотделов, собрания рабочих и др.

Высоким был показатель участия населения национальных районов в выборах в горсоветы, райсоветы и сельские советы. Только в среднем по СССР начиная с 1925 г. он составлял 54,4 %, среди поляков – 63,5 %, евреев – 59,5 %, немцев – 57,3 %, болгар – 55,1 %, греков – 51,7 %. При участии общественности проходили заседания сельских исполкомов, советов. В соответствующих комиссиях рассматривались организационные, производственные, культурно-просветительские вопросы. Однако «демократическая эпоха» в истории национальных советов и организаций, которые с ними сотрудничали, оказалась короткой. Во время выборов 1926–1927 годов был лишен избирательного права ряд категорий крестьян, в том числе и тех, которые входили в сельские общественные объединения. Особенно много «лишенцев» оказалось среди национальных меньшинств, в частности немцев, которые владели до 1917 г. значительными наделами земли и пользовались наемным трудом [3, с. 142].

Проведение избирательных кампаний на языках национальных меньшинств впервые широко осуществлялось в период 1925–1926 гг., хотя такая работа проводилась и раньше.

Вопрос проведения избирательных кампаний рассматривался на расширенном Пленуме ЦКНМ (ноябрь 1928 г.), в работе которого приняли участие представители окружных исполкомов советов, национальных районов и окружных бюро по делам национальных меньшинств, а также представители агитационно-пропагандистского отдела ЦК КП (б), польского и еврейского бюро ЦК КП (б), Совета национальных меньшинств Народного Комиссариата образования.

В республиках, входивших в состав СССР, где национальные меньшинства проживали компактными массами, были выделены национальные административно-территориальные единицы,

в которых действовали районные, поселковые и сельские советы. Осуществление национального районирования сыграло существенную роль в обеспечении культурных и других потребностей различных групп. Законодательной основой проведения национального районирования стало постановление Совета Народных Комиссаров СССР (СНК) «О выделении национальных районов и советов» (1924 г.). Созданию национальных административно-территориальных единиц способствовало предоставление льготных условий. Так, норма количества жителей, необходимая для выделения обычных районов (25–45 тыс. чел.), снижалась до 10 тыс. чел. – для национальных районов и с 1000 до 500 чел. – при образовании национальных советов [6, с. 64].

Улучшению работы с меньшинствами способствовала подготовка национальных кадров для советских, государственных и хозяйственных органов всех регионов СССР. В течение 1926 г. на заседании административно-финансовой комиссии при СНК рассматривался вопрос «Об обеспечении районов с преобладающим населением национальных меньшинств специалистами и квалифицированными работниками, которые знают языки нацменьшинств». По данному вопросу приняли соответствующее постановление о порядке работы курсов секретарей сельсоветов, принята программа подготовки и переподготовки работников низового советского аппарата.

В октябре 1930 г. состоялось совещание по вопросам подготовки национальных кадров, в работе которого приняли участие представители ЦКНМ, наркоматов просвещения, здравоохранения, юстиции и внутренних дел.

Одной из важнейших проблем в решении национального вопроса выдвигалась и проблема доверия между российским рабочим классом и трудящимися других национальностей. Не случайно В. Ленин рассматривал ее как первостепенную в культуре межнациональных отношений. Ведь во взаимоотношениях между нациями и народностями необходима особая осторожность в подходе к национальным чувствам людей, к их культурному наследию. Проблемы языка, культуры и гражданства остро ставились при решении национального вопроса. Они предметно рассматривались на XII съезде РКП (б) и IV совещании ЦК партии с соответствующими работниками национальных республик и областей (1923 г.).

Работа среди национальных меньшинств нашла отражение в деятельности административных и судебных органов. В ряде мест, в том числе и в рамках национальных административ-

но-территориальных единиц, создавались так называемые «национальные камеры», где делопроизводство велось на языках меньшинств. В 1926 г. уже более 200 судебных и следственных органов вело документацию на языках национальных меньшинств. С 1925 г. при окружных судах создавался институт судебных переводчиков, в составе которого насчитывалось 50 штатных сотрудников. В ряде округов в состав судебных органов введены должности политиков-прокуроров, которые знали особенности быта и владели языками национальных меньшинств, проживавших в данной местности.

В декабре 1926 г. вопрос о деятельности судебных органов, которые вели документацию на языках национальных меньшинств, рассматривался на заседании Президиума ВЦИК. Заслушав отчет Наркомата юстиции, ВЦИК предложил развивать и углублять эту работу. При этом особое внимание обращалось на подготовку и инструктирование соответствующих кадров, разработку юридической терминологии, а также издание законодательных актов на языках национальных меньшинств.

Если судебные органы в работе с национальными меньшинствами достигли определенных успехов, то деятельность ряда других административных и государственных учреждений имела серьезные недостатки. В частности, это касается работы органов милиции, коммунального хозяйства. Хотя в органах милиции работали сотрудники разных национальностей, только в некоторых подразделениях предпринимались попытки расширить употребление наряду с украинским и русским языком и других языков, преимущественно еврейского [3, с. 141].

Вопросы преодоления экономической и культурной отсталости, изменения социальной структуры ряда национальных групп, привлечения их к сфере общественного материального производства, развития колоний стали предметом обсуждения в партийных и советских органах. Деятельность советских, государственных и хозяйственных органов направлена на проведение землеустройства в районах проживания национальных меньшинств, развитие колхозно-кооперативного движения, создание системы кредитования, системы подготовки и переподготовки рабочих кадров. К выполнению задач привлекались Высший совет народного хозяйства, Наркоматы тяжелой и легкой промышленности, финансов, торговли, труда, земледелия, социального обеспечения, городские и сельские общества помощи и взаимопомощи [7, с. 189].

Характерным явлением для национальной политики стало проведение беспартийных конференций рабочих и крестьян национальных меньшинств, на которых обсуждались вопросы экономического, культурного положения этих народов. Это свидетельствует о росте политической активности рабочих, крестьян, интеллигенции национальных меньшинств.

Основателями сельских общественных объединений национальных меньшинств выступали прежде всего участники Гражданской войны и большевистских аграрных преобразований.

Важной составляющей советской системы эпохи тоталитаризма стала ее репрессивная политика, направленная против собственного народа. «Законодательная» основа и правовая база репрессивного законодательства формировались по мере установления и развития советского государства. В течение этого процесса оформились параллельные структуры власти – официальная, в лице СНК и советов на местах, и неофициальная – Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) – НКВД, Политбюро ЦК ВКП (б). Одновременно шло развитие двух видов законодательства – показательного, в виде Конституции, законов и постановлений, Уголовного кодекса, и фактически действующего – подзаконных указов, инструкций, секретных писем, директив. Теневая структура власти и подзаконные акты оказывали преобладающее влияние на жизнь общества. Происходила политизация правовой системы государства. Несмотря на относительно мирный период развития внутренней жизни в 1922–1928-х гг., именно в этот период формируется законодательная база борьбы с «врагами народа». Уголовные кодексы 1922 и 1926 годов основаны на нарушении правовых норм. УК 1922 г. содержит 17 «контрреволюционных» статей. «Враг народа» был преобразован из идеологического преступника в криминального и рассматривался как особо опасный. Политические действия рассматривались как уголовные преступления. Во всех статьях УК о контрреволюционных преступлениях предусмотрены суровые репрессии, которые по жестокости превышают наказания за уголовные деяния. Секретность и подзаконность большинства законодательных актов говорит о продуманности идеологической политики [11, с. 89].

Следовательно, уже в 1920-е гг. были подготовлены репрессивные законы, которые использовались в 1930–40-х гг. Тогда же были созданы многочисленные органы внесудебного преследования. Массовые аресты осуществлялись на основе карательных операций, обусловленных тайными приказами НКВД СССР «По изъятию

антисоветских контрреволюционных элементов» (июль 1937 г.), «О репрессиях жен изменников Родины, членов правотроцкистских и шпионско-диверсионных организаций» (август 1938 г.); директивой НКВД СССР «По ликвидации антисоветского элемента на железных дорогах» и др. Имеющиеся документы свидетельствуют, что политические репрессии среди национальных меньшинств сопровождались во второй половине 1930-х гг. массовыми депортациями населения, в результате которых депортированы тысячи представителей национальных меньшинств республик СССР.

Таким образом, на политико-правовое положение национальных меньшинств СССР в 1920–30-е гг. повлияло введение ряда учреждений, которые «заботились» об этнических группах населения СССР (национальные секции ЦК КП (б), отдел национальных меньшинств при Наркомате внутренних дел, Центральная Комиссия по делам национальных меньшинств при ВЦИК).

Начатая в 1922 году реформа административно-территориального устройства имела существенные концептуальные просчеты, осуществлялась слишком поспешно, форсированными темпами, игнорируя национальный состав создаваемых национально-территориальных единиц – округов и районов. Это негативно отразилось на жизни национальных меньшинств, увеличило площадь раскола между населением разных национальностей. В результате реформы национальные меньшинства региона были фактически разорваны по различным административно-территориальным единицам, что привело к упадку традиционных форм хозяйственной деятельности, разрушило национально-культурный уклад жизни этнического населения, дополняясь бюрократическим произволом местных властей. Реформа побудила прежде всего представителей немецкого меньшинства региона к массовому выезду из страны.

Политика «коренизации» в регионах предусматривала привлечение в партийный и государственный аппарат представителей компактно проживающих национальных меньшинств. Это стало первым шагом по привлечению национальных меньшинств регионов к строительству советской власти. Термин этот, впервые появившийся в решениях X съезда, означал выращивание местных кадров, опору на коренное население республики. Показатель участия населения национальных республик в выборах в советы всех уровней был достаточно высоким. Политика коренизации дает определенные результаты, в частности в области культуры, она способствовала сохранению культурных ценностей представителей разных национальностей Советского Союза.

Библиографический список

1. Бюллетень Народного Комиссариата Внутренних Дел (Харьков). – 1923. – № 21.
2. Гусев В. И. Бунд, комфарбанд, евсекції КП(б)У: місце в політичному житті України (1917–1921 рр.). – К. : Асоціація «Україна», 1996. – 149 с.
3. Журба М. А. Радянські громадські організації національних меншин УСРР в період непу // Київська старовина. – 2000. – № 5. – С. 141–145.
4. Коламийченко И. И. На путях социалистической реконструкции. – К. : Наукова думка, 1978. – 281 с.
5. Ленинский план построения социализма и его осуществление на Украине. – К. : Наукова думка, 1982. – 381 с.
6. Міронова І. С. Національні меншини України. – Миколаїв : Вид-во Миколаївського державного гуманітарного ун-ту ім. Петра Могили, 2006. – 464 с.
7. Национальные процессы в СССР. – М. : Наука, 1991. – 261 с.
8. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 233; Звіти голів повітових комітетів НКВС (1922–1924 рр.). 89 арк.
9. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. Р-413. Оп. 2. Спр. 1: Листування Центрального бюро німецьких секцій з Секретаріатом ЦК КП(б)У (Січень 1923 р. – грудень 1925 р.). 340 арк.
10. Чирко Б. В. Національні меншини в Україні (20–30 роки ХХ століття) / НАН України, Ін-т національних відносин і політології. – К. : Освіта, 1995. – 215 с.
11. Шитюк М. М. Масові репресії проти населення Півдня України в 20–50-ті роки ХХ століття. – К. : Тетра, 2000. – 533 с.
12. Якубова Л. Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР (20-і – перша половина 30-х рр. ХХ ст.). – К. : Інститут історії України НАН України, 2006. – 507 с.

HOUCENÍ A VÝCHOVA ŽÁKŮ A STUDENTŮ NA FAKTECH HISTORIE KOZÁCTVA

I. Ju. Erochin, O. Kowalski

Croydon College, Londýn, Velká Británie

Centrum pro studium sociologie a práva, Varšava, Polsko

Summary. This paper defines a methodical aspects in the study of the history of the Cossacks and its teaching.

Key words: Cossacks; ethnicity; culture; nation; class; tradition; state; education; methodology of teaching.

Pozornost moderního státu je nyní věnována vypracování společných koncepcí v oblasti vyučování, podání a prezentaci národních dějin. Historická věda je vyzvána vytvořit celistvou představu o faktech, událostech a tendencích veřejného života, určit další vector

progresivního rozvoju. Bohužel, metodické a historiegrafické výzkumné základny v oblasti dějin jsou ztěžknouty dědictvím sovětské minulosti, kdy mnoho z pojmů, postojů a přístupů bylo maximálně ideologizováno. Plnou měrou to týká se historie kozáctva, jejichž zájem ke které se probudil s počátkem 90-tých let minulého století. V dané práci se snažíme určit nové principy a trendy v oblasti podání

Pozornost studentů a žáků je třeba namířit, nejdříve ze všeho, na takový fenomén kozácké kultury a historie, jakým jest fenomén vzniku, rozvoje a genesisu kozácké rodiny. Jestli vznik a vývoj rodinných hodnot je dost hluboce zkouman domácí vědy, otázka Genesisu rodiny byla přehlížena [3]. A právě ona představuje se podstatně významné a důležité. Pouze tradiční kozácká rodina s systémem patriarchální zřízení, která složila se v říšském Rusku, přitahovala pozornost historiků.

Hlavní nit procesu studia a vyučování historie kozáctva musí se stát potvrzení neoddelitelné spojitosti kozáctva se státem, při té příležitosti je radno stranit se konstatovat přímou těchto vztahů a závislostí. Vztahy kozáků v systému státní a vládní instituce byly často matoucí, komplexní a rozporné.

V nebezpečné a přelomové momenty historii kozáctvo, motivuje k bezmoci oficiální vlády často obracelo se ke vlastní svérázné kultuře a tradice [8] a používalo jejich jako nárazník hodnotám tradičního státu [4; 9; 12]. V těchto dobách kozáctvo vyrábělo vlastní «samostijnye» koncepcí nezávislého kozáckého státu [6].

Historie kozáctva často se představuje jednotlivými odborníky jak krajně univerzální objekt. To úplně neodpovídá skutečnosti a reálnému stavu věcí. Ve studii tradičních území kompaktního bydlení kozáctva, území kozáckých vojsk, srážeme se s tím, že oni se rozvíjely zejména různě. V každé území byli své vlastní specifické rysy a zvláštnosti [2; 5; 7; 9; 14].

Vysvětlení mnohých fenoménů v historii kozáctva lze vysvětlit přírodním kozáckým dualismem – důležitým faktorem rozvoje etnické a sociální – kulturní společnosti. Právě kozácký dualismus [13] slouží základem protikladů jak uvnitř společnosti, tak i v procesu vytváření vztahů, interakcí s institucí občanské společnosti a struktury vlády. Právě z tohoto principu je třeba vycházet, když vysvětluje roli kozáctva v historických a sociálních procesech.

Vojenská služba [1] zaujímala v dějinách kozáctva vždycky velmi zvláštní místo. Vojenská služba kozáků jako zdroj mobilizací Ruské říše je dost dobře prozkoumány a popsány historiografami. Nicméně jeho vliv na administrativní a územní strukturu kozáckých občin do detailů čeká prozkoumání a pochopení.

V dějinách kozáctva až do současnosti zůstala a zůstane dost mnoho «staré skvrny». Ty by mohly zahrnovat: výzkum metodologie pro kozáctvo, problém mezietských vztahů a mezinárodní kulturní interakce kozáci a dalších národností a etnickými skupinami a konfesijní otázka sebeidentifikační kozáctva.

Po posledněmu aspektu tradičně bylo uznáno počítat všechny kozáky pravoslavnými a fanatici výhradně na pravoslavnou víru. Nicméně historické zkušenosti ukazují že byl docela velký masiv takzvaných «poverstaniâ» v kozáci. V tomto případě zástupci národních diaspor vcházeli v subetnos při zachování jejich vlastní náboženské identity.

Zkušenost státněho budování kozáctva je cenný a vyžadován v moderních podmínkách [10, 11].

Literatura

1. Ерохин И. Ю. Казачество в системе военной службы // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – С. 172–174.
2. Ерохин И. Ю. Казачьи республики и вопросы государственности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 4. – С. 77–82.
3. Ерохин И. Ю. Казачья семья: уникальный культурный феномен в системе государства // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 1. – С. 38–43.
4. Ерохин И. Ю. Казачья концепция государственности: в эпоху войн и великих потрясений // Белые пятна российской и мировой истории. – 2013. – № 1–2. – С. 18–39.
5. Ерохин И. Ю. Казачьи республики как фактор государственности // Белые пятна российской и мировой истории. – 2013. – № 1–2. – С. 40–53.
6. Ерохин И. Ю. К вопросу формирования государственного мировоззрения казачества // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2013. – № 4. – С. 34–38.
7. Ерохин И. Ю. Идеи государственности казачества Дона // Научный обозреватель. – 2013. – № 6. – С. 58–62.
8. Ерохин И. Ю. Основы казачьих традиций // Вестник Академии знаний. – 2013. – № 2. – С. 9–17.
9. Ерохин И. Ю. Казачье-крестьянская республика Н. Махно: к вопросам Казачьей государственности // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 168–176.
10. Ерохин И. Ю. Казачество и современное государство // Культура. Духовность. Общество. – 2013. – № 4. – С. 161–165.
11. Ерохин И. Ю. Государство и возрождение казачества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2013. – № 6. – С. 13–16.
12. Ерохин И. Ю. Казаки: революция и гражданская война // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2013. – № 6. – С. 32–35.

13. Ерохин И. Ю. Проблема дуализма в вопросах казачества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2013. – № 5. – С. 19–24.
14. Ерохин И. Ю. К вопросу особенностей формирования начал государственности Донского казачества // Культура. Духовность. Общество. – 2013. – № 5. – С. 132–138.

NAUCZANIE I WYCHOWANIE UCZNIÓW I STUDENTÓW NA FAKTACH HISTORII KOZACTWA

I. Jerochin, O. Kowalski
Croydon College, Londyn, Wielka Brytania
Ośrodek Badań Społeczno-Prawnych, Warszawa, Polska

Summary. This paper defines a methodical aspects in the study of the history of the Cossacks and its teaching.

Key words: Cossacks; ethnicity; culture; nation; class; tradition; state; education; methodology of teaching.

W obecnej chwili uwaga współczesnego państwa jest skupiona na wypracowaniu ogólnych koncepcji w dziedzinie edukacji, wykładu i przedstawienia historii ojczyzny. Celem nauki historycznej jest kształtowanie zwarte go wyobrażenia o faktach, wydarzeniach i tendencjach w życiu społecznym, określenie dalszego kierunku rozwoju postępowego. Niestety, metodologiczna oraz historiograficzna baza badań w dziedzinie historii jest obciążona spuścizną radzieckiej przeszłości, kiedy wiele koncepcji, poglądów i ujęć były maksymalnie ideologizowane. Dotyczy to również historii Kozactwa, która wzbudziła zainteresowanie na początku lat 90. ubiegłego wieku. W niniejszym referacie usiłujemy określić nowe zasady i tendencje w zakresie wykładu tego tematu.

Uwagę studentów i uczniów przede wszystkim należy zwrócić na taki fenomen kozackiej historii i kultury jako fenomen powstania, rozwoju i genezy kozackiej rodziny. Jeżeli powstanie i rozwój wartości rodzinnych zostały w wystarczającym stopniu zbadane przez naukę krajową, to kwestia genezy rodziny została pominięta [3]. A właśnie ona jest bardzo znacząca i ważna. Uwaga historyków była skupiona tylko na tradycyjnej kozackiej rodzinie z systemem ustroju patriarchalnego, która ukształtowała się w ramach imperialnej Rosji.

Podstawowym tematem w trakcie badania i nauczania historii Kozactwa ma być podkreślanie nierozzerwalnego powiązania

Kozactwa z państwem, przy czym należy unikać stwierdzenia prostolinijności tych związków i powiązań. Stosunki Kozactwa z systemem państwa i władz państwowych często były skomplikowane, zawikłane i sprzeczne.

W niebezpieczne i przełomowe chwile historii Kozactwo, uzasadniając swoją pozycję bezsilnością oficjalnych władz, często zwracało się do swojej samoistnej kultury i tradycji [8], stosując je jako bufor dla wartości państwa tradycyjnego [4; 9; 12]. W te okresy Kozactwo wypracowywało również własne «samodzielne» koncepcje niepodległej państwowości kozackiej [6].

Niektórzy fachowcy czasem podają historię Kozactwa jako obiekt w najwyższym stopniu uniwersalny. Zupełnie nie odpowiada to rzeczywistości i realnej sytuacji. W trakcie badania tradycyjnych terenów zwartego zamieszkania Kozaków, terenów wojsk kozackich, widzimy, że rozwijały się one zupełnie w różny sposób. Dla każdego terenu występuje swoja specyfika i swoje osobliwości [2; 5; 7; 9; 14].

Wiele fenomenów w historii Kozactwa można wyjaśnić przez naturalny dualizm kozacki – ważny czynnik postępowego rozwoju tej wspólnoty etnicznej i społeczno-kulturalnej. Właśnie dualizm kozacki [13] jest podstawą sprzeczności tak w samej wspólnoty, jak również w trakcie nawiązania stosunków wzajemnych oraz działań wzajemnych z instytucjami społeczeństwa obywatelskiego i strukturami władz. Właśnie z tego założenia należy wychodzić wyjaśniając rolę Kozactwa w procesach historycznych i społecznych.

Służba wojskowa [1] zawsze posiadała szczególne miejsce w historii Kozactwa. Służba wojskowa Kozaków jako zasoby mobilizacyjne Imperium Rosyjskiego została dość dobrze zbadana i opisana przez historiografów. Lecz jej wpływ na administracyjne i terytorialne struktury wspólnot kozackich jeszcze czeka na zbadanie i zrozumienie.

W historii Kozactwa aż do naszych dni było i dotychczas jest dość dużo luków. Możemy do nie zaliczyć – przedmiot metodologii badania Kozactwa, kwestię związków między grupami etnicznymi i międzynarodowościowego kulturalnego współdziałania Kozaków z innymi narodami oraz grupami etnicznymi, jak również kwestię wyznaniowego samookreślenia Kozactwa.

Co dotyczy ostatniej kwestii, tradycyjnie wszystkich bez wyjątku Kozaków uważano za prawosławnych i zwolenników wyłącznie Prawosławia. Jednak, jak to widzimy z doświadczenia

historycznego, istniały dość szerokie rzesze tzn. «przyjętych» do Kozactwa. W tym przypadku przedstawiciele diaspor narodowych wchodzili do grupy subetnicznej zachowując swoją tożsamość religijną.

Doświadczenie kozackiej budowy państwa jest cenne i zapotrzebowane we współczesnych warunkach [10; 11].

Literatura

1. Ерохин И. Ю. Казачество в системе военной службы // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – С. 172–174.
2. Ерохин И. Ю. Казачьи республики и вопросы государственности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 4. С. 77–82.
3. Ерохин И. Ю. Казачья семья: уникальный культурный феномен в системе государства // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 1. – С. 38–43.
4. Ерохин И. Ю. Казачья концепция государственности: в эпоху войн и великих потрясений // Белые пятна российской и мировой истории. – 2013. – № 1–2. – С. 18–39.
5. Ерохин И. Ю. Казачьи республики как фактор государственности // Белые пятна российской и мировой истории. – 2013. – № 1–2. – С. 40–53.
6. Ерохин И. Ю. К вопросу формирования государственного мировоззрения казачества // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2013. – № 4. – С. 34–38.
7. Ерохин И. Ю. Идеи государственности казачества Дона // Научный обозреватель. – 2013. – № 6. – С. 58–62.
8. Ерохин И. Ю. Основы казачьих традиций // Вестник Академии знаний. – 2013. – № 2. – С. 9–17.
9. Ерохин И. Ю. Казачье-крестьянская республика Н. Махно: к вопросам – Казачьей государственности // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 168–176.
10. Ерохин И. Ю. Казачество и современное государство // Культура. Духовность. Общество. – 2013. – № 4. – С. 161–165.
11. Ерохин И. Ю. Государство и возрождение казачества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2013. – № 6. – С. 13–16.
12. Ерохин И. Ю. Казаки: революция и гражданская война // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2013. – № 6. – С. 32–35.
13. Ерохин И. Ю. Проблема дуализма в вопросах казачества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2013. – № 5. – С. 19–24.
14. Ерохин И. Ю. К вопросу особенностей формирования начал государственности Донского казачества // Культура. Духовность. Общество. – 2013. – № 5. – С. 132–138.

INNER BORDER CONTROL, ISSUING OF TRAVEL PASSES AND PASSPORTS, EMIGRATION AND IMMIGRATION IN THE KINGDOM OF POLAND AFTER THE FALL OF THE NOVEMBER UPRISING OF 1831

M. Rutkowski

Białystok University of Technology, Białystok, Poland

Summary. The subject of this article refers to border control established within the territory of country itself, the procedures of issuing special travel passes as well as passports, extradition and the cases of emigration and immigration in the Kingdom of Poland after the fall of the November Uprising of 1831. The research materials are mostly based on an archival origin, derived from diverse institutions established at the time in Kingdom of Poland; i. e. from: state's council, administrative council, ministerial and local administrative boards resources, dated as of thirties of 19th century.

Key words: border control; travel pass; passport; emigration; immigration; Kingdom of Poland; Russian Empire; November Uprising.

1. Description of aim and research material of the article

The subject of this article refers to border control established within the territory of country itself, the procedures of issuing special travel passes as well as passports, extradition and the cases of emigration and immigration in the Kingdom of Poland after the fall of the November Uprising of 1831. The research materials are mostly based on an archival origin, derived from diverse institutions established at the time in Kingdom of Poland; i. e. from: state's council, administrative council, ministerial and local administrative boards resources, dated as of thirties of 19th century.

2. The inner borders of the country and issuing allowance for the passage from one region to another

After crushing of Polish uprising of 1831, the tsarist authorities in the Kingdom of Poland were ensuring some strict control of the inner movement of people. There were established «*night and day guards, as well as introduced special round-ups carried on by peasants*», which were abolished not earlier than in early summer of 1833¹. In order to provide the strict supervision of persons traveling within the borders of the Kingdom, there were issued as early as in 1831 new

---

¹ The Official Journal of Mazovia Voivodship (DUWM) 1833 – 4 VII 1833. Franciszek hr. Potocki informs here about the order of military Governor of Masovian Voivodship «na decyzji Jaśnie Oświeconego Xsięcia Feldmarszałka uznawającej, iż straż nocne i dzienne, niemniej obławy przez włościan odbywane, wstrzymane zostały».

regulations, kept in force throughout the whole territory of a state, under which each and every traveller had to be provided with so-called «*an appropriate certificate*», issued by suitable, competent authorities, «*under which sovereignty sauch a traveller originally dwelled*». This caution was justified by pressing need to maintain public safety during still visible turmoil of general public sentiments in Poland. Thus, travelling from one province to another was possible only after receiving approval from local Russian Military Governors². This type of proceedings of (pro)Russian administration was with no doubt aiming on ensuring full and complete control of Polish society, which might still – according to inviding authorities – be subject to diverse «*revolutionary*» moods. It was just only on 11th of September 1833 when tsarist Governor of so-called constitutional Poland, general Ivan Paskievich issued a decision that «*any limits and restrictions in issuing certificates for travel within the country for a period not longer than one month /.../ are now not unnecessary*»³.

In order to achieve the objective of Russian-Polish formal unification, under the provisions of Administrative Council dated as of 4th May of 1833, it was ordered to repaint in Kingdom of Poland «*all barriers, road poles, lanterns, duty collection stalls, etc., namely the whole of edifices used for official business purposes, and replace old colors with these used in Russian state*»⁴. That warrant concerning repainting of fitted with public colors state buildings had in all probability in its assumption not only to make it possible to realize by Polish society the inevitability of the ubiquity of the Russian government, but also to prepare local community for the possibility of eliminating the separate existance of aby form of Kingdom of Poland.

Additionally, on the basis of that decision of Administrative Council of 29th of May / 10th of June of 1834, a provision was introduced to remove Israelities from within three miles of the borders of the Kingdom, which was *done* «*to prevent customs embezzlement or frouds*»⁵. This order may be similarly regarded as a kind of limitation of movement and residence within the Kingdom, but this time regarding the (ethnic) group of Orthodox Jews only.

---

² The Main Archive of Old Documents in Warsaw; the (Second) State Council of 1833–1841 (II RS) 102/58.

³ On restrictions in free travelling of citizens of Kingdom of Poland within the borders of the country and their lifting: DUWM 1832- 20 VIII 1832; DUWM – 24 X 1833.

⁴ DUWM 1833 – 29 VII 1833; DUWM 1834 – 17 XI 1834.

⁵ II RS 60/25.

3. Issuing of passports and travel passes

Just after the fall of uprising of 1831, under regulation of Administrative Council dated as of 6th/18th of May of 1832, those Polish citizens wishing to go abroad had to apply for a specific authorization of foreign travel, issued solely by the military Governor-General of Capital City of Warsaw. This governor was seen as the only person authorized to issue passports in the whole Kingdom of Poland at this time. At the same time, the provincial/voivodship authorities were instructed to send all requests for the issuance of passports to travel beyond the borders of the Kingdom directly to the office of above mentioned Governor-General of Warsaw¹. Simultaneously, the inhabitants of the Kingdom possessing double (or even more) citizenship, as well as these who lived near the border – particularly near borderline with Russia, received passports enabling them to cross the border several times. Such passports one could only obtain from the very hands of military Governor-General of Warsaw himself.

However, landowners having their properties cut in two by the border from side of Prussia, Austria, and Free City of Cracow, obtained the opportunity to receive the so-called travel passes (in other words: «*card coupons*»), entitling them to cross the border every day «*depending of the the needs of the farm*». On the basis of the authorization given by monarch Nikolai the 1st, similar cards got people living in Terespol, located on Russian border. Possessing such a pass the inhabitants of Terespol got their right to continue daily passage into Russian territory, specifically to the city of Brest-Litovsk².

Still in the mid-thirties of 19th century passports were issued in Kingdom of Poland at the request folded on behalf of the petitioner by the provincial Voivodship Commission to the office of military Governor-General of Capital City of Warsaw. The only significant difference that occurred in the issuing of passports procedure consisted of (starting since 1834) fact that the military Governor of Cracow Voivodeship, as the sole representative of all local authorities in Kingdom, had now a legal right to allow the people from his province to make a trip abroad, and – eventually – of issuing them passports. Such a change was provoked by the genuine need for

---

¹ I RS 102/59.

² II RS 102/60.

undertaking many local decisions to grant the right to have passports, especially when many people from this area of country sold major part of their agricultural products abroad, i. e. in the Free City of Cracow. The relevant provision of Administrative Council was issued here on 13th/25th of July of 1834³.

The new regulations issued in terms of obtaining passports have contributed greatly to increase control over the people who have decided to travel abroad. After the November Uprising the authorities «*were dealing in the procedure of issuing passports with a greater degree of caution*». In practice it meant initially almost completely separation of country from the outside world. The military Governor-General of Capital City of Warsaw – person authorized to issue passports for foreign trips and to travel all over the Kingdom – now had a «*very solid*» messages about almost all the journeys undertaken by citizens of the Kingdom.

For the sake of fulfilling the main purposes and aims as well as guidelines set out by the government in order to strictly supervise foreign travel of citizens of the Kingdom and general «*sealing*» of the border, it was necessary to ensure in this regard full cooperation with the authorities of the neighboring countries⁴.

The main problem concerned Prussia here, where all the local administrative levels of government have the power to issue written authorization allowing crossing of the border, what was obviously resulting in quite a liberal politics in this regard. Thus, Prussian citizens have been authorized to enter into the Kingdom of Poland not only on the basis of showing their passports issued by each and every regencies and landrates, but even on the basis of presenting certificates given away by municipalities, and especially by mayors of urban municipalities. As a consequence, the authorities of post-uprising Kingdom of Poland expressed their constant opinion that such a conduct of Prussian government was unable to provide adequate «*security guarantee*» of proper control of persons crossing the border.

It was therefore decided to agree on the subject with the Prussian authorities, what in reality took place with an extensive help of Consul General of Prussian State. The consultation resulted in highly «*desired*» effect. Strict rules for verification of the nature and provenance of the Prussian passports were laid down, corresponding exactly with

---

³ II RS 103/13.

⁴ II RS 103/12.

the matter which of them were to be considered by the government of Kingdom as legitimate ones¹.

4. Extradition

Just before outbreak of the revolution, on 17th / 29th of March of 1830 there was finally resigned previous international arrangement between Russia and Prussia, signed for the purpose of confirming mutual extradition of both military and criminal fugitives. This agreement has been approved by monarch Nikolai the 1st in April of that year. The signed convention has been in practice, however, entered into force only in 1832, i. e. after the fall of the November Uprising. However, with Austria there was signed a similar agreement much earlier, on 5th/17th of June of 1815, which was then reiterated in Vienna on 14th/26th of July of 1822. In the early Paskievich era it was still in force without any changes².

Beginning with September 16th of 1831 the extradition activities were in the hands of Russian officers as well as (what it is clearly worth mentioning) officers from the newly defunct Polish Army. They presented reports on their activities on a periodic basis, while holding fugitives delivered on diverse occasions to the Russian military authorities.

After the perturbations associated with the march of bigger part of defeated Polish Army outside the borders of Kingdom after final collapse of November Uprising, even in the mid-thirties of 19th century (1834), the tsarist authorities of Kingdom of Poland spent total sum of 8 185 Polish zloties for the purpose of extradition exchange actions and maintaining of so-called «*interchange points*», held on basis of the necessity of fulfilling articles of previously mentioned conventions on extradition of fugitives. However, in the ministerial reports (these of Ministry of Internal Affairs) there was none direct mentioning determining the actual number of military fugitives/deserters given away or received back in this way.

The very fact of participation in ongoing extradition activities undertaken by Russian authorities of some former representatives of

---

¹ II RS 103/13. On issuing of passports and travel passes: The Main Archive of Old Documents in Warsaw; the Administrative Council of 1815 – 1867 (RA) 20/500-501; RA 22/104, 506-511, 617-618; RA 23/41-42, 793-794, 815-816, 908-912; RA 24/429-430, 735-737; RA 25/92-97, 187-195, 530-532; RA 26/33-34; DUWM 1831 – 17 X 1831; DUWM 1831 – 19 XII 1831; DUWM 1832 – z 14 II 1832; DUWM 1832 – 23 III 1832; DUWM 1832 – DUWM 1832 – 30 VII 1832; 26 III 1832; DUWM 1833 – 16 I 1833; DUWM 1833 – 27 VI 1833; DUWM 1834 – 18 II 1834; DUWM 1834 – 7 VII 1834.

² II RS102/62.

dissolved Polish Army leads us to the conclusion of a certain ironic ambiguity conduct of their tsarist patrons here. Secondly it shows us that in the ranks of already liquidated under the supervision of Polish Lieutenant-General Joseph Rautenstrauch army of the Kingdom there were quite many people so openly standing on the side of monarch Nikolai the 1st3.

At the beginning of the second half of thirties of 19th century, extradition of fugitives and criminals from and into Poland and Prussia was still held within frames of convention concluded in Berlin in 1830. There were specific border points chosen for implementation of such a convention, located in Dobrzyń on Drwęca river, Wierzbołów (Wierzbołowo), Szczuczyn and Kalisz. The extradition relations between Kingdom of Poland and Austrian Empire also remained in 1836, as previously, under the conditions prepared by treaty of 1815, then confirmed again in Vienna in April 1822. The mutual exchange of fugitives and refugees was marked on the Polish-Austrian border in two following locations: Tomaszów Lubelski and Wilczkowie. All the above mentioned exchange sites were administered by officers delegated from so-called «*Commands for the (Military) Disabled*»⁴.

During the following 1837 year the extradition of criminals, deserters, and other individuals prosecuted by law was carried out as in previous years. These activities took place on the basis of compliance with so-called cartel agreements concluded by the Government of Kingdom with neighboring countries. Some exception was observed here in relations with Prussia only, because – as was stated by Polish ministry – «*an experience has taught us that many persons protecting themselves from conscription often found refuge there [i. e. in Prussia]*». Then, after obtaining a Prussian passports, these would-be conscripts often returned to Kingdom of Poland, already possessing Prussian citizenship. Therefore, attempting to prevent any future similar behavior of inhabitants of Kingdom of Poland – refugees, fleeing from Poland to Prussia, and after holding intergovernmental consultations it was decided that, in case of capturing of such fugitives, it was necessary to write down the relevant protocol testimony. These protocols were then sent to the authorities of a higher level «*to undersdtake final decicionreferring to these refugees*»⁵.

---

³ II RS103/48-50. On extratition: RA 20/223-225; RA 22/ 395-296; DUWM 1832 – s. 683-686, DUWM 1832 – 10 VIII 1832, DUWM 1832 – 14 XI 1832.

⁴ II RS 104/214.

⁵ II RS 105/5.

At the end of the thirties of 19th century (i. e. in 1838) there were still carried in Kingdom of Poland extradition procedures concerning fugitives and criminals. This «*service*» was at his time carried out mostly within the «friendly line» of relations with Prussia. The proper extradition was carried out on the Prussian border by the means of acting of established «*extradition posts*». These posts were at work in 1838 in Dobrzyń on Drwęca river, Wieruszów (not in Wierbołów, as previously), Szczuczyn and Kalisz. Additionally, any Polish-Austrian extradition relations were still in 1838 practiced on the basis of the implementation of an agreement dated as of 1815. Polish-Austrian extraditionposts acted in Tomaszów Lubelski, and Wilczkowiec¹. What is worth mentioning, the were none extration posts of Polish-Russian border.

Even if for the better part of the period of the thirties of 19th century the border of Kingdom of Poland wasn't eventually stabilized, the (pro)Russian administrative authorities, minimizing the possibility of obtaining a standard passport, showed however some understanding of «*economic sense*». What is more important is the fact that the limitation of issuing of passports for citizens of Kingdom of Poland after the fall of November Uprising seems to be, however, the very outcome of full implementation of these general tsar's principles, where Nikolaj the 1st planned – at least temporarily – to prevent the public conduct of foreign trips from this Kingdom. The initial strict control of internal travel and an extensive system of extradition completed the image of border surveillance.

5. Basic law articles concerning immigration and emigration in the Kingdom of Poland after the fall of November Uprising of 1830–1831

Accordingly with the principles of the Russian imperial government in the Kingdom of Poland given in a way of formal instructions dated as of 2nd of March, 10th of August and 28th of October of 1816, as well as those of 3rd of May of 1817, foreigners (craftsmen, manufacturers and farmers) could formally arrive in the Kingdom of Poland «*for the purpose of settlement*». These principles were also in force in the period beginning after the fall of the November Uprising of 1830–1831².

---

¹ II RS 105/107.

² DUWM 1833 – 15 VII 1833; DUWM 1833 – 29 VII 1833.

In postwar reality, the matter of immigration and emigration showed its new importance and meaning. Thus it drew the specific attention of Paskievich era authorities of Poland. It is understood that the first person focusing on the need of renewing study of Polish immigration/emigration laws was Roman Fuhrmann. He was at the time designed as the Director General presiding in the Polish Government Committee of Treasury and Finances (Ministry of Finances). Namely, on the 23rd of November of 1832, during a session of the Administrative Council, minister Fuhrmann presented applications written by citizens of several different German states, desirous to settle down in the Kingdom of Poland. The minister proposed then deliberation as well as new qualification of principles of reception of foreigners in Poland. In the same time Roman Fuhrmann proposed the public performance of advantages that could happen to foreigners inflowing to Poland. Finally, the formal project of the new law was also prepared by the minister of the Government Committee of Treasury and Finances. What was more, on the 23rd of November of 1832 Roman Fuhrmann submitted it for consideration of the government of Kingdom of Poland. As a result, the Administrative Council decided to send this project to the Government Committee of Domestic, Spiritual and Public Educational Affairs. It was decided that the newly introduced law had to be finally evaluated in the above mentioned ministry³.

In the end, on the 10th of June of 1833 the Administrative Council accepted new project of law, according to which foreign manufacturers, workers and farmers could flow into the Kingdom of Poland without too many restrictions⁴. Then, on its session of the 5th of November of 1833, Polish government focused its attention on inconvenience results derived from inadequate interpretation of article 4 of the immigration law of the 10th of June 1833 (It was stated originally in this very article, that the immigrants/colonists arriving into Poland had to direct themselves firstly to the capital of country – Warsaw. After arriving there, they had to present themselves «*in their persons*» in offices of the Government Committee of Domestic, Spiritual and Public Educational Affairs). As a consequence of performing such deliberation, the Administrative Council affirmed such a solution that there was no need or any absolute necessity for the immigrants to show themselves in the ministerial

---

³ RA 27/445–446.

⁴ DUWM 1833 – 15 VII 1833; DUWM 1833 – 29 VII 1833.

offices personally. The Government also ordered that since the 5th of November of 1833, only one person was required to represent «*a dozen or so families*» – while appearing in Warsaw’s ministry personally¹. Additionally, as a kind of a suitable answer to considerable increase of emigration movement in postwar Poland, on the 13th of December of 1833 the Administrative Council gave new orders relating to inflowing into the Kingdom of Poland of foreign craftsmen and journeymen. In this decree, the Polish government specified administrative regulations concerning especially foreign craftsmen. Also the ministry (Government Committee of Domestic Spiritual and Public Educational Affairs) addressed a similar decree on the 10th of January of 1834².

In spite of the above described introduction of new legal conditions of settlements in the country, initially the migration movement to Poland was in the first years after the fall of November Uprising comparatively small. For example, in 1834 only 419 persons emigrated to the Kingdom of Poland from abroad. In majority, these were colonists – farmers³. Taking into account this unfortunate circumstances, the government of Kingdom even more then previously continued formally to support the foreign craftsmen inflow into Poland in the second half of thirties of 19th century.

One of the new solutions and facilitations introduced in these times, initially encouraging the arrival of foreign craftsmen into Kingdom of Poland, was a formal describing by the government of suitable «*explanations*» and spreading them by tsarist diplomatic agencies. These explanations were to be given by special immigrant agents (Russian imperial officials) serving in tsarist diplomatic branch offices and embassies across Europe. The explanations as stake concerned the conditions of existence in Poland; they also described formal conditions of arrival, indispensable to obtain an entrance agreement to so-called constitutional Poland.

It is also necessary to add that during the exact settlement in Poland, the foreign craftsmen got in the same time assurances and «*firm help/support*» from the side of government itself. This support depended however on several conditions. It mostly concerned the possibility of supervising of keeping by private owners the contract specifications, undertaken guarantees and promised

---

¹ DUWM 1834 – 19 V 1834.

² DUWM 1834 – p. 265–266.

³ II RS 103/67.

«conveniences», that were granted to foreign immigrants⁴. As it can be easily seen from this description, introduced in the Kingdom of Poland after the fall of November Uprising newly changed articles of immigration law, many in many ways and aspects be seen as quite profitable to the immigrating foreigners. Although the implementation of these new law regulations in practice did not generally increase the inflow of immigrants to Poland.

6. Colonists settled in Polish government agricultural lands after the fall of the November Uprising of 1830–1831

After cessation of hostilities the of Polish-Russian war of 1830–1831 and in the beginning of thirties of 19th century, diverse controls – executed on the territory of Polish government agricultural lands – informed the authorities of Kingdom that the number of deserted country farms (with and without possessors' buildings) reached tremendous amount. For that reason, the tsarist Governor of Kingdom of Poland Ivan Count Paskiewicz «*thought*» of inviting to Poland some extensive number of foreign agricultural settlers. They were to possess «*places deserted in time of revolt*». It is worth adding that in the same period of time, an «*formal inquiry*» conducted on the terrain of state forests showed the possibility of stubbing of up to 700 so-called «*forest lodgings*».

Formally, the duty of peopling abandoned territories and places fell on tenants of a given state terrain. Above mentioned legal circumstances did not change in anything the way of proceedings of Voivodeship (Province) Committees, which «*had looked after the necessity of proper using these kinds of grounds*». Tsar's governor in Poland finally came to the conclusion that more certain profit will bring settling down foreign colonists on completely deserted places.

In order to fulfill Paskievich's «*desire*», a partially new (or rather to some extend changed) settlement law was introduced. Differences between the law issued in the period completed with the November Uprising and the new immigration mechanisms introduced after 1831, were to some extend considerable.

---

⁴ II RS 104/90. In general, about the living conditions of workers in the Kingdom of Poland in Paskievicz era see: T. Łepkowski, *Początki klasy robotniczej Warszawy*, Warszawa 1956; E. Boss, *Początki sprawy robotniczej w Królestwie Polskim w latach 1831-1855 (epoka paskiewiczowska)*, Sprawozdania z pos. Tow. Nauk. Warsz. Wydz. 2 Nauk. Hist., Społ. i Filozof., r. 22, Warszawa 1929; tenże, *Sprawa robotnicza w Królestwie Polskiem w okresie paskiewiczowskim 1831-1855*, Warszawa 1931; *Wybór tekstów źródłowych do historii kształtowania się klasy robotniczej na ziemiach polskich w XIX wieku*, red. Natalia Gąsiorowska, 1958.

In the period before the uprising of 1830–1831 in the Kingdom of Poland there were often accepted new settlers that had no own property, or even those having no means of self maintenance. As the (Second) Polish State Council stressed in its report dated in the early Paskievich era, «*before 1831 the government supported the settlement of foreigners (especially: farmers) having by no means certainty of paying back loaned sums. Often after ending of the period of tax exemption foreign colonists emigrated from Poland to other countries*».

As a result, in accordance with Paskievich's demands, the new law project was worked out together by Government Committee of Domestic Spiritual and Public Educational Affairs as well as by Government Committee of Treasury and Finances. Most of all, the new law project had to prevent these – occurring previously – «*inconveniences*». Settlers could no longer arrive in Poland without having presented «*proof of eligibility*».

What more, these formal documents were to be most of all verified by the tsarist imperial consuls and their supporting staff, residing in almost all different parts and countries of Europe. Also, after 1831, foreigners-colonists could no longer prove their level of possession (wealth) using one and the same capital «*passing from hand to hand*»¹. In order to avoid these embezzlements, in the newly introduced law was strictly recorded that new colonists were obliged to personally delivery (or by sending by Post) to Warsaw's Bank of Poland some capital, in sum, however, no less than 1200 Polish zloties. For persons willing to emigrate to Poland it was also possible as well necessary to present to the Russian consul a valid certificate confirming his occupation and «*skills*».

To much surprise, in spite of introduction of these difficult to fulfillment requirements, relating to conditions regarding taking active part in colonization process in Kingdom of Poland, in a very short time after the war (i. e. until the end of 1833) about sixty German families arrived in Poland, administering altogether the fund of approximately 177 thousand of Polish zloties. In the next year of 1834 another 913 families of colonists emigrated to Poland; part of these settled in government agricultural lands, another of them directed themselves to private areas². In the forthcoming years this process was kept on approximate the same – not too high – level.

---

¹ II RS 60/184.

² II RS 60/185. On colonists: RA 22/ 566-568, RA 23/289-291; DUWM 1833 - 24 X 1833, DUWM 1834 - 24 IX 1834.

7. Industrialists, workers as well as peasant emigration from Poland to Russia in thirties of XIX century.

On the basis of the decree of the Ruling Senate of Russian Empire, dated as of 11th of March of 1832 – given after taking into consideration the inflowing requests written on the part of (foreign) owners of factories – clothiers as well as foremen living in Poland were permitted by the Russian authorities to move permanently to Russian territory and settle there³.

As a consequence of such a decree, on the 18th of March of 1832, the Russian Minister of Finances, Kankrin, sent the Polish Administrative Council tsar's personal «*ukaz*» (an order), directed previously originally to St Petersburg's Ruling Senate. As stated previously, mentioned here «*ukaz*» included a permission for living in Poland manufacturers and clothiers to transfer their machineries and to settle personally in Russia. Next, on the 25th of April of 1832, the Administrative Council of Kingdom recommended to deliver newly issued in St Petersburg law to several Polish ministry offices, i. e.: Government Committee of Domestic Spiritual and Public Educational Affairs as well as to Government Committee of Treasury and Finances⁴.

Basing on the new imperial decision, the Polish owners of factories could build on Russian soil fabric factories, both in cities and on the territories of their administrative districts, «*having no necessity to sign up at (stock)exchange*». Such a permission was valid for total length of ten years (starting with the introduction of a new law). During these years they were also free from any kind of «*public weights and taxes*». Additionally, Polish workers that were moving to Russia were not initially forced to enter any kind of local guilds⁵.

On the 31st of May of 1832, the Russian Home Secretary addressed to imperial Governor in Poland, Ivan Count Paskiewicz, an official statement, describing precisely the rules according to which the whole process of migration from Poland to Russia had to be implemented. «*Rules under which craftsmen and colonists foreigners may move from the Kingdom of Poland to the Russian Empire*» were then openly to the public and widely presented. On the 19th of June 1832, new laws were officially introduced into the structure of Polish formal legislation system. It was achieved by the order of the Government Committee

---

³ DUWM 1832 – p. 590–593.

⁴ RA 23/443.

⁵ DUWM 1832 – p. 590–593.

of Domestic Spiritual and Public Educational Affairs¹. Next, on the 23rd of January 1833, the Government Committee of Domestic, Spiritual and Educational Affairs procured the final statement, fully describing the rules according to which it was possible for Poles (and it was acceptable to Russian authorities) «to colonize» and «settle down» in the territory of Russian Empire. The newly introduced law was printed in two languages in Voivodeships Formal Newsletters; the printed text was published in Polish and German².

On the 8th of June of 1832 the Government Committee of Domestic Spiritual and Educational Affairs presented the administrative way of proceedings, leading to eventual receiving of emigration passports³. It was accepted as a general rule that all persons' surnames and names (especially these of manufacturers and craftsmen) desirous to emigrate successfully to Russia had to be announced for some period of time at local Polish press. The authorities precisely determined span of time sufficient, in their imagination, to fairly close local society relations of willing to emigrate manufacturers⁴. It had, however, soon turned out that new emigration laws weren't properly and efficiently executed by different Polish administrative officers, especially: members of district police, village mayors as well as municipal mayors. What was more, the special situations occurred extremely often when, in order to obtain a passport, the prospective immigrants could possibly wait in Warsaw even ten or more days (at that time there were still in Poland only two offices issuing passports, one of them in capital Warsaw and another in Kielce, the seat for Russian military governor for Cracow Province). In this situation Government Committee of Domestic Spiritual and Educational Affairs wrote special statement regarding the matter of emigration to Russia, where it was (not too strongly) affirmed that the whole cause of delays lies «*in indifferent treatment of given requests in this matter by village mayors and police district officers*». It was underlined again that each person willing to emigrate to Russia should firstly contact the local village mayor's office as well as the district police officer, or the city mayor. In addition it was clearly shown and stated that the duty of continuation of any further procedures of emigration matters rested thereon especially on Polish local officials⁵.

---

¹ DUWM 1832 – p. 958-560; RA 24/377-379.

² DUWM 1833 – 15 IV 1833.

³ DUWM 1832 – p. 785-789.

⁴ DUWM1832 – p. 1112-1113.

⁵ DUWM 1833 - 5 VII 1833.

In such circumstances, there was no need to wait any longer for real effect of introduction of new laws. Taking advantage of the possibility of relying on newly introduced articles of law, on the 18th of May of 1832 already, fabric manufacturers from the Konstantynow locality processed the application concerning receiving of passports for 132 families, desirous to emigrate from Poland to Russia⁶.

In the same time, Russian civil as well as military officials called loudly for massive Polish departure to Russian Empire. For example, general of infantry Inzow sent to Polish Government Committee of Domestic Spiritual and Educational Affairs information about newly opened possibilities of settling in abandoned farms, located on the terrain of former German colonies in Russian Bessarabia (quite next to Black Sea shore itself). Warsaw's ministry published then such a notice (or rather advertisement) in a form of its official decree, dated as of 11th of April of 1833⁷.

The process of emigration from Poland to Russia wasn't however monotonous. For instance, during the twelve months of 1834 from Kingdom of Poland emigrated (after obtainment of emigration passports) relatively not too many persons. Russian immigration officials wrote down in such period of time only 118 craftsmen relocating from Kingdom of Poland to Russian Empire. What was even more surprising, in the same time only 2 craftsmen emigrated from Poland to Prussia. Polish state authorities confirmed on their side that all persons permanently leaving Poland were engaged in weaving of woolen articles⁸.

Different and truly special professional group of Polish citizens, whose fate was touched by the necessity of emigration from their native country, were Polish miners (although in such a case the emigration process was most often and openly connected with case of facing the necessity caused by «*higher orders*»). The situation happened when – in the very beginnings of the period after the fall of the November Uprising – tsar Nikolai the 1st decided «*to transfer*» to Russian Ural mountains mining institutions and mines themselves important number of workers and officials of Mining Corps of the Kingdom of Poland⁹. As a consequence of emperor's decision, on the 29th of May of 1832, the Administrative Council was formally notified by count Grabowski (Minister of Secretary of State for the Polish Matters

---

⁶ RA 23/824; RA 24/14.

⁷ DUWM 1833 - 22 IV 1833.

⁸ II RS 103/67-68.

⁹ RA 23/952.

ad litem Russian emperor) about Nikolai's recommendation of possibility of «*assimilation*» of Polish miners (as well as an official administrative structure of local mining «*ranks*») in tsarist Russia.

On the 18th June 1832, the Warsaw's Government Committee of Treasury and Finances presented for evaluation of the Administrative Council report «*in a matter of Polish mining rank comparison with similar ranks obligatory in Russia*». This report was, however, issued mostly for the sake of Polish miners already living in tsarist empire. It concerned also those Polish mining workers and officials who just recently received an imperial order to relocate to Russian mines in Ural mountains; as well as these who were simply considered and recommended as especially useful in Russian mining. It was understood that all these persons were to be formally ascribed to suitable administrative ranks already in force in Russia. However, receiving detailed opinion of the Government Committee of Treasury and Finances, Administrative Council did not present any decisive opinion on such a matter, leaving this question to the Russian authorities and Polish ministry. Rather strangely, the government affirmed that such an evaluation of Polish and Russian official ranks is too complicated to undertake in Warsaw only. The Government Committee of Treasury and Finances was only recommended to follow its own suggestions and specifications in evaluating ranks of Polish miners destined to emigrate to Russia¹. Thus, one could have here rather surprising impression of slight reluctance of Polish depended and subdued government to take its responsibility for following tsar's Nikolai the 1st orders.

8. Conclusion

To conclude one could possibly admit few general observations. Firstly. The repainting of all barriers, road poles, lanterns, duty collection stalls, as well of all state buildings and edifices requires to be counted among one of the most spectacular signs of new Polish-Russian formal relations after the fall of November Uprising.

Secondly. Rapid introducing in Kingdom of Poland of Paskievich era many restrictions on foreign travel, was most commonly related to issuing of passports only by the military Governor-General in Warsaw; and then by such a military Governor residing in Cracow province. Together with measures undertaken by tsarist authorities in implement-

---

¹ RA 25/24-26. On subjects rised see also: M. Rutkowski, Zmiany strukturalne w Królestwie Polkim wczesnej epoki paskiewiczowskiej. Studium efektywność społecznej, gospodarczej i administracyjnej zniwoloniego państwa, wyd. 2, Rzeszów 2007.

ing stricter immigration policies (forced to some extent by the existence of more liberal Prussian laws), these restrictions were surely an emanation of the principles of imperial tsarist policy, assuming maximum cutting-off of society of Kingdom from any kind of direct foreign contacts. In these cases, however, where there would not appear any suspicion of a possible political background of a prospect voyage of single citizen, the above assumptions were not met in absolute terms. Minimizing possibility of obtaining «*a standard passport*», the authorities have demonstrated themselves a kind of economic sense, allowing for instance owners of landstates located on both sides of the border to obtain special «*travel passes*». It seems that the most pragmatic visual and formal expression of the control aspect of «*border policy*» was, however, participating in extradition activities of some representatives of dissolved Polish Army. As such, it allows us to draw a conclusion of a clear existence in the ranks of liquidated Polish army of Kingdom of fairly large group of people openly supporting the Romanov Empire politics. On the other side, the very appearance of this phenomenon give us insight into the «*reasonable*» imperial way of thinking, while using Polish professional to conduct the extradition of Polish element after the fall of November uprising. Holding in practice the real border control of Kingdom of Poland, the Romanov Empire sanctioned morally in this way to its own benefit strict aspect of introduced effective blocking of people movement. As one here can easily see, effectively implementing their demands in the field of Polish border control, the authorities of St Petersburg showed some kind of deliberate course of action, protecting in the same time basic Russian Empire political and social interests, and having additional impact on the general psyche of inhabitants of the Kingdom. The combination of these aspects of the border-control action gives a picture of Russian high-class policy. It tells us also about its potential opportunities, manifested particularly clearly in the absence of effective contraction from the side of the Polish administration of the Kingdom.

Thirdly. It is also reasonable to add that after the fall of the November Uprising, the tsarist authorities for the most part did not encourage immigration to Poland, but rather in many ways made it more difficult; while these intentions were hidden behind some formally positive administrative moves. On the contrary, they encouraged the emigration of Polish craftsmen and industrialists to Russia. The above mentioned facts portray us the surprising general migration phenomenon, characteristic for the subdued country that was governed by an invading power.

EWOLUCJA POJĘCIA «CUDZOZIEMIEC» W ROZUMIENIU USTAWY Z DNIA 24 MARCA 1920 R. O NABYWANIU NIERUCHOMOŚCI PRZEZ CUDZOZIEMCÓW¹

B. Zamącińska

Universitet Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Summary. The Act on the Acquisition of Real Estate by Foreigners belongs to the oldest acts in the Polish Legal System. The aim of this article is to introduce the historical changes made to the concept of 'foreigner' defined in the above Act.

Key words: foreigner; non-resident.

1. Uwagi wprowadzające

Pojęcie «cudzoziemiec» występuje zarówno w języku potocznym jak również stanowi kategorię określoną normatywnie. W świetle definicji zawartej w słowniku języka polskiego jest on określony jako obywatel obcego państwa, obcokrajowiec [22, s. 101]. Szerzej pojęcie to – na potrzeby określenia warunków wjazdu, przejazdu oraz pobytu na terytorium Rzeczypospolitej Polskiej – ujmuje ustawa z dnia 13 czerwca 2003 r. o cudzoziemcach [19] wskazując, iż cudzoziemcem jest każdy, kto nie posiada obywatelstwa polskiego. Powyższa ustawa nie jest jedynym aktem prawnym, który zawiera normatywną definicję cudzoziemca. Przedmiotowe pojęcie definiuje także ustawa z dnia 24 marca 1920 r. o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców (dalej jako ustawa) należąca do jednego z najstarszych aktów prawnych, które funkcjonują w systemie prawa polskiego [14]. Na przestrzeni lat, kluczowe dla wymienionego aktu pojęcie «cudzoziemiec» przeszło swoistą ewolucję zmierzającą w kierunku rozszerzenia jego zakresu o nowe podmioty (a w konsekwencji objęciem tej kategorii podmiotów obowiązkiem uzyskania zezwolenia na nabycie nieruchomości). Celem niniejszego opracowania będzie ukazanie historycznego procesu zmian przedmiotowego pojęcia, a następnie określenie wzajemnych relacji pomiędzy aktualną definicją cudzoziemca oraz definicją osoby zagranicznej (w tym przedsiębiorcy zagranicznego), które to zbliżone kategorie pojęciowe określa ustawa z dnia 2 lipca 2004 r. o swobodzie działalności gospodarczej (na potrzeby prowadzenia w Polsce działalności gospodarczej przez podmioty z innych państw) [20].

---

¹ Poruszona problematyka stanowi część (podrozdział) niepublikowanej rozprawy doktorskiej na temat: *Prawno-administracyjne ograniczenia nabywania nieruchomości przez przedsiębiorców zagranicznych* obronionej przez autorkę na Wydziale Prawa WSHiP im. R. Łazarskiego w Warszawie w 2007 r.

2. Pojęcie cudzoziemca do roku 2004

Ustawa w swoim pierwotnym brzmieniu posługiwała się pojęciem obcokrajowiec odnosząc je do osób fizycznych i prawnych. W odniesieniu do osób prawnych brak było ustawowych przesłanek wskazujących na to, kiedy podmiot uzyskiwał status cudzoziemca. W doktrynie prawniczej przyjmowano, że decyduje o tym posiadanie siedziby za granicą [12, s. 58]. Normatywna definicja cudzoziemca wprowadzona została do treści przedmiotowego aktu prawnego ustawą z dnia 23 grudnia 1988 r. o działalności gospodarczej z udziałem podmiotów zagranicznych [15]. Treść art. 1 otrzymała następujące brzmienie: ust. 2 cudzoziemcem w rozumieniu ustawy jest:

- 1) osoba fizyczna nie posiadająca obywatelstwa polskiego;
- 2) osoba prawna mająca siedzibę za granicą;
- 3) osoba prawna mająca siedzibę na terytorium Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej, kontrolowana bezpośrednio lub pośrednio przez osoby wymienione w pkt

1 i 2. Zgodnie z ust. 3 wymienionego artykułu w przypadku spółki handlowej za kontrolowaną uważa się spółkę, w której osoby wymienione w ust. 2 pkt. 1 i 2 posiadają bezpośrednio lub pośrednio, co najmniej 50 % kapitału zakładowego. W ten sposób przesądzono, że osoby prawne, mające swoją siedzibę poza granicami kraju są cudzoziemcami w rozumieniu ustawy. Ponadto rozszerzono zakres pojęcia i za cudzoziemców uznano także osoby prawne mające siedzibę na terytorium naszego kraju, które są kontrolowane bezpośrednio lub pośrednio przez osoby fizyczne nieposiadające obywatelstwa polskiego oraz osoby prawne, mające siedzibę za granicą. Pojęcie kontroli ustawodawca zdefiniował w odniesieniu do spółki handlowej przyjmując, że cudzoziemiec efektywnie mógł wpływać na prowadzenie spraw spółki i wybór jej władz, posiadając bezpośrednio lub pośrednio 50 % kapitału zakładowego. O bezpośrednim posiadaniu co najmniej 50 % kapitału zakładowego można było mówić wówczas, gdy suma wartości nominalnej udziałów (akcji), przypadających w danej spółce cudzoziemcom, wynosiła co najmniej 50 % kapitału. [13, s. 28]. Na tle ówczesnej definicji spółki kontrolowanej brak było jednomyślności co do zakresu «posiadania pośredniego». W. Popiołek wskazywał, że o «posiadaniu pośrednim» można mówić wówczas, gdy cudzoziemiec nie uczestniczy bezpośrednio w kapitale spółki, ale kontroluje kapitałowo wspólnika (akcjonariusza) w sposób prowadzący do bezpośredniej kontroli, tj. posiada co najmniej 50 % kapitału zakładowego tego wspólnika [6, s. 131; 13, s. 30]. Zdaniem autora nie była objęta zakresem ustawy

z 1920 r. taka sytuacja, gdy cudzoziemiec kontrolował spółkę prawa polskiego nie poprzez uczestnictwo w kapitale zakładowym, lecz przez odpowiednią liczbę głosów, przyznaną mu umową (statutem) spółki lub w porozumieniu z innymi wspólnikami albo dzięki uprawnieniu do decydowania o składzie organów zarządzających lub nadzorczych. W literaturze pojawiło się również przeciwne stanowisko uznające, że posiadanie pośrednie ma miejsce wówczas, gdy suma wartości nominalnej udziałów (akcji) przypadających cudzoziemcom wraz z udziałami (akcjami) przypadającymi innym wspólnikom (akcjonariuszom), wobec których cudzoziemcy na mocy stosownych umów i pełnomocnictw wykonują prawa wynikające z tych udziałów (np. prawo głosu), wynosi co najmniej 50% [13, s. 30]. Definicja spółki kontrolowanej spotkała się z krytyką przedstawicieli doktryny prawniczej jako nieodpowiadająca realiom i odbiegająca od kryteriów, przyjętych wzorem prawa europejskiego w ustawie o spółkach z udziałem zagranicznym. [13, s. 30; 8, s. 199]. Obowiązująca od 01 lipca 1991r. ustawa o spółkach z udziałem zagranicznym [16] wprowadziła szerszą definicję «podmiotu zależnego od podmiotów zagranicznych», rezygnując ze wskazywania proporcji w jakich został objęty kapitał zakładowy, na rzecz przesłanek określających rzeczywisty wpływ danego podmiotu na sprawy spółki. W tym celu definiując «zależność od podmiotu zagranicznego» odwołano się do tzw. zależności prawnej, wynikającej z postanowień umowy (statutu spółki), upoważniającej podmioty zagraniczne do powoływania albo odwoływania większości członków organów zarządzających osoby prawnej oraz do tzw. «unii personalnej», łączącej większość członków zarządu albo osób pełniących funkcje kierownicze w podmiocie zagranicznym i spółkach z udziałem tego podmiotu [8, s. 199, s. 21]. Ustawą z dnia 03 lutego 2001 r. [18] definicja cudzoziemca otrzymała nowe brzmienie. Status cudzoziemca uzyskała także nieposiadająca osobowości prawnej spółka cudzoziemców, mająca siedzibę za granicą, utworzona zgodnie z ustawodawstwem państw obcych. Za cudzoziemca uznano również spółkę handlową nieposiadającą osobowości prawnej, mającą siedzibę na terytorium RP, kontrolowaną bezpośrednio lub pośrednio przez cudzoziemców – definicja cudzoziemca w brzmieniu sprzed nowelizacji z dnia 03 lutego 2001 r. nie wyodrębniła jako odrębnej kategorii jednostek organizacyjnych nieposiadających osobowości prawnej. Rozszerzenie definicji cudzoziemca o nowe podmioty należy przypisać przede wszystkim z wejściem w życie z dniem 1 stycznia 2001 r. ustawy prawo działalności gospodarczej, która przyznała obywatelom państw obcych, mającym zezwolenie na osiedlenie się na terytorium Rzeczypospolitej Polskiej,

prawo korzystania w zakresie podejmowania i wykonywania działalności gospodarczej z takich samych praw jak obywatele polscy. Wiązało się to także z wyborem formy, w jakiej działalność gospodarcza miała być prowadzona. W odniesieniu do osób zagranicznych powyższe prawo zostało uzależnione od zasady wzajemności lub odpowiedniej umowy międzynarodowej ratyfikowanej przez Polskę. Podmioty, mające miejsce zamieszkania lub siedzibę za granicą, mogły do wykonywania działalności gospodarczej tworzyć również spółki nieposiadające osobowości prawnej. W celu dostosowania terminologii ustawy do przepisów kodeksu spółek handlowych pojęcie spółki kontrolowanej odniesiono do pozycji dominującej poprzez odpowiednie stosowanie art. 4 § 1 pkt. 4 kodeksu spółek handlowych [17]. Brak możliwości koniunkcji spowodował, że do przyjęcia stosunku dominacji wystarczyło wystąpienie jednej z przesłanek zawartych w art. 4 § 1 pkt. 4 lit. a-f, [9, s. 25] co łączyło się z uznaniem spółki handlowej z siedzibą na terytorium naszego kraju za kontrolowaną, a tym samym za cudzoziemca w rozumieniu ustawy.

3. Aktualna ujęcie pojęcia «cudzoziemiec»

Obecna definicja cudzoziemca została ukształtowana ustawą z dnia 20 lutego 2004 r. Cudzoziemcem jest osoba fizyczna, nieposiadająca obywatelstwa polskiego, osoba prawna mająca siedzibę za granicą oraz nieposiadająca osobowości prawnej spółka osób wymienionych wyżej, mająca siedzibę za granicą, utworzona zgodnie z ustawodawstwem państw obcych. W odniesieniu do osób prawnych o uzyskaniu statusu cudzoziemca decyduje siedziba podmiotu, co oznacza uznanie teorii siedziby, która wyznacza prawo właściwe dla udzielenia odpowiedzi na pytanie, czy daną zbiorowość można traktować jako osobę prawną [5, s. 37]. Na marginesie rozważań należy podkreślić, że w nauce prawa prywatnego brak jest jednomyślności co do tego, jakie czynniki wyznaczają siedzibę osoby prawnej. Określenie siedziby możliwe jest według miejsca, w którym znajduje się zarząd [2, s. 270] lub według tzw. centrum eksploatacyjnego, tj. ośrodka działalności osoby prawnej, w którym realizuje ona swoje podstawowe cele [5, s. 168]. Mając na uwadze treść art. 41 k.c. należy uznać, że miarodajną w tym względzie powinna być miejscowość, w której znajduje się organ zarządzający, chyba że ustawa stanowi inaczej, bądź też status regulujący funkcjonowanie osoby prawnej mający oparcie w ustawie, określa to w sposób odmienny [3, s. 97]. Cudzoziemcem w rozumieniu ustawy jest także osoba prawna i spółka handlowa nieposiadająca osobowości prawnej, mająca siedzibę w Polsce, kontrolowana bezpośrednio lub pośrednio

przez cudzoziemców. Przy kwalifikowaniu podmiotu jako cudzoziemca wykorzystano więc tzw. teorię kontroli rzeczywistego stanu wpływów. Dla uznania danej osoby prawnej za cudzoziemca sięgnięto do prawa państwa, w którym są skoncentrowane przeważające, rzeczywiste wpływy osobowe lub kapitałowe, a nie obszaru, gdzie znajduje się jej siedziba [3, s. 96; 7, s. 7].

W celu wszechstronnej analizy definicji cudzoziemca konieczne jest wyjaśnienie pojęcia «spółki kontrolowanej». Zgodnie z nowym brzmieniem przepisu art. 1 ust. 4 ustawy, nadanym przez nowelizację z dnia 20 lutego 2004 r. [21] za kontrolowaną uważa się taką spółkę handlową, w której cudzoziemiec lub cudzoziemcy dysponują bezpośrednio lub pośrednio powyżej 50 % głosów na zgromadzeniu wspólników lub na walnym zgromadzeniu, także jako zastawnik, użytkownik lub na podstawie porozumień z innymi osobami, albo mają pozycję dominującą w rozumieniu przepisów art. 4 § 1 pkt. 4 lit. b) lub c) lub e) kodeksu spółek handlowych. Celem dokonanej zmiany było zawężenie i uściślenie definicji spółki kontrolowanej w stosunku do stanu poprzedniego z dwóch powodów. Po pierwsze, wcześniejsza regulacja wywoływała szereg wątpliwości interpretacyjnych, tworząc brak pewności stanu prawnego cudzoziemców. Po drugie, bardzo szerokie ujęcie tej kategorii podmiotów umożliwiało obejście przepisów ustawy na tle przekształceń własnościowych w łonie samej spółki handlowej (tylko niektóre czynności prawne w tym zakresie podlegały reglamentacji ze strony państwa). W stosunku do poprzedniej definicji spółki kontrolowanej wykluczono zależność personalną (na bazie unii personalnej), sprowadzającą do uznania za kontrolowaną spółkę, w której więcej niż połowa członków zarządu cudzoziemca jest jednocześnie członkami zarządu spółki kontrolowanej (art. 4 § 1 pkt. 4 d kodeksu spółek handlowych). Zrezygnowano z niedookreślonej kategorii tzw. zależności gospodarczej w postaci wywierania decydującego wpływu na działalność spółki kapitałowej zależnej. Zawężenie pojęcia spółki kontrolowanej należy ocenić pozytywnie, ponieważ poprzednia zbyt szeroka definicja wywoływała szereg wątpliwości interpretacyjnych [4].

Odnosząc się do kolejnych zmian definicji «cudzoziemiec», należy zauważyć, że zmierzały one w kierunku rozszerzenia zakresu pojęcia. W pierwszej kolejności objęto zakresem ustawy podmioty z siedzibą na terytorium naszego kraju, które były kontrolowane przez cudzoziemców. Jest to wynik uwzględnienia rzeczywistych wpływów zarówno osobowych, jak i kapitałowych jaki wywierają wspólnicy (akcjonariusze) będący cudzoziemcami na funkcjonowanie podmiotu. Następnie zakres pojęcia rozszerzono na inne niż osoby prawne jednostki

organizacyjne. Niewątpliwie w tym zakresie duże znaczenie miała liberalizacja prawa o inwestycjach zagranicznych, przyznająca podmiotom zagranicznym możliwość prowadzenia działalności gospodarczej na terenie naszego kraju również w formie jednostek organizacyjnych nieposiadających osobowości prawnej (ale mających zdolność prawną). Z kolei szerokie ujęcie spółki kontrolowanej należy wiązać z ewolucją pojęcia spółki dominującej. Ustawa w brzmieniu sprzed nowelizacji z dnia 03 lutego 2001 r. w sposób tradycyjny ujmowała stosunek dominacji i zależności, sprowadzając go do posiadania przez spółkę dominującą (kontrolującą) bezwzględnej większości kapitałowej. Kolejne zmiany miały więc na celu określenie rzeczywistych wpływów cudzoziemców na funkcjonowanie osób prawnych i spółek handlowych z siedzibą na terenie naszego kraju.

Aby rozważania w przedmiotowym zakresie były pełne należy odnieść definicję cudzoziemca do pojęcia osoby zagranicznej (przedsiębiorcy zagranicznego) w znaczeniu jakim, posługuje się ustawa o swobodzie działalności gospodarczej.

Pojęcie osoby zagranicznej należy do kategorii normatywnie określonej (art. 5 ust. 2 ustawy o swobodzie gospodarczej). Za osobę zagraniczną uznaje się osobę fizyczną, mającą miejsce zamieszkania za granicą i nieposiadającą obywatelstwa polskiego; osobę prawną z siedzibą za granicą, jednostkę organizacyjną niebędącą osobą prawną posiadającą zdolność prawną z siedzibą za granicą. Na tle przedstawionej definicji można sprecyzować następujące wnioski: po pierwsze w odniesieniu do osób fizycznych i osób prawnych definicja cudzoziemca w zasadzie pokrywa się z definicją osoby zagranicznej. Dodatkowo ustawa o swobodzie działalności gospodarczej w przypadku osób fizycznych wprowadza kryterium miejsca zamieszkania za granicą (poprzednio obowiązująca ustawa prawo działalności gospodarczej w tym zakresie wprowadzała jedynie kryterium miejsca zamieszkania za granicą). Różnice występują natomiast w odniesieniu do jednostek nieposiadających osobowości prawnej. Cudzoziemcem jest spółka, mająca siedzibę za granicą, spółka założona przez cudzoziemców w rozumieniu ustawy. Z kolei pojęcie osoby zagranicznej jest szersze, ponieważ obejmuje każdą jednostkę organizacyjną, o ile posiada zdolność prawną. Należy więc stwierdzić, że status osoby zagranicznej uzyska także spółka, mająca siedzibę za granicą i utworzona przez podmioty z naszego kraju. W takim przypadku, biorąc pod uwagę treść art. 1 ust. 2 pkt. 3 ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców podmiot nie będzie uznany za cudzoziemca, a tym samym nie będzie miał wobec niego zastosowania przedmiotowy akt prawny. Definicja

osoby zagranicznej nie obejmuje podmiotów kontrolowanych, którym to pojęciem posługuje się ustawa o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców. Trzeba jednak zauważyć, że osoby zagraniczne, w tym przedsiębiorcy zagraniczni, mają prawo do podejmowania i wykonywania działalności gospodarczej na terenie naszego kraju, przez co zyskują status przedsiębiorcy krajowego [Wzajemne relacje pomiędzy cudzoziemcem a osobą zagraniczną (w tym przedsiębiorcą zagranicznym) na gruncie poprzednio obowiązującej ustawy prawo działalności gospodarczej – 10, s. 6]. Jednocześnie spółka taka z punktu widzenia ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców będzie spółką kontrolowaną, o ile zostaną spełnione przesłanki określone w art. 1 ust. 3 ustawy. Relacje pomiędzy tymi pojęciami są więc bardzo ściśle i w przypadku, gdy osoby zagraniczne prowadząc działalność dysponują w spółce handlowej bezpośrednio lub pośrednio powyżej 50% głosów na zgromadzeniu wspólników lub walnym zgromadzeniu, lub też mają pozycję dominującą w rozumieniu art. 4 § 1 pkt. 4 lit. b) lub c) lub e) kodeksu spółek handlowych, zyskują jednocześnie status cudzoziemca w rozumieniu ustawy. Z dniem 01 maja 2004 r. (tj. dniem akcesji Polski do Unii Europejskiej) definicja spółki kontrolowanej jako cudzoziemca straciła na znaczeniu, gdyż spółka z siedzibą na terytorium Rzeczypospolitej Polskiej posiada status przedsiębiorcy z Europejskiego Obszaru Gospodarczego, bez względu na pochodzenie tworzących ją podmiotów.

Szczególną kategorię osób zagranicznych stanowią przedsiębiorcy zagraniczni, czyli osoby zagraniczne wykonujące działalność gospodarczą poza Polską. Są to podmioty, których podstawowa działalność gospodarcza jest skoncentrowana za granicą, natomiast w celu prowadzenia działalności gospodarczej na terytorium naszego kraju mogą tworzyć oddziały lub przedstawicielstwa. Podkreślić należy, że oddział jako jednostka nieposiadająca zdolności prawnej oraz zdolności do czynności prawnych, nie jest podmiotem stosunków cywilnoprawnych, a w konsekwencji wszelkie prawa nabywane w ramach działalności gospodarczej oddziału stają się prawami przedsiębiorcy zagranicznego [szerzej na temat prowadzenia działalności gospodarczej przez przedsiębiorców zagranicznych 11, s. 70 i nast.]. Nabycie nieruchomości na potrzeby prowadzonej działalności gospodarczej następuje więc na rzecz przedsiębiorcy zagranicznego. Ponadto przedsiębiorca zagraniczny będący jednocześnie osobą zagraniczną, chcąc skoncentrować swoją podstawową aktywność gospodarczą na terenie naszego kraju, może korzystać z tych samych prawnych prowadzenia działalności gospodarczej, co osoby zagraniczne [10, s. 2 i nast.].

Literatura

1. Bednarek A., Zasady korzystania z gruntów przez polskie i zagraniczne podmioty gospodarcze, Przegląd Prawa Handlowego 1993, nr 3.
2. Jakubowski J., Osoby prawne w polskim prawie prywatnym międzynarodowym, Państwo i Prawo 1969, nr 8.
3. Kruczałak K., Nabywanie nieruchomości przez cudzoziemców, Rejent 1998, nr 12.
4. Kwaśnicki R. L., Ustawa o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców. Co się zmieni po nowelizacji jeśli Prezydent podpisze ustawę, Rzeczpospolita 2004, nr 47.
5. Ludwiczak W., Międzynarodowe prawo prywatne, Poznań 1996.
6. Popiołek W., Prawa do nieruchomości jako wkład niepieniężny do spółki z udziałem podmiotu zagranicznego, Problemy Prawne Handlu Zagranicznego 1995.
7. Popiołek W., Konsekwencje istnienia stosunku dominacji i zależności, Prawo Spółek 2002, nr 4, s. 7.
8. Szumański A., Zależność spółki prawa polskiego od podmiotu zagranicznego, Monitor Prawniczy 1996 nr 6.
9. Szumański A., Ograniczona regulacja prawa holdingowego (prawa grup spółek) w kodeksie spółek handlowych, Państwo i Prawo 2001, nr 3.
10. Szafranski D., Osoba zagraniczna a cudzoziemiec, Głosa 2001, nr 9.
11. Szydło M., Działalność oddziałów przedsiębiorców zagranicznych w Polsce, Prawo spółek 2004, nr 7–8.
12. Taradejna R. i M., Nabywanie nieruchomości przez cudzoziemców w Polsce. Komentarz. Procedury. Przepisy, Zielona Góra 2001.
13. Truskiewicz Z., Ustawa o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców z komentarzem, Kraków 1996.
14. Ustawa z dnia 20 marca 1920 r. o nabywaniu nieruchomości przez obcokrajowców, tekst. pierwotny Dz. U. Nr 31, poz. 178, tj. Dz. U. z 2004 r., Nr 167 poz. 1758.
15. Ustawa z dnia 23 grudnia 1988 r. o działalności gospodarczej z udziałem podmiotów zagranicznych, Dz. U. Nr 41, poz. 325.
16. Ustawa z dnia 14 czerwca 1991 r. o spółkach z udziałem zagranicznym, tj. Dz. U. z 1997 r. Nr 26, poz. 143.
17. Ustawa z dnia 15 września 2000 r. kodeks spółek handlowych, tj. Dz. U. z 2013 r. poz. 1030.
18. Ustawa z dnia 03 lutego 2001 r. o zmianie ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców oraz ustawy – ordynacja podatkowa- w związku z dostosowaniem do prawa Unii Europejskiej, Dz. U. Nr 16, poz. 166.
19. Ustawa z dnia 13 czerwca 2003 o cudzoziemcach, tj. Dz. U. z 2011r. Nr 264, poz. 1573.
20. Ustawa z dnia 2 lipca 2004 r. o swobodzie działalności gospodarczej, tj. Dz.U. z 2013 r., Nr 672.
21. Ustawa z dnia 20 lutego 2004 r. o zmianie ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców oraz ustawy o opłacie skarbowe, Dz. U. z 2004 r., Nr 49, poz. 466.
22. Nowy słownik języka polskiego, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2003.

ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ МЕНЬШИНСТВ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ И В ВЕНГРИИ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

О. Г. Казак

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

Summary. The article describes the main elements of the national policy towards the Belarusians and Ukrainians in interwar Poland and the Carpathian Rusyns in Hungary in the period 1939–1944 years. Particular attention is paid to the plans to establish a moderate cooperation between the central authorities and personalities of interest East Slavic minorities. Showing the common and distinctive features of the practice of nation-building in both cases.

Key words: identity; national policy; ethnic and cultural engineering.

Присоединение Подкарпатской Руси к Венгрии в марте 1939 г. открыло новый этап этнокультурной инженерии в отношении коренного восточнославянского населения региона, именовавшего себя этнонимом «русины». Официальный Будапешт использовал факт нечётко выраженной идентичности жителей края для конструирования наиболее приемлемых (для венгерской стороны) межнациональных взаимодействий в Подкарпатской Руси. Анализ процессов выстраивания отношений к восточнославянским меньшинствам в межвоенной Польше убедительно доказывает, что в обоих случаях применялись схожие образцы идеологической обработки населения в выгодном для центральной власти ключе.

Подкарпатская Русь в межвоенный период входила в состав Чехословакии. В условиях довольно широких возможностей для выражения своих идей немногочисленная группа интеллектуалов выстроила и развила три основные модели определения идентичности местного населения региона. Русофилы трактовали русинов как самую западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, указывали на огромный духовный потенциал русской цивилизации, к достижениям которой, по их мнению, должны приобщиться русины. Украинофилы считали местное население частью украинского народа с «неразбуженным» украинским самосознанием. Из русофильского направления постепенно выделилось русинофильское течение, считавшее коренных жителей края отдельным славянским народом, а не частью русских или украинцев [8, с. 268–270].

Вектор интеллектуальной жизни межвоенной Подкарпатской Руси определяли споры между деятелями русофильского и украинофильского идеологических направлений. Для Венгрии такая ситуация не являлась желательной, ведь представители данных групп видели регион составной частью «воображаемых сообществ» (термин, введённый Б. Андерсоном для обозначения феномена наций и нациостроительства [1]) соответственно «Великой России» и «Соборной Украины». Поэтому уже с первых дней установления новой власти ставка была сделана на поддержание и закрепление локальной русинской идентичности.

Венгерское государство пыталось позиционировать себя в качестве защитника русинских интересов. Так, премьер-министр П. Телеки в своей приветственной речи в марте 1939 г. подчеркнул, что венгры должны признавать самобытные культурные черты русинов, относится к ним как к братьям согласно «древним традициям гостеприимства» [30]. Известный венгерский учёный М. Фердинанд утверждал, что коренному населению Подкарпатской Руси необходимо знать о своих культурных, социальных, исторических особенностях, а венгры обязаны поспособствовать становлению «молодой русинской интеллигенции» [29].

Заданный официальный дискурс в Подкарпатской Руси воспроизводился посредством активной деятельности лиц, принявших установление венгерской власти. Рупором идеологического курса, получившего название «утро-русинизм», стала газета «Новая неделя». Так, активный приверженец идеи «венгеро-русинского братства» И. Контратович утверждал, что русины представляют собой отдельную народность, близкую к западным славянам и венграм [13, с. 60]. Публицист говорил о русинах как о вернейших братьях венгров, которые, однако, не отказались от своих традиций. Вхождение региона в состав Венгрии И. Контратович считал величайшим событием, благодаря которому «венгерская свято-стефанская идея объединится с русинским народным чувством» [13, с. 65–66]. В том же ключе высказывался и другой идеолог «утро-русинизма» Г. Стрипский: «Мы – русины-западники. Мы связаны с западом географическим положением и историей, хозяйством и церковью, связаны политикой и языком». Подчёркивалось, что «русско-татарская» культура восточной Москвы из-за огромного расстояния от региона не может оказывать никакого влияния на ситуацию в Подкарпатской Руси [18].

Подобная трактовка цивилизационного выбора региона имела крайне мало сторонников в межвоенный период. Прорусинское

идеологическое направление в то время только выкристаллизовывалось, и ему не была присуща такая ярко выраженная русофобская окраска, как в официальном курсе «угро-русинизма». Кроме того, разработчикам новой идеологической политики приходилось считаться со значительным влиянием, которое оказывали на общественно-политическую жизнь Подкарпатской Руси приверженцы украинофильского лагеря. Апогеем их активности стал период деятельности автономного правительства А. Волошина, образованного в условиях послемюнхенской агонии чехословацкой государственности. Надежды А. Волошина и его соратников преобразовать Подкарпатскую Русь в плацдарм для создания в будущем «Соборной Украины» завершились провалом. Официальная пресса не преминула воспользоваться этим фактом, призванным продемонстрировать чуждость интегральных украиноцентричных концепций для местного населения. Например, в статье от 16 июля 1939 г. короткий период существования Карпатской Украины (так называлось данное автономное образование в период работы правительства А. Волошина) сравнивался с «монгольским рабством на Руси». Отмечалось, что «русини с венграми – лучшие друзья», а «Украина с Волошиным отрезаны от тела русинского народа раз и навсегда». Анонимный автор публикации утверждал, что «Волошин и брехня – это одно и то же» [19].

Ситуация в межвоенной Польше выглядит несколько сложнее, так как там наряду с попытками оградить местное население от «широких» национальных проектов (прежде всего белорусского и украинского) активно применялась и региональная дифференциация. Яркой иллюстрацией этого феномена являлось существование Сокольской границы – искусственно созданного польскими властями барьера между Галицией и Волынью с Холмщиной (бывшая австро-российская граница) с целью недопущения влияния националистических идей из Восточной Галиции, которая в то время становилась центром радикального проукраинского движения [17, с. 267]. Интересны для понимания феномена регионализма слова Полесского воеводы де Траммекурта: «Я не считаю полешуков белорусами. Это отдельный род, а Полесье – это особый коридор между белорусами и украинцами. Территория Полесья ещё свободна от коммунизма. Его следует отделить, чтобы ни с юга, ни с севера не проникало влияние сторонних националистов. С запада, со стороны Влодавы, вторгается «искусственный украинизм»

[2, с. 158–159]. Таким образом, региональные различия, по мнению польских идеологов, должны были создать барьер против восприятия местным населением белорусского и украинского национальных проектов.

В некоторых случаях власти Польши поддерживали тех общественно-политических деятелей, которые отстаивали русинскую этническую идентичность населения Западной Украины. Главным выразителем подобных воззрений стал посол в польском сейме М. Бачинский. В своих выступлениях он утверждал, что русинское население Польши никогда не принимало программы радикальных украинских националистических организаций. События, связанные с попыткой достижения независимости Украинской Народной Республики, М. Бачинский считал «не волей русинского народа, а волей отдельных лиц, некоторых галицко-украинских политиков, работавших на благо Австрии». Оценивая политику польских властей, М. Бачинский отмечал, что она направлена на установление границы «не между народом польским и русинским, но между народом польским и русинским, с одной стороны, и украинскими политиками, с другой» [21]. Таким образом, демонстрируя свою лояльность Варшаве, политики прорусинского толка пытались завоевать расположение к себе со стороны центральных властей.

В качестве противовеса набиравшего силу украинского националистического движения, угрожавшего территориальной целостности Польши, локальные модели идентичности местного населения часто позитивно воспринимались властями. Историк С. Цисельский считает подобный феномен формой дистанцирования местного населения от национальной идентификации [22, с. 57]. Официальная Варшава пыталась использовать индифферентность местного населения к лозунгам радикальных проукраинских организаций для конструирования дискурса «дружественных отношений» между русинами и поляками. В некоторых случаях такая тактика имела успех. В этой связи интересны воспоминания жителя городка Коропец (населённый пункт был расположен на самой границе с СССР) М. Собкува: «В праздники – как польские, так и русинские – не работали школы, почта, правления, гмины, закрывались все лавки. Рождество или Пасху сначала русины встречали у поляков, а потом поляки у них. ... Особый характер носил праздник Трёх Царей, который все называли Иорданью. Вблизи церкви протекала река Коропчик. Когда из костеле выходил крестный ход, такой же крестный ход

выходил из церкви. В знак приветствия троекратно наклонялись хоругви, потом здоровались священники. Оба крестных хода, уже соединившись, спускались к замёрзшей реке, и священники служили на высеченном во льду алтаре. Две недели спустя тот же праздник праздновали русины – на той же реке, вблизи церкви в Перевозце. Празднование проходило точно так же» [7, с. 82–83].

Однако поддержка локальной русинской идентичности таила немало опасностей для польских властей. Так, значительная часть общественно-политических деятелей Галиции, отмежевываясь от украинского национального движения, в то же время с симпатией относились к общерусским, общеславянским идеям. Подобной тактики придерживались члены Общества им. М. Качковского, Ставропигийского института, редакция «Талерговского альманаха» и др. [4, с. 159–169]. Несмотря на фактически прерванную связь как с деятелями из СССР, так и с представителями русской эмиграции, все эти организации, естественно, не вызывали доверия у Варшавы, что значительно снижало шансы русинского проекта на успех. Кроме того в 1935 г. начался весьма противоречивый и непродолжительный период «нормализации» в польско-украинских отношениях, когда часть политиков Украинской национально-демократической партии осудила действия представителей Организации Украинских Националистов (далее – ОУН) и призвала население принять участие в выборах. По их итогам украинцы получили 13 сеймовых и четыре сенатских мандата, а лидер лояльного к Польше крыла политического спектра Западной Украины В. Мудрый стал вице-маршалком сейма [17, с. 271–272]. Новый союзник был более выгоден Варшаве, а организации, позиционирующие себя как служители русинским интересам, были обречены на маргинализацию [24, s. 192].

Попытки реализаций компромиссных концепций взаимоотношений поляков с национальными меньшинствами наиболее отчётливо прослеживаются в период «санации» (1926–1935 гг.). Во многом это связано с личностью Ю. Пилсудского, который, по мнению Т. Снайдера, «поняв бесперспективность федерализма, так и не смог до конца принять национализм» [20, с. 101]. Однако и в этот период дискурс радикальной этнической ассимиляции, предлагаемый национальными демократами во главе с их лидером Р. Дмовским, занимал значительное место в политическом и идеологическом ландшафте Польши, а для

отдельных представителей местной власти являлся истинным ориентиром к действию. Этим ситуация в межвоенной Польше качественно отличалась от событий в Подкарпатской Руси. Ассимиляция поляками восточнославянских меньшинств, ввиду их относительной языковой и культурной близости, представлялась намного более реальной, чем аналогичные действия венгров в отношении подкарпатских русинов. Но и в регионе, находившемся под властью Венгрии, планы постепенной, растянутой на несколько поколений ассимиляции всё же имелись. Об этом свидетельствует, например, школьная политика венгерских властей. В апреле 1943 г. специалист по национальным меньшинствам А. Бониш и судья Е. Бернолак поехали с проверкой в Подкарпатскую Русь. Выяснилось, что многие школы там существовали только на бумаге, занятия в них так и не начались. Родители многих учащихся жаловались на недостаток родного языка в процессе обучения. По приезду в Будапешт комиссия составила план школьной политики на ближайшие годы, согласно которому число венгерских школ росло, а русинских – резко сокращалось. Даже в таких крупных городах, как Ужгород и Мукачево, было решено оставить всего по одной начальной школе с русинским языком преподавания [6, с. 394–395]. И польские, и венгерские власти активно практиковали перевод учителей, чиновников восточнославянского происхождения для службы во внутренние регионы страны. В случае с подкарпатскими русинами адаптация к новым условиям проходила намного сложнее и болезненнее. Часто их плохое знание венгерского языка становилось катализатором социальной и этнической напряжённости между венграми и русинами. В эмигрантской газете «Свобода» приводится отрывок из письма к родственникам чиновника налоговой управы, который переехал из Подкарпатской Руси в один из внутренних районов Венгрии. Чиновник писал, что на новом месте службы он стал объектом насмешек и издевательств, и заканчивал своё письмо так: «Лучше было бы, мама, чтобы ты меня на свет не родила» [11]. Безусловно, в таких случаях вынужденная ассимиляция становилась единственным способом избежать полной маргинализации.

Часть деятелей межвоенной Польши (Л. Василевский, Т. Голувко, В. Ржимовский и др.) считали, что насильственные ассимиляционные меры могут привести лишь к ещё большей радикализации национальных движений. Так, Л. Василевский призывал власти к разумному удовлетворению культурных

запросов восточнославянского населения Польши, что, по его мнению, лишь увеличило бы число приверженцев польской государственности [27, s. 11]. Другой известный приверженец подобной тактики Т. Голувко считал возможным превратить Восточную Галицию в «Пьемонт национально-культурного возрождения», что принудило бы к демонстрации лояльности украинских активистов, а также дало бы возможность имитировать выполнение польскими властями своих обязательств перед национальными меньшинствами на международной арене. Политик красочно выразил свою позицию следующими словами: «Мы не хотим этнической ассимиляции, не хотим никого колонизировать силой, мы хотим воспитать порядочных граждан польского государства» [25, s. 13]. Однако в то же время политику ассимиляции в отношении белорусов Т. Голувко считал приемлемой и даже желательной [26, s. 134]. Практика умеренного удовлетворения притязаний национальных меньшинств стала частью политики «прометеизма» (от организации «Прометей», действовавшей в 1926–1939 гг. в Париже). Целью этого модернизированного варианта польской федеративной идеи был развал СССР по национальному признаку и создание союза демократических государств под эгидой Польши [12, с. 12]. Для реализации «промеевской» программы предполагалось поддерживать сепаратистские настроения в республиках СССР, сотрудничать с эмигрантскими деятелями, демонстрировать приятное отношение к восточнославянскому населению в самой Польше. Однако данный тезис вновь касался главным образом украинцев. Несмотря на попытки польских властей в начале 1920-х гг. втянуть Беларусь в орбиту своей политики и создать федеративное государство, уже через несколько лет белорусы отсутствовали даже в перечне «промеевских народов», среди которых названы украинцы, грузины, азербайджанцы, армяне, крымские, туркменские и уральские татары, казаки, карелы [3, с. 82]. Ассимиляционные концепции в отношении белорусов имели преобладающее значение в межвоенной Польше.

Интересно, что и в Венгрии, и в Польше на высшие административные должности в регионы с восточнославянским населением порой назначались лица, сама биография которых должна была демонстрировать необходимость сотрудничества между титульной нацией и представителями этнических меньшинств. В случае с Венгрией такой фигурой стал регентский комиссар Подкарпатской территории М. Козма (директор венгерского

радиовещания в 1925–1941 гг., министр иностранных дел Венгрии в 1935–1937 гг.). Детство будущего венгерского политика прошло в подкарпатском селе Турья Реметы, где его отец, генерал Ф. Козма, свыше 10 лет работал директором военного конезавода [5, с. 209]. В местной прессе М. Козма именовался «приятелем русинского народа» [10, с. 35], публиковались стихи Ф. Козмы, посвящённые природе Подкарпатской Руси [9]. Регентский комиссар активно участвовал во встречах с представителями интеллигенции региона, в акциях «братских» сёл и городов. Эти мероприятия в средствах массовой информации представлялись в качестве доказательства «вековой дружбы» между русинами и венграми [15].

С первых дней исполнения своих обязанностей М. Козма начал искать оптимальные формы сотрудничества с местным населением. Политик понимал, что необходимо не только добиться лояльного отношения русинов к венгерской государственности, но и не допустить возникновения сепаратистских настроений. В своей первой официальной речи М. Козма заявил о приоритете социально-экономических вопросов в регионе, указывая на необходимость развития кооперативного движения, улучшения культуры землепользования (надо отметить, что определенные реальные шаги в этих сферах в период руководства регионом М. Козмы были сделаны). Регентский комиссар заявил, что венгерские чиновники в Подкарпатской Руси должны уметь объясниться с русинами на их языке, однако предупредил, что любая попытка использовать языковой вопрос русинскими общественными деятелями в политических целях должна жёстко пресекаться [28, о. 362–363]. Тот же смысл имела и речь политика на торжественном открытии 26 января 1941 г. Подкарпатского Общества Наук (далее – ПОН), созданного с целью изучения русинской истории и культуры. М. Козма заявил: «Народ Подкарпатья свою самостоятельную, независимую и народную культуру хочет строить в рамках венгерского государства, в рамках венгеро-русинского слияния». Регентский комиссар особо подчеркнул, что русинский народ своими силами, без помощи венгерского правительства не смог бы создать подобной организации. При этом М. Козма ясно очертил границы деятельности ПОН: «Организация должна служить народному самоопределению, особенно рода культуре и языку, без посторонних политических или культурных целей» [14, с. 181–182].

После смерти М. Козмы в декабре 1941 г. его приемники не уделяли столь большого внимания проблемам мирного сотрудничества венгров и русинов. Этому способствовала и международная ситуация: военные дела были намного важнее для венгерского руководства, чем проблемы Подкарпатской Руси. Краткий период нахождения региона под властью Венгрии завершился его присоединением к СССР. Новый этап истории Подкарпатской Руси стал не менее драматичным, чем предыдущие.

Личности, подобные М. Козме, привлекались к реализации национальной политики и в Польше. Так, в 1928 г. Волынским воеводой был назначен Г. Юзефский – товарищ Ю. Пилсудского, бывший заместитель министра внутренних дел Украинской Народной Республики в правительстве И. Мазеи. «Волынская программа», разработанная Г. Юзефским, предполагала переориентацию потенциальных приверженцев национальных проектов, предлагаемых коммунистами или членами ОУН, на позиции лояльности польской государственности. В частности, пропагандировались элементы регионального патриотизма, украинцы наравне с поляками привлекались к участию в местном самоуправлении, поощрялось ознакомление поляков с украинской культурой, а украинцев – с польской [23, s. 75–76]. Подобная политика не находила поддержки ни у польских, ни у украинских националистов. Первые усматривали в планах Г. Юзефского угрозу сепаратизма, а вторые хотели действовать без протекции Польши. Члены ОУН дважды неудачно покушались на жизнь Волынского воеводы. Трагические события «волынской резни» в 1943 г. убедительно доказали, что меры по примирению между украинцами и поляками в межвоенный период не достигли поставленных целей.

Таким образом, и в межвоенной Польше, и в Венгрии в 1939–1944 гг. действовали, хотя и не всегда последовательно, программы по конструированию локальных идентичностей у жителей восточнославянских окраин государств. Но в польском случае будущая ассимиляция белорусского и украинского населения представлялась разработчикам данного курса более возможной, чем аналогичные действия по отношению к подкарпатским русинам в Венгрии. Лояльное отношение к центральной власти было неременным и главным условием существования организаций, действовавших в русле «политики примирения», как в Польше, так и в Венгрии.

Бібліографічний список

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М. : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. Из материалов конференции «Активизация польского элемента в Северо-Западных землях Польской республики» // Польша – Беларусь (1921–1953) : сб. документов и материалов / сост. А. И. Вабищевич. – Минск : Беларусь. наука, 2012. – С. 157–164.
3. Комар В. Л. Беларусь в польской политике прометеизма в 20-х годов XX в. // Российские и славянские исследования : науч. сб. / ред. В. А. Федосик. – Вып. 3. – Минск : БГУ, 2008. – С. 76–82.
4. Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине в XIX–XX вв. – М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. – 200 с.
5. Поп И. Козма Миклош // Энциклопедия Подкарпатской Руси / под ред. И. Попа. – Ужгород : Издательство В. Падяка, 2001. – С. 209–210.
6. Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. – М. : Европа, 2006. – 564 с.
7. Собкув М. Перепутье народов // Karta. Избранные тексты из польского ежеквартального журнала «Карта» (№ № 1–36, 1991–2002) / ред. З. Глюза. – Варшава : Фонд Центра «Карта», 2003. – С. 82–83.
8. Шевченко К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половины XX в. – М. : Regnum, 2011. – 414 с.
9. Бардъ Н. Сумерки на Туре // Великий сельско-господарский календарь Подкарпатского Общества наук на рокъ 1942 / Зложивъ И. Гарайда. – Унгваръ : Книгопечатня Подкарпатского Общества Наукъ, 1942. – С. 34.
10. Великий сельско-господарский календарь Подкарпатского Общества наукъ на рокъ 1942 / зложивъ И. Гарайда. – Унгваръ : Книгопечатня Подкарпатского Общества Наукъ, 1942. – 265 с.
11. Вісті з Карпатської України // Свобода. Український щоденник. – 1940. – 16 травня. – № 114. – С. 2.
12. Комар В. Л. Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 рр.) : автореф. дис. ... д-ра іст. наук. – Львів, 2011 – 32 с.
13. Контратовичъ И. Свято-стефанска думка и gens fidelissima // Русинський дайджест 1939–1944. У 3 т. / Матеріали ушорив М. Капраль. – Ніредьгаза : Катедра української и русинської філології Ніредьгазкуй Высшуй Школы, 2008. – Т. 3. – С. 57–66.
14. Протоколъ написаний въ Унгваре 26-го януара 1941 года на закладаючомь собраніи Подкарпатского Общества Наукъ // Зоря-Најнал. – 1941. – Число 1 – 2. – С. 180–184.
15. Регент. комиссар Н. Козма mezi середнянскими господарями // Русинський дайджест 1939–1944. У 3 т. / Матеріали ушорив М. Капраль. – Ніредьгаза: Катедра української и русинської філології Ніредьгазкуй Высшуй Школы, 2010. – Т. 3. – С. 163.

16. Роздвяне дарунки братских сел // Русинський дайджест 1939–1944. У 3 т. / Матеріалы ушорив М. Капраль. Ніредьгаза: Катедра українській і русинській філології Ніредьгазькій Висшуй Школы, 2010. – Т. 3. – С. 167–168.
17. Рубльов О. Національне питання в ІІ Речі Посполитій // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси / ред. В. М. Литвин. – Київ : Ніка-Центр, 2012. – С. 264–282.
18. Стрипський Г. Заблуделым сынамъ Подкарпаття // Літературна неделя. – 1941. – 23 новембра. – С. 14–22.
19. Українці плачуть... // Нова неделя. – 1939. – 16 юлія. – С. 1–3.
20. Снайдэр Т. Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украіна, Літва і Беларусь, 1569–1999 гг. – Мінск : МЕДИСОНТ, 2010. – 424 с.
21. Baczyński M. Rusini a Ukraińcy. Przemówienie wygłoszone w dniu 21 stycznia 1931 r. na posiedzeniu sejmowej Komisji Administracyjnej // Przemysł. URL: <http://www.kki.pl/piointf/przemysl/dzieje/rus/rusini.html>. (дата обращения: 15.10.2013).
22. Ciesielski S. Kresy Wschodnie II Rzeczypospolitej i problemy identyfikacji narodowej // Przemiany narodowościowe na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej, 1931 – 1948 / Pod red. S. Ciesielskiego. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2003. – S. 53–92.
23. Kęsik J. Zaufany komendanta: biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego 1892–1981. – Wrocław : Uniwersytet Wrocławski, 1995. – 213 s.
24. Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowski. – Białystok : Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. – 294 s.
25. Paprocka W. Ludność białoruska a polska polityka mniejszościowa w okresie międzywojennym // Red. W. Paprocka. – Warszawa: Instytut archeologii i etnologii Polskiej akademii nauk, 1995. – Т. 39. – S. 5–32.
26. Pietrzak J. Myśl polityczna «grupy pułkowników» // Acta Erasiana / Red. M. Sadowski, P. Szymaniec. – Wrocław : Wydział Prawa, Administracji i Ekonomii Uniwersytetu Wrocławskiego, 2012. – Т. 2. – S. 125–138.
27. Wasilewski L. Polska dla Polaków czy Polska dla wszystkich obywateli polskich?: (Sprawa mniejszości narodowych w Polsce). – Warszawa: Nowe życie, 1924. – 22 s.
28. Fedinec C. A karpataljai magyarsag torteneti kronologiaja 1918–1944. – Galánta – Dunaszerdahely : Fórum Intézet; Lilium Aurum Könyvkiadó, 2002. – 536 o.
29. Ferdinandy Mihály cikke a Magyar Nemzetben Magyarország és Kárpátalja címél az autonómia kérdéséről // Iratok a Kárpátaljai Magyarság Történetéhez, 1918–1944. Törvények, rendeletek, kisebbségi programok, nyilatkozatok / Szerk. C. Fedinec. – Budapest : Fórum Intézet – Lilium Aurum, 2001. – O. 482.
30. Teleki Pál miniszterelnök felszólalása Kárpátalja autonómiájáról a Magyar Országos Véderő Egyesület serlegvacsoráján // Iratok a Kárpátaljai Magyarság Történetéhez, 1918–1944. Törvények, rendeletek, kisebbségi programok, nyilatkozatok / Szerk. C. Fedinec. – Budapest : Fórum Intézet – Lilium Aurum, 2001. – O. 480.

**СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В 1945–1948 ГГ.: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

П. Н. Волков

**Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары,
Республика Чувашия, Россия**

Summary. The article discusses the main directions of development of modern Russian historiography of the Soviet-Polish relations in the years 1945–1948. The article characterizes the different evaluation of the role of the Soviet factor in postwar Poland. Particular attention is paid to controversial issues.

Key words: Soviet-Polish relations; the Soviet factor; Poland; the Soviet Union; historiography.

Из-за недоступности многих архивных материалов и жесткой цензуры советские ученые при определении роли СССР в развитии Польши в послевоенный период были вынуждены довольствоваться изображением позитивного. Во главу угла ставилось изучение значения дипломатической и экономической поддержки СССР польского государства. Другие аспекты советско-польских отношений освещались либо очень скупо, причем в тенденциозной форме, либо вообще не являлись предметом для научного исследования. Поневоле, как верно заметил Л. Е. Горизонтов, «сложилось убеждение, что в этом и состоит единственно мыслимый вклад историков в интернациональное воспитание трудящихся, укрепление взаимопонимания и дружбы двух соседних стран» [9, с. 64]. Советским исследователям не удалось также создать действительно научную источниковую базу истории советско-польских отношений. Однако большая часть опубликованных документальных сборников и поныне не потеряла своего научного значения. Прежде всего, это относится к серии документальных публикаций, посвященных взаимоотношениям Советского Союза с Польшей. В течение почти трёх десятилетий советскими и польскими исследователями и архивистами было опубликовано 12 томов «Документов и материалов по истории советско-польских отношений». В них вошли материалы советских и польских архивов, пресса, статьи и выступления руководящих политических деятелей, в основном коммунистов. Хотя в полной мере развитие отношений СССР и Польши, особенно в рассматриваемый нами период, эти сборники документов не отражают, публикация большого

количества архивных материалов значительно расширила источниковую базу исследователей [3, с. 13–14].

Общественно-политические перемены в СССР и восточноевропейских странах на рубеже 1980–1990-х гг. обусловили кардинальное изменение исследовательских приоритетов отечественных ученых в изучении развития Польши в послевоенный период. На передний план были выдвинуты вопросы о содействии сталинского руководства установлению монополярной власти польских коммунистов [2, с. 307]. Предпосылкой для переосмысления многих положений советской историографии и легализации «белых пятен» в освещении истории народно-демократической Польши стало рассекречивание архивами ранее закрытых фондов документов. С целью ликвидации многочисленных изъянов в источниковой основе послевоенной истории восточноевропейских стран сотрудниками Института славяноведения РАН в центральных федеральных и ведомственных архивах России был выявлен и обнародован обширный массив документальных материалов. Введенные в научный оборот архивные материалы дают достаточно ясное представление о политических формах советского влияния и разнообразных репрессивно-силовых методах воздействия на общество в восточноевропейских странах.

Качественное изменение источниковой базы позволило российским историкам приступить к воссозданию обновленной картины советско-польских отношений. На новой документальной базе А. Ф. Носкова, Г. П. Мурашко, Т. В. Волокитина, Т. А. Покивайлова и другие отечественные специалисты на монографическом уровне представили свое понимание общественно-политических процессов в восточноевропейских странах в послевоенный период и роли в них Советского Союза [5, с. 8; 14, с. 43]. В начале 2000-х гг. возобновилось совместное сотрудничество российских и польских ученых по изучению советско-польских отношений. В 2002 г. было решено создать российско-польскую исследовательскую Группу по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений. Важнейшим направлением работы Группы стала подготовка совместных публикаций, посвященных наиболее значимым и противоречивым аспектам взаимоотношений России и Польши в XX веке. Промежуточным итогом работы Группы стало издание на русском и польском языках сборника статей «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях», который позволяет сопоставить подходы польских

и российских ученых к ключевым проблемам двусторонних взаимоотношений в послевоенный период [1]. В рамках реализации серии, представляющей современный взгляд российской историографии на развитие зарубежных славянских стран в XX веке, вышел в свет фундаментальный труд «Польша в XX веке. Очерки политической истории», подготовленный коллективом ведущих российских полонистов. В нём особо выделяется роль Советского Союза как оказавшего приоритетное влияние на становление политического режима советского типа в Польше [18].

Отличительной чертой современных исследований, затрагивающих проблему советского фактора в послевоенной Польше, стало существование различных точек зрения. На наш взгляд, к настоящему времени сложилось три подхода к этой проблематике. Во-первых, ряд ученых считает, что советский фактор сыграл ключевую роль в создании основ тоталитарного режима в Польше при отсутствии внутренних предпосылок к восприятию этого строя. Этой точки зрения придерживаются Л. Я. Гибианский, Ю. С. Новопашин, Н. В. Петров и другие [8; 12; 17]. «Декларируемая же коммунистами в тот период концепция народной демократии, – полагает Ю. С. Новопашин, – была лишь маскировкой, популистским фасадом их тоталитарных устремлений» [12, с. 6]. Во-вторых, часть историков утверждает о положительном влиянии Советского Союза на события в послевоенной Польше. Негативные проявления советского фактора обычно объясняются издержками сталинского правления. Данная позиция прослеживается, к примеру, в работах Я. Я. Гришина [10; 11]. В-третьих, группа исследователей признаёт приоритетность советского фактора, но при этом совершенно правомерно делает больший упор на внутренние факторы, повлиявшие на послевоенное развитие Польши. По их мнению, немалую роль в формировании народно-демократического строя в Польше сыграли также широкая люмпенизация и полевение польского общества; достаточно широкое разочарование различных слоев населения страны в старом, довоенном общественном устройстве и в буржуазной демократии довоенного образца; понимание решающей роли СССР в разгроме фашистской Германии и т. д. Подобный подход отражен в работах А. Ф. Носковой, Т. В. Волокитиной, Л. С. Лыкошиной, Р. Р. Юсупова и других [1, с. 394–431; 6; 21, с. 127–128; 23].

Современные историки противоречивы в оценках не только по проблеме советского фактора в целом, но и по ее отдельным аспектам. Так, повышенный интерес ученых вызвали болевые

моменты в советско-польском экономическом сотрудничестве. В центре внимания оказались вопросы, связанные с демонтажом промышленных предприятий в Силезии, работой советских трофейных команд в Польше, потерей богатых полезными ископаемыми восточных земель и знаменитого «угольного соглашения». При всём многообразии мнений более взвешенной выглядит позиция Л. Б. Миляковой, придерживающейся предопределенности выдвижения Советского Союза в качестве основного экономического партнера Польши и других восточноевропейских стран, обусловленного только экономическими факторами. Л. Б. Милякова признает «антиэкономический» характер послевоенных экономических взаимоотношений СССР и восточноевропейских стран, но напрочь отвергает все обвинения в «ограблении» и эксплуатации СССР экономики этих государств через установление низких цен на ряд товаров (например, польский уголь). Оказываемая СССР экономическая поддержка восточноевропейским странам в виде «списывания» кредитов под поставки сырья и продовольствия, беспроцентного характера этих кредитов существенно перекрывала те потери, которые они понесли в послевоенные годы [20, с. 45–46].

Крайне неоднозначно оценивается политическое присутствие СССР в народно-демократической Польше. В некоторых работах политическое влияние СССР на развитие Польши упрощенно трактуют как насильственную советизацию, с самого начала исключавшую какие-либо варианты в послевоенном развитии страны. Отправной точкой для таких утверждений, как правило, служит пребывание и деятельность советских войск и советников на территории Польши в послевоенные годы [17]. Но большинство отечественных исследователей (А. Ф. Носкова, Г. П. Мурашко и другие) представляет военно-политическое присутствие СССР в Польше более сложным явлением. Они совершенно справедливо полагают, что сталинское руководство, прежде всего, пыталось обеспечить политическую победу Польской рабочей партии, ориентированной на Советский Союз. В немалой степени эту задачу облегчила поддержка достаточно влиятельных политических и социальных сил в польском обществе. Обычно эти ученые приводят в качестве примера послевоенное развитие Австрии и Финляндии, где военно-политическое влияние СССР было ощутимым, а провести советизацию не удалось [15, с. 75]. Следует, однако, заметить, что в Австрии и Финляндии интересы СССР были более ограниченными, чем в той же Польше. Сказалось на

послевоенном развитии Австрии и Финляндии и отсутствие германского фактора, игравшего большую роль в славянских странах. В современной исторической литературе, кстати, не всегда учитывается устойчивость германского фактора в восточноевропейских странах из-за нереальности германской угрозы в то время [4, с. 7]. Реакция польского населения на план Маршалла, предусматривавший помощь Германии, и попытки Запада пересмотреть западные границы Польши доказывают обратное. Со своей стороны сталинское руководство использовало германский фактор как инструмент консолидации польского общества.

Разногласия среди современных российских ученых наблюдаются даже при освещении поражения оппозиционных сил в Польше. Опубликованные документальные материалы доказывают, что Советский Союз сыграл значительную роль в разгроме польского вооруженного подполья, фальсификации итогов референдума и выборов в Сейм [7, с. 511, 538–539; 20, с. 327]. Техническая и организационная поддержка советских специалистов правящему режиму в Польше в ходе выборной кампании, а также проведение референдума и парламентских выборов были освещены в работах Н. В. Петрова и А. Ф. Носковой. Согласно их исследованиям, подавляющее большинство польских граждан поддержало политическую линию оппозиционного Польского Стронництва Людового (ПСЛ). Но благодаря профессионализму в подделке избирательных бюллетеней работников оперативно-технических служб во главе с начальником отдела оперативной техники А. М. Палкиным и применению правящими властями широкого арсенала репрессивно-силовых методов были обнародованы противоположные итоги. Реальные результаты референдума, судя по рассекреченным донесениям советского посла в Польше В. З. Лебедева, были таковы: положительно ответили на первый вопрос 35–40% голосовавших, на второй вопрос – 50–60%, на третий – 75–80%. Руководства ППР и ППС договорились опубликовать в качестве официальных данных следующие: первый вопрос – 60–65% голосов «за», второй вопрос – 75–80% и третий – 95%. Подлинные результаты выборов в Сейм до сих пор не обнародованы. Однако сведения об отрицательном результате для правящего режима содержатся, в частности, в политотчете посольства СССР в Варшаве за 1947 год [13; 16].

В то же время не все отечественные исследователи при выяснении причин поражения ПСЛ считают необходимым заострять свое внимание на репрессивной деятельности правящих

властей Польши и Советского Союза. Так, например, А. В. Шубин на первый план выдвигает так называемые «тактические ошибки» ПСЛ и расчетливую политику правящего режима, привлечшего на свою сторону большую часть населения страны разжиганием популярных антинемецких настроений, экономическими «уступками» и созданием Демократического блока. Он умалчивает об опровергающей его утверждения фальсификации результатов голосования и нехотя упоминает о «разгроме силой» перед референдумом «нескольких отделений» ПСЛ [22, с. 390–391].

Таким образом, анализ работ современных историков позволяет нам сделать вывод, что советский фактор оказал определяющее значение в решении вопроса власти в польском государстве. В какой-то мере установлению монополярной власти коммунистов способствовали и внутренние факторы, которые были не столь значительны.

Современную историографию советского фактора в народно-демократической Польше характеризует наличие широкой палитры взглядов учёных. Порой суждения историков бывают прямо противоположными. Вместе с тем наблюдается явное ослабление внимания оказанию Советским Союзом помощи польскому народу в восстановлении разрушенной войной экономики и в проведении социально-экономических преобразований. Преимущественное внимание уделяется вопросам, затрагивающим острые моменты в советско-польских отношениях. При этом во многих работах обладали отрицательные оценки действий сталинского руководства.

Библиографический список

1. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 823 с.
2. Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. – М.: Индрик, 2000. – 368 с.
3. Волокитина Т. В., Марьина В. В., Новопашин Ю. С. История Восточной Европы от начала Второй мировой войны до современности // Новая и новейшая история. – 1996. – № 6. – С. 9–23.
4. Волокитина Т. В. Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. – М., 2010. – С. 5–13.
5. Волокитина Т. В. О некоторых дискуссионных аспектах изучения истории сталинизма в Восточной Европе в 40–50-е годы XX века // Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945–1989 годы / под ред. А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой. – СПб.: Алетей, 2010. – С. 4–19.

6. Волокитина Т. В. Проблемы освобождения и характера власти в Восточной Европе в контексте геополитических итогов Второй мировой войны // Великая война и Великая Победа народа. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне. В 2 кн. Кн. 2. – М. : ИКЦ Академкнига, 2010. – С. 370–380.
7. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. В 2 т. Т. 1. 1944–1948 / отв. ред. Г. П. Мурашко. – М. ; Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997. – 985 с.
8. Гибианский Л. Я. СССР, Восточная Европа и формирование советского блока // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1944. – М. : Наука, 2002. – С. 16–37.
9. Горизонтов Л. Е. Польская история на Западе и в Советском Союзе: опыт сопоставительного историографического обзора // Советское славяноведение. – 1991. – № 1. – С. 56–66.
10. Гришин Я. Я. Истоки кризисов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 172 с.
11. Гришин Я. Я. Политический поворот в Польше 1948 г. – Казань : Танзаря, 1994. – 216 с.
12. Новопашина Ю. С. Вводные замечания // Бывшие «хозяева» Восточной Европы. Политические портреты. – М., 1995. – С. 3–16.
13. Носкова А. Ф. К истории выборов 1947 г. в Учредительный сейм Польши // Славянский альманах. 2009. – М. : Индрик, 2010. – С. 419–426.
14. Носкова А. Ф. Российская историография сталинизма в СССР и странах Восточной Европы: некоторые итоги изучения (конец XX – начало XXI века) // Славяноведение. – 2012. – № 1. – С. 40–54.
15. Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Советский фактор в послевоенной Восточной Европе (1945–1948) // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. – М. : Междунар. отношения, 1995. – С. 69–114.
16. Петров Н. В. Роль МГБ СССР в советизации Польши (проведение референдума и выборов в Сейм в 1946–47 гг.) // Сталин и холодная война. – М., 1998. – С. 102–124.
17. Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы. – М. : РОССПЭН, 2011. – 351 с.
18. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. – М. : Индрик, 2012. – 952 с.
19. Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов (середина 40-х – конец 80-х гг. XX в.) // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 3–68.
20. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2 т. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. – М. : РОССПЭН, 1999. – 687 с.
21. Судьба польского народа в XX веке («круглый стол» по книге Я. Щепаньского) // Социологические исследования. – 1995. – № 3. – С. 122–128.
22. Шубин А. В. СССР и режимы «народных демократий» // Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. – М. : Памятники исторической мысли, 1996. – С. 381–401.
23. Юсупов Р. Р. Польская интеллигенция в период народной демократии (1944–1980 гг.). – Казань : ГранДан, 1998. – 347 с.

ЭТНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В РАМКАХ СФРЮ (ФНРЮ)

С. А. Насонова

Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия

Summary. An article is devoted to ethno-national and political features of the former Yugoslavian republic of Bosnia and Herzegovina. The reasons of the beginning of a civil war in B&H are analyzed.

Key words: civil war; ethnic conflict; Bosnia and Herzegovina.

Конец XX века в мировой истории ознаменовался распадом одного из крупных государств континентальной Европы – Социалистической Федеративной Республики Югославии. Событие это перевернуло еще одну страницу балканской истории. Союз славянских народов, существовавший около семидесяти лет, оказался непрочным и не выдержал испытания временем.

Босния и Герцеговина (БиГ) не могла уберечься от подобного развития событий. Еще югославские специалисты в напутственных словах к желающим посетить Боснию говорили: «Если увидите Югославию на какой-нибудь географической карте, скажите: Республика Босния и Герцеговина сердце этой страны; если познакомитесь с ней ближе, скажите больше: это Югославия в миниатюре» [2]. Многонациональная Босния повторила югославский сценарий. Межнациональная, гражданская война в БиГ (1992–1995 гг.) стала последствием распада бывшей Югославской Федерации.

Гражданская война в Боснии и Герцеговине породила разруху, тысячи беженцев, невиданную вражду между населявшими ее народами. Ожесточенность и длительность этого конфликта не смогло предвидеть большинство ученых и политиков. Более 200 тысяч человек убитых и раненых, из которых 90% – мирные жители, около 3 миллионов беженцев – вот результат вражды между народами БиГ и вмешательства внешних сил. Помимо этого, треть больниц, половина школ и две трети жилых домов в стране были либо уничтожены полностью, либо повреждены.

Истоки острого кризиса в Боснии и Герцеговине были обусловлены как общими процессами, приведшими к распаду социалистической Югославии, так и спецификой исторического развития этой республики, особенностями территориального, межнационального и конфессионального факторов.

Босния и Герцеговина – аграрный край, скованный горами, богатыми лесами, рудами и красотами природы. Босния отличается исключительным водным богатством: более 4000 км речного течения – водопадов, рек, глетчерных озер и минеральных лечебных вод. Имея примерно 12 миллиардов киловатт-часов неиспользованного гидроэнергетического потенциала, БиГ после Норвегии и СССР в этом отношении была самой богатой страной в Европе. Кроме того, геологами было установлено, что БиГ располагает большими резервами рудных богатств. Это в первую очередь относится к углю, железной руде и бокситам. Возможность эксплуатации этих руд измеряется десятилетиями и даже веками. Месторождения свинцово-цинковых руд, марганца, ртути, асбеста, каменной соли и других ископаемых создавали большие возможности для развития на их основе многих производств. Эти богатства считались большим преимуществом Боснии и Герцеговины.

Республика Босния и Герцеговина являлась республикой со смешанным населением. Сербское население в БиГ составляло стабильное большинство до Второй мировой войны. Во время Второй мировой войны Босния и Герцеговина входила в состав Независимого государства Хорватия, созданного Гитлером. Хорватскими усташами за этот период были уничтожены сотни тысяч сербского населения. Спасая свои жизни, БиГ покинули до 200 тыс. сербов – коренных жителей этих земель [3, с. 9]. Историческая память о геноциде, творившемся хорватскими фашистами в годы Второй мировой войны против сербов, станет одним из факторов ожесточенности Гражданской войны между сербами и хорватами при распаде социалистической Югославии. В период Второй мировой войны в Боснию переселялись хорваты, а также лица, исповедующие ислам, из Македонии, Косова, Воеводины и др. Кроме этого, за время военных действий погибло 179 тыс. человек, из которых 72 % составляли сербы, 16,5 % – мусульмане и 4,4 % – хорваты [4, с. 93]. Таким образом, за годы Второй мировой войны сербское население сильно сократилось. В послевоенные десятилетия тенденция уменьшения численности сербов и роста численности мусульман продолжала проявляться. Существенную роль в этом играла детность семей. В БиГ в целом имело место постепенное уменьшение рождаемости, но разница в численности детей у хорватов и особенно у сербов, с одной стороны, и у мусульман – с другой – в пользу последних – продолжала сохраняться.

После 1961 года, когда мусульмане официально – в переписи населения – были выделены как отдельный народ – мусульмане (этническая принадлежность), наблюдалась устойчивая тенденция снижения численности сербов и хорватов и увеличения численности мусульман, составляющих относительное большинство населения Боснии и Герцеговины. По данным переписи 1991 года, мусульмане составляли 39,25 % населения, сербы – 32,03 % и хорваты – 18,38 % [10, с. 116].

Необходимо отметить также тот факт, что, хотя в целом этническая мозаичность сохранялась, налицо была и тенденция концентрации разных народов по отдельным областям, что послужило фактором напряженности национальных отношений. Так, сербы преобладали в Западной Боснии и Восточной Герцеговине, мусульмане – в Центральной и Восточной Боснии, хорваты – в Западной Герцеговине. В территориальном составе БиГ сербы занимали ведущее место. Они представляли абсолютное большинство населения на 53,3 % территории республики [4, с. 95].

После Второй мировой войны в республике долгое время открыто не проявлялось национальной и религиозной вражды. Из всех республик социалистической Югославии Босния наиболее последовательно претворяла в жизни лозунг «братство и единство», все ее властные органы и учреждения строго соблюдали равное представительство этнических групп. На территории БиГ мирно уживались три веры и три церкви: православие, католицизм и ислам. Доказательством этому может служить тот факт, что за послевоенное время в Югославии (в т. ч. и БиГ) было построено 700 мечетей, что значительно больше, чем за весь период османского господства [1, с. 83]. Кроме этого, мусульмане имели право получать помощь из-за рубежа. Например, на деньги, предоставленные Саудовской Аравией, был построен университет в Сараево. Католические страны по-прежнему поддерживали своих единоверцев в лице хорватов, православный мир – сербов.

Таким образом, с самого начала война в Боснии была не религиозной, а политической, несмотря на то, что в нее были вовлечены три народа и три крупнейшие мировые религии. Война началась из-за быстрого, трагического распада Югославии, обусловленного противоречиями политической системы, кризисом федерализма, ослаблением связей между центром и федеральными единицами. Рост сепаратистских настроений разжигался амбициозными политическими лидерами во всех республиках, в том числе и в БиГ. Политические лидеры выдвигали несовместимые

между собой программы политической реорганизации югославской Федерации, основанные на идее ее раздела на несколько национальных государств. Абсолютизация проблемы национального суверенитета подняла вопрос территорий и границ. Распад страны, с одной стороны, действия националистически настроенных политиков, с другой, вылились в стремление определить национальный суверенитет на земли. Развязывание войны в дальнейшем инициировал элемент этнического конфликта. Судьба Боснии и Герцеговины была предрешена, когда националистическая политика стала доминировать в югославском обществе.

Таким образом, слабость политической системы социалистической Югославии станет одним из важнейших факторов, приведших страну к тяжелейшему внутреннему кризису и распаду.

Конституция Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) 1946 года была разработана по образцу советской конституции 1936 года и на первый план выдвигала однопартийное государство и его аппарат, который на основе государственной собственности осуществлял управление всеми сторонами общественного развития. Главную роль в социалистическом обществе играли Коммунистическая Партия Югославии и ее глава Йосип Броз Тито. Роль представительных органов в руководстве страной падала. Правительство имело право издавать законы, обходя Скупщину (парламент). Как пишет крупнейший югославский историк Б. Петранович, «исполнительная власть практически «превышала» Скупщину. Депутаты на практике не пользовались правом законодательной инициативы, поэтому законопроекты исходили только от правительства. Народная Скупщина не имела характера рабочего органа, потому что, как правило, собиралась два раза в год, чтобы проголосовать предложения правительства и законы... Народные комитеты, – возникшие во время войны как органы местного самоуправления, – все больше функционировали как административно-исполнительные органы высших органов государственной власти и управления, а массовые организации – как трансмиссии КПЮ» [8, с. 45]. В самой КПЮ также прослеживалось исчезновение представительной демократии. Программа, устав партии принимались без всякого обсуждения. Фактически назначенные делегаты собирались не для решения актуальных проблем, а для рукоплескания вождям. Номенклатура ЦК КПЮ охватила около 9000 должностей [8, с. 46].

Трансформация политической системы начинается в 1953 году, когда был принят Конституционный закон «Об основах

общественного и политического устройства Федеративной Народной Республики Югославии и о союзных органах власти» [5, с. 45–84]. В законе определялись основные принципы самоуправления, ставшие основой политической системы страны. На основании этого закона происходят изменения в структуре государственных органов, что приводит к ослаблению функций. Так, республиканские скупщины из органов государственного управления превращаются в органы самоуправления, независимые от государства. Скупщины должны были выполнять государственные функции, координировать хозяйственную и другие виды деятельности. Кроме того, законом создавались исполнительные веча республик и федерации. На них возлагалась ответственность за соблюдение законов и проведение утверждаемой скупщинами политики [9, с. 50–80].

В 1963 году была принята новая конституция, которая закрепляет изменения в системе скупщин, а также новое название страны – Социалистическая Федеративная Республика Югославия. В период с 1967 по 1971 гг. к действующей конституции было принято 42 поправки, которые значительно расширили права республик и автономных краев. Республики, в том числе и БиГ, из «государственных содружеств» превращаются в «государства, основанные на суверенитете народа, на власти и самоуправлении трудящихся». Республики получают многие права и материальные фонды, которые раньше принадлежали федерации.

С принятием конституции 1974 года СФРЮ вообще стала напоминать некое подобие конфедерации, нежели федерации. В конституции говорилось: «Рабочие люди и народы, и народности осуществляют свои суверенные права в социалистических республиках и автономных социалистических краях в соответствии со своими конституционными законами, а в СФРЮ только те свои права, которые представляют совместный интерес... Рабочие люди, народы и народности вопросы федерации решают на началах согласия между республиками и автономными краями, солидарности и взаимности, равноправного участия республик и краев в органах Федерации, в соответствии с этой конституцией, а также на началах ответственности республик за собственное развитие и за развитие социалистического сообщества в целом» [11]. Таким образом, носителем суверенитета становятся республики и автономные края. Конституция закрепляет и полномочия скупщин. Скупщины республик становятся высшим органом власти, общественного самоуправления. Они утверждают

бюджет, обсуждают вопросы в области местной народной обороны, принимают решения по важнейшим вопросам политической, хозяйственной и культурной жизни [6, с. 176,183]. Фактически республиканские скупщины становятся органами, проводящими внутреннюю политику, не только органами, осуществляющими законодательную власть.

Данные политические решения привели к усилению национального антагонизма, обособлению автономных краев и республик. Большое влияние на дезинтеграционные процессы оказал распад правящей коммунистической партии. Многие современные специалисты придают этому фактору решающее значение. По мнению историка А. Джиласа, компартия была единственной общегославской политической силой, дезинтеграция означала и начало распада Югославии [11, р. 186–187]. По мере осознания того, что коммунистические представления относительно всеобщих равенства, братства, свободы оказались недостижимы, идеи югославизма стали уступать место национализму отдельных югославских наций. С 1991 года лидеры таких республик, как Хорватия, Словения, Сербия, мобилизовав население по этническим параметрам, начинают выступать выразителями «национальных интересов» своих республик на международном уровне. Ситуация в Боснии и Герцеговине была гораздо сложнее. По конституции 1974 года сербы, хорваты и мусульмане являлись конституционными народами, т. е. население республики не представляло собой целостной политической нации. В БиГ не было политической силы, которая могла бы представлять республику в целом, защищать ее против внешних сил. Ведущие политические партии БиГ могли говорить от имени лишь части населения. В то же время, чтобы сохранить позиции выразителей интересов своих народов и вести дальнейшую борьбу за самоопределение и территориальные права, политическим партиям БиГ было необходимо разрушить идею гражданской страны, где жители этнически толерантны и лояльны к культурному многообразию. Особенностью политической борьбы в Боснии станут лозунги о невозможности совместной жизни и необходимости разделения по национальным государствам.

В Боснии подобно тому, как это происходило в других республиках СФРЮ, каждая этническая община сформировала отдельную политическую партию. Первыми были мусульмане, которые 26 мая 1990 года создали Партию демократического действия (лидер Алия Изетбегович). Спустя два месяца сербы основали

Сербскую демократическую партию во главе с Радованом Караджичем. Вскоре и хорваты сформировали партию Хорватское демократическое содружество (лидер Мате Бобан).

9 ноября 1990 года в Боснии и Герцеговине прошли первые многопартийные выборы, которые стали проявлением разделения населения по этнонациональному признаку. Итоги выборов показали, что население голосовало за «свою» партию: большинство голосов получила Мусульманская партия демократического действия, представляющая самую многочисленную часть населения Боснии (37,8 %); за ней шла Сербская демократическая партия (26,5 %); меньше всех получила хорватская партия (14,7 %), что отражало соотношение численности основных народов БиГ. Между тремя партиями развернулось острое политическое противоборство за реализацию своей концепции государственного устройства республики. Сербь предлагали обсудить конфедеративный вариант существования трех народов. Идея территориального разграничения БиГ между мусульманской, сербской и хорватской общинами на основах кантонизации была поддержана и лидером Хорватии Ф. Туджманом. Однако мусульманская сторона и ее лидер А. Изетбегович были решительны в отстаивании концепции унитарного мусульманского государства со всеми необходимыми гарантиями для национальных меньшинств.

На основе результатов выборов был создан коалиционный парламент республики. Не имея большинства, лидеры трех основных партий согласились сформировать коалиционное руководство: Президент – мусульманин А. Изетбегович, глава парламента – серб, глава правительства – хорват, в правительстве 10 мусульманских министров, 7 – сербских и 5 – хорватских. Но ни в Скупщине (парламенте), ни в правительстве сотрудничества партий не получилось. Как вспоминал председатель Скупщины первого многопартийного созыва серб М. Краишник, разделение депутатов по национальному признаку проявилось уже на первом заседании нового парламента. Тогда же начала складываться мусульмано-хорватская коалиция в Скупщине [12, с. 10]. В местных органах власть вообще оказывалась не коалиционной, а захватывалась представителями национальности, имеющей большинство. По сути, это стало одним из первых шагов к «этническим чисткам», свидетельством того, что принцип руководства по национальному признаку в стране с такой мозаичной этнической картой нежизнеспособен. В апреле 1991 года в противовес активности мусульман и хорватов была сформирована Скупщина

содружества общин Боснийской Краины, где преобладало сербское население; в июне того же года был подписан договор о сотрудничестве Боснийской Краины с самопровозглашенной в Хорватии Республикой Сербской Краиной.

Лидеры всех этнических общин вели активные политические игры. В июне 1991 года мусульманская партия сформировала Совет национальной обороны. Была принята Декларация, начинающаяся словами «Мусульмане Югославии находятся на историческом перепутье и имеют шанс, который не должен быть упущен... Этот шанс есть и может быть только суверенная и целостная Босния и Герцеговина, как родина боснийских мусульман и отечество Югославских мусульман. Мы готовы бороться за этот шанс» [7, с. 206]. Во время визита в Турцию в июле 1991 года А. Изетбегович заявил о желании Боснии присоединиться к Организации исламских государств. Подобные шаги вызвали негативную реакцию со стороны сербов и хорватов, которые констатировали, «что Изетбегович хочет превратить Боснию и Герцеговину в исламскую республику». Р. Караджич не замедлил подчеркнуть, что боснийские сербы не откажутся от своего права остаться в Югославии [7, с. 206]. Таким образом, каждый месяц, день не способствовали выходу из кризиса, а лишь приближали начало войны.

В октябре 1991 года депутаты от мусульманской и хорватской партий, несмотря на протест сербских депутатов, приняли Меморандум о суверенитете Боснии и Герцеговине. В ответ в ноябре этого же года был проведен плебисцит среди сербов БиГ, которые высказались за то, чтобы остаться в Югославии. Акции мусульманских и хорватских парламентариев, с одной стороны, и сербских – с другой, фактически положили начало разрушению хрупкой трехнациональной коалиции в БиГ.

В январе 1992 года боснийские сербы провозгласили на своей территории Республику Сербскую БиГ как федеративную единицу СФРЮ. Было сформировано правительство, республиканские органы – Скупщина, правительство, Президиум, принята первая Конституция Республики Сербской. Сербы выступали за сохранение Югославии, но на случай неосуществимости этой цели выработали минимальное требование – «Если теряем Югославию, то не отказываемся от собственного государства» [4, с. 99]. В феврале 1992 года боснийские мусульмане и хорваты провели референдум о независимости БиГ. Сербская община отказалась принять в нём участие, надеясь, что в результате этого бойкота он будет признан недействительным, так как по боснийской конституции

«для провозглашения независимости требовался консенсус трех национальностей» [9, с. 145]. Однако этот референдум состоялся, и большинство принявших в нём участие высказались за независимость целостной Боснии. Это и стало затем одной из движущих сил конфликта. В отличие от сербского, волеизъявление боснийских мусульман и хорватов получило международное признание.

6 апреля 1992 года страны ЕС, США и ряд других европейских государств признали независимость Боснии и Герцеговины. Сразу же после этого – 7 апреля 1992 года – сербы заявили о провозглашении независимости Сербской Республики Боснии и Герцеговины. Но эта самопровозглашенная республика вплоть до мирных Дейтонских соглашений не была признана мировым сообществом.

Поспешное решение стран ЕС и США о признании независимости БиГ до решения вопросов ее внутренней организации в политическом и административно-территориальном отношении, нерешенность межнациональных отношений привели к гражданской войне. Конфликт, как признано многими, стал одновременно и международным, и межнациональным, этническим (трехсторонним), и межконфессиональным. Прямо или косвенно в конфликт оказались втянуты страны НАТО, ряд мусульманских государств. Некоторые из этих стран приняли непосредственное участие в конфликте на стороне одних против других, то есть в военной кампании сначала против Республики Сербской, а позднее – против Союзной Республики Югославии.

Войну не смогла остановить ни одна международная организация – ни Европейский союз, ни ООН, ни ОБСЕ. Итогом деятельности международных организаций стало, по мнению специалистов, разрастание, углубление и расширение конфликта.

Конец кровопролитию положило мирное соглашение,работанное в Дейтоне и подписанное 14 декабря 1995 года в Париже. Дейтонский мир – это целый пакет договоренностей между сербами, хорватами, мусульманами и странами-гарантами по военным и гражданским вопросам. Однако и сегодня, по прошествии шестнадцати лет после окончания гражданского конфликта, Босния и Герцеговина, по мнению историков, остается слабым государственным образованием. Внутренний государственный суверенитет разрушает сегментация страны, а постоянное участие внешних сил в работе органов государственной власти Боснии и Герцеговины делает ее фактически международным протекторатом.

Библиографический список

1. Бибикова О. П. Ислам в Боснии // Россия и мусульманский мир. – М., 1996.
2. Босния и Герцеговина / ред. Нияз Мутевелич. – Сараево, 1974.
3. Валев Э. Б. Югославский клубок // География. – М., 1996. – № 7 (февр.).
4. Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. – М., 1999.
5. Конституционный закон об основах общественного и политического устройства Федеративной Народной Республики Югославии и о союзных органах власти // Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. – М., 1956.
6. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. – Белград, 1974. – Ст. 132, 143.
7. Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. – М., 1998.
8. Шахтин Ю. В. Югославия на пути модернизации: 1947–1961. – М., 2008.
9. Этнические и региональные конфликты в Евразии. – М., 1997. – Кн. 3.
10. Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Т. 1 / отв. ред. Е. Ю. Гуськова. – М.: Экспертинформ, 1992.
11. Djilas A. The Contested Country. – Cambridge (Nass.): Harvard Univ. Press, 1991.
12. Крајишник М. Интервју: О раду Скупштине бившее БиХ // Ослобођење. – Сарајево, 1995. – 6 јан.
13. Устав СФРЈ. Основне одредбе. – Београд, 1974.

II. ПАРАДИГМАЛЬНОЕ И ПОВСЕДНЕВНОЕ В СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

KULTURA, MYŠLENÍ A SYMBOLIKA SLOVANŮ

M. Sapík

Academia Rerum Civilium – Vysoka skola politických
a spolecenských ved, Kolin, Česká republika

Summary. Humanities ideals have become a symbol period. Slavs have a rich cultural and philosophical tradition. Important milestones in the development of the state. History of Slavs is processed in many literary works. Idea of Slavism is elaborated in the work of T. G. Masaryk.

Key words: humanism; Slavs; tradition; culture; philosophy; lime; symbol.

Slovanské národy mají bohatou kulturní a historickou tradici. V případě českého národa můžeme jít až do období Velké Moravy. V této době vznikají první a základní fakta, která dala vzniknout postupnému formování české státnosti, i když v různých dobách jde o zásadní změnu oproti předchozímu vývoji. Důležitými mezníky ve vývoji české státnosti je období Přemyslovského státu, doba vlády Karla IV., období vlády Jiřího z Poděbrad, založení první republiky, události roku 1968 a konečně i rozdělení Československa. Historie a kultura slovanství je známa i jako otázka panslavismu, myšlenka sjednocení slovanských národů a uznání jejich vlastní identity.

Kulturní tradici slovanských národů představuje i symbol, kterým je český národní strom lípa. «V staroslovanské kultuře byla lípa posvátným stromem a byla ztotožňována s bohyní lásky a krásy jménem Lada. V těch dávných dobách naši předkové prováděli velké množství rituálních obřadů a oslav přímo vedle staré, mohutné lípy nebo mezi několika lípami. Kolem lípy se tančilo, ... pod lípou se konaly vesnické sněmy, soudy nebo schůze a kázání. V Čechách, na Moravě a ve Slezsku bývalo zvykem, že při svatbě nebo jiné významné události byla vysazována lípa. Když sety to stromy zasadily v řadách v ulicích, znamenalo to usmíření nebo ukončení války a konfliktů. Lípa byla také považována a za strom Matky Boží. Lidé věřili, že když Panna Marie sestupuje z nebe na zem, odpočívá právě na lípě. Na větve lípy lidé zavěšovali svaté obrázky, věřili totiž, že zázračné svaté obrázky se nejčastěji objevovaly právě na tomto stromě. Jedna křesťanská legenda praví, že lípase stala útočištěm pro Marii, když s malým synem Ježíšem uprchla do Egypta. Slované uctívali lípu nejen jako posvátný

strom, ale také jako matku, která dává svým dětem vše, co potřebují» [5]. Historie Slovanů je zpracována v mnoha dílech literárního, odborného a popularizačního zaměření. Pro každou dobu je velmi specifické přijímání nových faktů, které zvyšují pocit národní hrdosti a identity. Otázka slovanské vzájemnosti je rozpracován a u mnohých intelektuálů, kteří se zaměřují na různá specifika, která odrážejí realitu vývoje a směřování jednotlivých slovanských celků a rovněž nezapomínají na významné osobnosti, které stanuly v čele jako vůdčí jedinci.

Otázku slovanské vzájemnosti potvrzuje i příchod věrozvěstů na území, které se později stalo útočištěm mnoha národních buditelů a učenců. Význam české a slovanské otázky si uvědomoval i velký český učitel, «učitel národů» J. A. Komenský. Ve svých dílech mnohokrát vzpomíná na rodné území, kam mu bylo upřeno se vrátit a musel i s celou rodinou cestovat po různých místech Evropy, než ztrácí vše to, čeho si tolik vážil – rodinu, děti, vlast. I přes strasti, které ho potkaly, se usilovně věnuje pedagogické a literární činnosti. Ne náhodou byl pozván různými panovníky v Evropě, aby se podílel na koncepci školství a psaní prvních učebnic. Kumpera uvádí, že: «Celý další Komenského život – přes veškeré odbočky a osobní tragédie – se pak soustřeďuje na vytvoření «opus magnum» – na sepsání *De emendatione rerum humanarum consultatio catholica* – Obecné porady o nápravě věcí lidských. Tuto svou stěžejní práci Komenský promýšlel a psal poslední třetinu svého života – v Lešně, v Uhrách a posléze ve svém závěrečném amsterdamském útočišti, kde také vydal první dva díly s názvem – *Panegersia* (Všeobecné probuzení) a *Panaugia* (Všeobecné osvětlení). Nejpozoruhodnější je však rozpracovaný šestý díl *Panorthosia* (Všenáprava) – spis společně s rukopisem celé *Nápravy* na dlouhá staletí ztracený v prachu zapomnění v knihovně sirotčince v Halle. V *Panorthosii* Komenský vyjádřil své představy o «svobodném společném státu lidského pokolení», celosvětovém snášenlivém svazku národů, ve kterém by se řešily spory mezinárodním mírovým tribunálem bez válek a násilí. Národ chápe Komenský velmi moderně jako společenství lidí jednoho jazyka, území, společné kultury, vlády a ekonomiky. Národy by se však měly – při vzájemném respektu ke svým odlišnostem – spojovat do vyššího celku, do jakési celosvětové federace států a národů. Také názory na ideální politické uspořádání se u Komenského vyvíjely. Koncem života, zklamán nadějami v osvětlené panovníky, dospěl k závěru, že «nejmoudřejším uspořádáním je republika». Zkreslován bývá Komenského vztah k otázkám války, násilí a míru. Komenský byl samozřejmě vždy pro mír, ale ve svobodě. Respektoval právo odporu proti tyranidě a uznával válku jako

krajní řešení (např. v případě protihabsburského boje se tak měla vrátit jeho národu náboženská a státní svoboda)» [4]. Komenského názory na etiku a politiku vycházejí z přesvědčení, že etika a politika jsou od sebe oddělené. Komenského mravní teorie předpokládá existenci rozváznosti, jako základní mravní kategorie, kterou Komenský rozlišuje podle sféry, ve které působí. Komenského pojetí národa je inspirováno moderními humanistickými názory evropských myslitelů a autorů progresivních politických teorií a ideologií. Důležitým faktorem je Komenského pohled na národ, který má jednotný jazyk na daném území. Z vlastní zkušenosti může Komenský formulovat názory na politické uspořádání v daném státu a jeho formu vlády. Jeho vize republiky vychází především z detailního poznání a především zklamání, kterým byli evropští panovníci a jejich stálá chuť po bohatství a absolutistické tendence, které nikdy před tím neměly takový rozsah a důsledky pro jejich lid a poddané.

T. G. Masaryk k tomuto tématu jasně píše: «Moderní člověk má kouzelné heslo «humanita» – «člověctví» – «člověčenství», kterýmžto heslem vystihuje všechny své tužby asi tak, jako člověk středověký všechny své tužby vyjadřoval slovem křesťan. Tento ideál humanitní, člověctví, jest základem všech tužeb novodobých a zejména také národnostních, jak už víme z Kollárova výroku: «A vždy, voláš-li Slovan! nechť se ti ozve člověk!» [3, c. 7] Masarykova vize slovanského národního celku byla známa z jeho rozsáhlé publikační činnosti, která má rovněž popularizátorský charakter. «Idea humanitní jeví se v naší době jako idea národnostní. ... idea humanitní není proti idey národnostní, nýbrž že právě národnost, stejně jako člověk jednotlivec, má být a může být humánní, humanitní. V tom smyslu Kollár a Palacký národnost zakládali na idey humanitní. Kollár pak, poučen Fichtem, usiloval o vychování a vzdělání národní» [3, c. 10]. Celá Evropa konce 19. a počátkem 20. století byla zasažena a prodchnuta ideály humanismu osvícenství, nové doby, nových očekávání a zároveň i nových vizí, které se vztahovaly především na filosoficko-politické koncepce, jež ovlivňovaly myšlení pokrokových jedinců.

Tito pak stanuli v čele národnostního boje, boje za práva a svobody národů na obsazovaných územích. Typickým příkladem může být období založení Československa v roce 1918. Masarykova idea humanitní se projevuje v několika rovinách. Jinak po stránce šíření lidskosti a člověčenství mezi lidmi a národem českým, slovanským. Druhý aspekt je rovina politická. V ní rovněž viděl důležitost ideálu humanitního jako stěžejního prostředku k dosahování politických cílů.

V 9. části Ideálů humanitních, která se jmenuje Hlavní zásady etiky humanitní, Masaryk píše: «Jestliže humanitní ideál, hledící

k člověčenstvu celému, je poněkud neurčitý, stává se určitějším tím, že obsahuje také národ? Láska, humanita musí být pozitivní. ... Naděje v život věčně tedy základem naší víry životní. Víry, praví, protože na víře život a práce je založena. Skepse, pochybování, je k práci neschopna» [3, c. 68–72]. Masaryk vnímá humanitu i jako pozitivní životní orientaci, která provází člověka po celý jeho život. Lidská společnost je založena na ideálech, které jim předali velcí učenci a lidé, kteří měli nadhled nad právě prožívající situací. Z toho vychází i fakt, že ideál humanitní bude v každém národu, u Slovanů po celou dobu jejich existence. Je to možné vnímat i tak, že se jedná i o životní postoje a smysl vlastních dějin, kterými si jedinci, jakožto příslušníci Slovanů procházíme ve vlastním životě a tyto ideály (i když ne zrovna vždy) humanitní řešíme v naší každodennosti. Z ní vychází i starost o druhé, blízké, protože základem našeho způsobu života je určitá víra v boha, ve vlastní schopnosti, v druhé lidi, v «malý zázrak», který čas od času můžeme očekávat.

L. Hejdánek uvádí, že: «... filosofie vůbec nespočívá jen ve vidění a případně komentování skutečnosti, a tedy politická filosofie (či filosofická politika) ve vidění a komentování politické společnosti a její politiky (resp. politiky jejích četných politických subjektů, ať už pravých, tj. jednotlivých lidí a především politických organizátorů a vůdců, nebo nepravých, ale velmi skutečných, jako jsou politické instituce, organizace a zejména strany), nýbrž v rozpoznání, v posuzování a v hodnocení všeho toho, co politický život lidí a lidských společenství i organizací přináší, nemůže se filosofie a zejména konkrétní filosof uchránit a docela vyhnout určitému druhu politického působení» [1, s. 10]. Filosofie je svým zaměřením specifická v tom, že se vždy snaží o objektivní hodnocení vnější reality. Je nasnadě, že původ politické filosofie je v samotné kolébce evropské vzdělanosti.

Proto i lidské myšlení a myšlení Slovanů je obsahově zaměřené na komentování skutečnosti a rovněž hodnocení politického života společnosti, kde převládá subjektivní postoje, které vycházejí ze života a konkrétního způsobu politického působení. V bohatých dějinách filosofického a politického myšlení Slovanů nacházíme výrazné osobnosti, které svým myšlením ovlivnili vývoj daného národa, způsoby jejich existence. Zajímavá jsou u nás období osvícenství, národního obrození, ale i v období první republiky a následujících etapách vývoje.

Když J. L. Hromádka porovnává ve své práci Zánik a vzkrášení čtyři významné osobnosti intelektuálního a akademického života, činí tak z jednoho prostého důvodu. Ukazuje na rozdílnost a přítomnost na velmi květnaté myšlenkové bohatství, které vycházejí z názorů

T. G. Masaryka, E. Rádl, F. M. Dostojevského a K. Bartha. «Všichni myslitelé, které jsme analyzovali – tři z nich ze slovanského okruhu Evropy (Dostojevský, Masaryk, Rádl) a zbytek z protestantského západu (teologové krize), nám přiblížili rušivý fakt, že hrozný dynamismus sil tyranie a necitelná krutost spadaly v jedno s ošklivou slabostí a únavou moderní inteligence a se selháním církve být prorockou baštou pravdy. Duchovní, filosofické a morální vakuum moderního liberálního ducha zvalo nečisté duchy, aby se zmocnily 'prázdňého, zameteného a vyzdobeného domu.' Jak to Masaryk řekl v roce 1933, intelektuálové v Evropě 'nemají pravdu nebo mají sto různých pravd. Proto je lidé opustili a šli za navrhovateli dogmatu, které je sice primitivní, ale aspoň má ctnost jednoduchosti.' Člověk nemůže přežít bez víry». [2, s. 68]. Proto se také Hromádka zaměřuje na uvedené osobnosti duchovního života, které reprezentují a posilují ideu slovanství z různých pozic a se zcela odlišnými cíli a předsevzetím. «Dostojevského a Masarykova filosofie je jedna nádherná píseň lásky, sympatie a soucitu. Nyní slovo humanismus upadlo v určitých filosofických skupinách v nelibost. Ve skutečnosti ... by souhlasili s důrazem, že lidská důstojnost a svoboda jsou odsouzeny k zániku, jestliže lidstvo ztratí víru v Boží pravdu a spravedlnost, lásku a milosrdenství». [2, s. 70]. Hromádkův postoj k otázce lidské důstojnosti a významu lidského života procházel celým jeho dílem. Nedílnou součástí lidského života byla pro Hromádku životní orientace, která odpovídá i způsobu jednání každého jedince ve společnosti. Lidé mají být součástí určitého celku, Slované představují konkrétní národnostní celek, který může být pyšný na svou bohatou a významnými osobnostmi opředenou historii.

Význam slovanství má svou budoucnost v různých aspektech a především v různé míře zpracování jednotlivých témat. Spisovatelé, filosofové, intelektuálové a národní hrdinové představují důležité mezníky ve vývoji slovanského národa. Kultura Slovanů je velmi rozmanitá a z toho vychází i fakt, že není možné takto koncipovanou kulturu hodnotit jako celek. Je vždy důležité zaměřit se na její dílčí projevy, které nás dovedou k požadovanému cíli a jasným závěrům.

Seznam použité literatury

1. Hejdánek, L.: Filosof a politická odpovědnost. In: Česká mysl, Jednota filosofická, Praha 1991.
2. Hromádka, J. L.: Zánik a vzkříšení. Nakladatelství L. Marek, Brno 2006.
3. Masaryk, T. G.: Ideály humanitní. Čin, Praha 1927.
4. <http://www.vialucis.cz/Komensky.htm>, (dne 22. 11. 2013).
5. <http://atlara.wordpress.com/2013/11/15/lipa-jako-symbol-slovanu-a-ceskeho-naroda/> (dne, 22. 11. 2013).

К ПРОБЛЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

М. А. Антипов

Пензенский государственный технологический
университет, г. Пенза, Россия

Summary. The article focuses on ecological unconscious as a special level of spiritual life in which the samples are concentrated archetypal symbolic relationship to nature. The article states that the formation of the spiritual life of the community, being a fragment of the collective unconscious, was formed in ancient times. In particular, the ecological unconscious archetypes inherent in modern representatives of the Slavic peoples, were formed at the time of the ancient Slavs.

Key words: Slavs; ecological unconscious; the collective unconscious; bear as an archetype.

В условиях техногенного общества, когда люди всё более отчуждаются от природы, погружаясь в техническую среду, что ведет к преобладанию потребительских и утилитарных установок и их распространению не только на вещи, но и на природные объекты, особую актуальность приобретает проблема экологизации культуры информационного общества, то есть формирования особого, основанного на принципах экологической этики, отношения к природе, которое проявляется в конкретных практических действиях, направленных на различные природные объекты.

Отношение людей к природе составляет компонент духовной жизни социума, в которой можно выделить два уровня: уровень общественного сознания и уровень коллективного бессознательного. Экологическое сознание, составляющее сознательный уровень отношения социума к природе, получило детальную проработку в трудах целого ряда ученых и философов.

Мы считаем, что, наряду с сознательным уровнем, отношение социума к природе проявляется и на уровне коллективного бессознательного. Таким образом, наряду с экологическим сознанием как совокупностью коллективных знаний, оценок, представлений о природе и нормах и принципах взаимодействия с ней, в духовной жизни общества целесообразно выделить и экологическое бессознательное, то есть совокупность коллективных, анонимных, неосознаваемых образцов восприятия природы и отношения к ней, которые передаются из поколения в поколение на уровне глубинных психических структур.

Атомарной единицей экологического бессознательного, как и коллективного бессознательного в целом, на наш взгляд,

выступают архетипы – безличные всеобщие когнитивные образцы, определяющие отношение человека к различным проявлениям природного мира. Мы считаем, что в отношении к природе человек руководствуется не только сознанием, но и во многом находящимися в глубинных слоях его психики архетипическими образами, имеющими преимущественно символический характер.

Архетипическая структура экологического бессознательного является психическим наследием, которое осталось современным людям от представителей архаической эпохи. Так, например, образ дуба как архетип до сих пор символизирует как духовную, так и физическую зрелость. Образ березы – молодость и стройность. В подобных образах запечатлено отношение к природе наших предков, заключающееся в идентификации человека с природой, переносе его отдельных качеств на природные элементы.

Элементы экологического бессознательного можно обнаружить, если проанализировать коллективно-архетипический пласт духовной жизни древних славян. Для них как носителей языческого мирозерцания было характерно «то, что человек не противопоставлял себя космосу, природе, а растворялся в них, становясь таким же целым, как и они» [1]. В качестве примера обратимся к образу медведя как древнейшему архетипическому символу, укорененному в сознании славянских народов. Б. А. Дорошин указывает на антропокосмичный характер данного образа: «с ним ассоциированы первопредок людей (в силу морфологического сходства тел медведя и человека); хтоническая область мироздания (имевшая также антропоморфную репрезентацию – Мать сыра земля); области звездного неба – Плеяды, Большая Медведица и Полярная звезда, символизовавшая центр мироздания; а также возможность перехода человека к различным уровням мироздания посредством магических практик и возврата к единству с природой через обращение в медведя» [2, с. 64].

В данном символическом образе проявляются все атрибуты архетипов как первоэлементов коллективного бессознательного:

1) безличность и анонимность: медведь как образ не является конкретной персоной, имея множество проявлений;

2) универсальность: данный образ встречается в фольклоре и эпосе многих народов;

3) коллективность: образ медведя в качестве когнитивного образца присутствует в глубинных бессознательных слоях психики ни одного человека, а целых народов.

На примере интерпретации данного архетипического образа можно увидеть, что для наших предков было характерным стремление к единению с природным миром.

Подобное отношение было характерно для сознания наших предков, в дальнейшем отношение к природе кардинально трансформировалось, но подобное символически-образное восприятие природы перешло, было вытеснено на уровень коллективного бессознательного, в глубинные когнитивные структуры, которые, несмотря на кажущийся атавистический характер, опосредуют отношение к природе и представителей нынешнего общества.

При этом утверждение о «вытеснении» приводит нас к обращению к еще одному термину, схожему по семантике с коллективным бессознательным, – социальному бессознательному, который использует Э. Фромм в своем труде «По ту сторону порабощающих нас иллюзий». Автор утверждает, что социальное бессознательное отличается от коллективного бессознательного тем, что его содержание формируется под давлением общественных условий, которые заставляют всех членов социума вытеснять определенные желания, потребности, оценки из сферы сознания [3, с. 124].

Элементы экологического бессознательного мы склонны считать сектором коллективного, а не социального бессознательного, так как они были сформированы в архаический период, тогда как социальное бессознательное имеет относительно недавние сроки формирования.

Таким образом, экологическое бессознательное выступает, на наш взгляд, важным и одновременно с этим недостаточно разработанным аспектом такой актуальной проблемы постсовременного общества, как формирование должного отношения людей к природе.

Библиографический список

1. Антипов М. А. Традиции взаимопомощи как аспект общественных отношений древних славян // Этногенез и ранняя история народов Евразии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Пенза – Прага, 5–6 апреля 2010 г.). – Пенза: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. URL: http://www.sociosphere.com/publication/conference/2010/74/tradicii_vzaimopomowi_kak_aspekt_obwestvennyh_otnoshenij_drevnih_slavyan.
2. Дорошин Б. А. Танцующий медведь как социоантропокосмический символ и репрезентация архетипа трикстера // Современные тенденции развития мировой социологии: мат-лы науч.-практ. конф. 23–23 ноября 2012 г. – С. 63–68.
3. Фромм Э. По ту сторону порабощающих нас иллюзий. – М. : АСТ: Астрель, 2011. – 253 с.

К ВОПРОСУ О ПАРАЛЛЕЛЯХ МИФОПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ ИРЛАНДСКОЙ БАШНИ СЛАВЯНСКОЙ РУСАЛКИ

Б. А. Дорошин

Пензенский государственный технологический
университет, г. Пенза, Россия

Summary. Two parallel images, considering in this article, the Irish Banshee and Slavic mermaids, are divided into two levels. The first are the parallels between the most noticeable features of set images of the characters. They got some scientific understanding earlier. Second, related to their less striking and typical characteristics, their origin and links with other components of the Celtic and Slavic cultures. They are the primary subject of this article.

Key words: Banshee; Mermaid; Irish mythology; Slavic mythology; archetype; socioanthropocosmism.

К настоящему времени зафиксирован ряд параллелей между образами банши и русалки в ирландской и славянской мифопоэтических традициях. Часть из них отмечается и осмысливается в посвящённой данному вопросу работе Т. А. Михайловой [6], другие явствуют из её контекста, некоторые же, на наш взгляд, могут быть предметом дальнейшего рассмотрения. Самые очевидные параллели указанных персонажей относятся к их наиболее заметным, распространённым в источниках и характеризующих их поздние, закрепившиеся в фольклоре, образы, признакам. Кратко систематизируем их, внося некоторые уточняющие дополнения.

Взаимосвязанными атрибутами внешнего облика банши и русалки являются длинные распущенные волосы и гребень. Практически для всех районов Ирландии свойственно описание банши как женщины с длинными распущенными волосами, которые она постоянно расчёсывает гребнем, что определяется как её излюбленное занятие [6, с. 230, 238]. Русалки в основном также проводят время за расчесыванием особым гребнем своих длинных волос.

Гребень банши может быть изготовленным из золота или серебра, но также – из рыбьих костей. Нет единства и в сведениях о материале гребня русалки: это может быть рог, медь или золото, но могут быть и рыбы кости [6, с. 241].

Место обитания банши – как правило, у воды, у колодца, но вместе с тем излюбленными ею местами являются также ветки деревьев или конек крыши [6, с. 238]. Жизнедеятельность русалки также связана водной средой и растительностью. Согласно народным представлениям, в русальную неделю, следующую за Троицей, русалки

выходят из воды, бегают по полям и качаются на деревьях [5, с. 390]. Им приписываются особые колодцы. Соотнесение проявлений русалок с водной и растительной средой объясняется двойственностью их функций: с одной стороны, они заботятся о дожде и орошении полей, а с другой – об опылении цветущих хлебных колосьев [7, с. 678–679].

Существует поверье, что банши становятся женщины, умершие неестественной смертью, обычно – утопленницы [6, с. 238]. Русалки также характеризуются как существа, в которых превращаются умершие девушки, преимущественно утопленницы, и некрещёные дети [5, с. 390]. Как предполагает Т. А. Михайлова, банши, подобно русалкам, также может интерпретироваться как «злой покойник», несмотря на то, что в ирландской фольклористике (как и в самом фольклоре) данного термина не существует [6, с. 244].

Наиболее характерным признаком ирландской банши считаются исторгаемые ею особые, ни с чем не сравнимые рыдающие звуки, посредством которых она оповещает о близкой смерти. Этиология данных звуковых сигналов имеет прямое отношение к традиционной ирландской погребальной обрядности, для которой свойственны именно невербализованные причитания, напоминающие рыдания и стоны. Подобная особенность погребальной обрядности отмечается и в других регионах. В частности, у славянских народов, особенно у русских, распространён обычай «выть по покойнику». Однако и сами по себе предвещающие смерть стоны и рыдания банши перекликаются с зафиксированными множеством свидетельств странными, как правило громкими, звуками, которые издают персонажи типа русалок. Это не только их знаменитый хохот, но и нередко приписываемые им печальные звуки, например, жалобные стоны сибирской русалки.

Ключевая функция банши – предвещение смерти посредством стонов и рыданий – также находит соответствия в славянской культуре, признающей за русалками, мавками, лешачихами и т. п. способность предсказывать (или приносить?) смерть при помощи характерного стона или «воя», хотя, как правило, в ней данный мотив не является распространённым [6, с. 238–239].

Более глубокий пласт сходств и соответствий в образах банши и русалки относится к их менее ярким и типичным признакам, к их происхождению и связям с другими составляющими кельтской и славянской культур.

Одним из прообразов банши являются «странные женщины сидов», которые выступают в роли медиаторов между миром живых и Иным миром, обеспечивающие в саге «Похищение стад

Фроеха» своим магическим оплакиванием героя его способность к пересечению границы между мирами [6, с. 234].

Известный исследователь-энтузиаст, один из родоначальников советского и постсоветского славянского неоязыческого движения А. А. Добровольский (Доброслав) усматривал наличие подобной роли – «медиумических существ», «ясновидящих посредниц», схожих с валькириями и сопровождающих души сородичей-руссов «туда и обратно», – у русалок [1], в почитании которых он усматривал связь культа предков с силами расцветшей природы [10, с. 150]. Учитывая функцию русалок по обеспечению весенне-летних дождей и родственные индийским славянские представления о ниспослании душ новорожденных для воплощения на земле растворёнными в дожде и росе [4, с. 153], данное предположение можно принять за достаточно обоснованное.

В западных районах Ирландии для обозначения банши используются имена, предположительно восходящие к теонимам богинь догойдельского периода, хотя, возможно, имеющие и собственно кельтскую этимологию: *Айне* – «сверкающая», *Ивил* – «блестящая», *Клиона* – не совсем понятное, но имеющее постоянный эпитет *Seannfhiinn* – «белоголовая». Культы этих богинь изначально никак не были связаны с предсказанием смерти, и данную функцию все они получили в относительно поздний период. В более ранней традиции мифический персонаж с именем Клиона выступает, скорее, как светлый образ обновляющейся природы [5, с. 231–232].

Параллелью данным именам банши, восходящим к обозначениям светлого, может являться слово «русалка», понимаемое в соответствии с его обосновывавшейся, в том числе и А. А. Добровольским, народной этимологией, согласно которой оно является исконно славянским и русским, а также взаимосвязанным с наименованием светлых оттенков волос «русый» и этнонимом «русские». Примечателен ряд выдержек из специальных исследований, приводимых для этого Доброславом: русалка – русая девица в заговорах казаков Забайкалья; одним из её народных именовании является «Краса – русая коса»; её определяют «светлой, златовласой, русовласой Богиней» [1], что хорошо согласуется с приведёнными выше значениями некоторых имён банши и их прототипами.

В свете систематизации историографического и лингвистического материала о происхождении этноса «русь» и его имени, произведённой рядом исследователей во главе с А. Г. Кузьминым [8], а также анализа сакральных аспектов семантики данного термина и относящихся к нему лексем [2] данная, коренящаяся в народных

этимологиях, точка зрения может считаться если не полностью соответствующей истине, то, по крайней мере, близкой и частично совпадающей с ней. В контексте поиска соответствия в семантике рассматриваемых ирландских имён и славянского термина «русалка» обращает на себя внимание параллелизм маркируемого им персонажа с прототипами банши в соответствующем – «светлом» – функционале. Как и кельтская богиня Клиона, русалки связаны с обновляющейся, возрождающейся природой; они способствуют выпадению осадков, пробуждающих земное плодородие [7, с. 678].

Как заключает Т. А. Михайлова, образ банши восходит к ряду женских сверхъестественных персонажей, производящих впечатление различных ипостасей одной богини. В качестве центральной фигуры здесь может рассматриваться богиня-охранительница рода и короля. В нарративной традиции подобная женщина может даже служить гарантией благополучия социума. Ее несомненная связь со смертью и судьбой короля, а также тот факт, что именно она является, чтобы оплакать его, могут быть объяснены тем, что она является его тайной сверхъестественной супругой [6, с. 232].

Осмысление мифологического прообраза банши как супруги правителя, повлиявшее на указанные далее черты этого персонажа, находит свою параллель в обосновывавшемся Б. А. Рыбаковым ритуальном отождествлении средневековых русских княгинь с русалками при исполнении ими русальского танца, направленного на магическое возрождение природы, хозяйственной живности и самой человеческой популяции в ходе весенне-летних русалий [7, с. 695–696, 738]. Среди архетипов, нашедших своё выражение в русальском танце и ритуальной функции его исполнительниц, важное значение имеет архетип Великой Матери, или Матери-Земли, способный культивироваться по-разному, в том числе в педагогическом поведении [8, с. 32]. Семантика данного архетипа согласуется с различными аспектами русалий как универсального социоантропокосмического действия – космогоническим, направленным на возрождение природы; антропологическим, направленным на человеческую репродукцию; социальным, предполагающим воспроизводство общества при содействии покровительства представительницы властвующей династии («княгини-матушки») как персонификации сферы предков-прародителей данного социума в его женской ипостаси [3]. Последнее может быть связано как с общим контекстом всего русальского мифоритуального комплекса с его центральным символизмом возрождения природы как женского космического

начала и рождения ею новой генерации живых существ, так и с глубоко первобытными истоками данного комплекса, с отголосками памяти о матрилинейном счёте родства.

Реликты оградительных функций кельтской богини-охранительницы рода и короля как прототипа банши можно увидеть в том, что согласно позднейшей фольклорной традиции банши может явиться далеко не каждому, но лишь тем, кто восходит к старинным аристократическим фамилиям или хотя бы отличается чисто ирландским происхождением («только те слышат *Банши*, у кого в имени есть «О» или «Мак»), а само её появление воспринимается не только как зло (что естественно, поскольку она несет смерть), но и как особая честь [6, с. 233].

Мотив избранности и элитарности проявляется и в славянских представлениях, связанных с русалками. Б. А. Рыбаков неслучайно уделял особое внимание вопросу о роли княгинь в русалиях, предполагая, что участники этих празднеств русского Средневековья делились на простых зрителей и специальных людей, выполнявших главные разделы игры-обряда, подобно тому как в болгарской деревне существовали дружины русальцев – слугителей культа русалок, представлявших собой нечто вроде сельской языческой духовной аристократии. Хотя дружины русальцев формировались из местных крестьян, но принятие в них осуществлялось на основе тщательного отбора, который мог пройти только честный, уважаемый человек, непьющий, хороший семьянин, здоровый, хорошо сложенный, умеющий танцевать и прыгать, а также поддаваться гипнотическому воздействию предводителя русальцев, звание которого было наследственным [7, с. 676–679].

Таким образом, существуют некоторые основания полагать наличие параллелей между образами ирландской банши с её прототипами и славянской русалки, касающихся семантики их наименований, «светлых», позитивных аспектов и функций (или их отголосков), отношения к сохранению (воспроизводству) общества и к его элите.

Библиографический список

1. Добровольский А. А. (Доброслав). Русалки: кто они? Публикации для учащихся. URL: <http://userdocs.ru/literatura/9127/index.html?page=3> (дата обращения: 12.11.2013).
2. Дорошин Б. А. Мифологический аспект семантики хоронима «Россия» как отражение архетипа Самости // Этногенез и ранняя история народов Евразии: мат-лымеждународ. науч.-практ. конф. 5–6 апреля 2010 г. – Пенза – Прага : ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – С. 71–82.

3. Дорошин Б. А. О некоторых социоантропокосмических мифо-архетипических мотивах русской народной сказки «Царевна-лягушка» // Архетипы и архетипическое в культуре и социальных отношениях: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 5–6 марта 2010 г. – Пенза – Ереван – Прага : ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – С. 70–75.
4. Жарникова С. В. Золотая нить. – Вологда: Областной науч.-метод. центр культуры и повыш. квалиф., 2003. – 221 с.
5. Иванов В. В. Русалки // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: «Советская энциклопедия», 1992. – Т. 2. (К – Я). – С. 390.
6. Михайлова Т. А. Ирландская банши и русская русалка // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. – М. : Индрик, 2005. – С. 228–247.
7. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М. : Наука, 1987. – 783 с.
8. Самохвалов В. П. Психоаналитический словарь и работа с символами сновидений и фантазий. – Симферополь : СОНАТ, 1999. – 168 с.
9. Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рождённые трёхвековой полемикой в хрестоматийном изложении / сост. А. Г. Кузьмин. – М. : Флинта: Наука, 1999. – 488 с.
10. Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 218 с.

СЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА: СВАДЬБА НА РУСИ

М. А. Попкова, Е. В. Грицаенко
Хакасский государственный университет,
им. Н. Ф. Катанова, Медико-психолого-социальный
институт, г. Абакан, Республика Хакасия, Россия

Summary. The article is devoted to the wedding traditions of the Russian people. Discusses the importance of the wedding ceremony, the stages of a wedding ceremony.

Key words: wedding; ritual; tradition; family; culture.

«Если бы предоставить всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные».

Геродот Галикарнасский

С древних времён русская свадьба была одним из самых ярких и своеобразных ритуалов культуры Руси. В свадьбе, как ни в чём другом, проявляется уникальная самобытность русского народа, его религиозные особенности. Тогда, как и сейчас, день

свадьбы становился днём начала новой жизни для молодожёнов, днём создания новой семьи для общины.

Для русского человека очень важно его историческое наследие. Русские народные традиции и обычаи веками соблюдаются как среди сельских жителей, так и среди горожан. К ним относятся и христианские, и языческие обряды, пришедшие в современную жизнь из древних веков.

Одним из значимых событий в жизни любой русской крестьянской семьи является свадебный обряд. Свадьба – понятие не простое. Это обнаруживание исклчительно личных чувств, внешнее проявление внутренних обязательств. Это ритуал, включающий в себя одновременно эмоциональные переживания, театральное действие, сентиментальность, духовную и правовую стороны вопросов. Сложно найти другое такое событие, которое требовал бы оптимального сочетания мечты и реальности, внешней атрибутики и её внутреннего содержания, как свадьба. Кроме того, свадьба не является самоцелью, это прелюдия к серьёзной, реальной жизни, началу семейных отношений. Невеста и жених празднуют готовность пойти на риск и предложить себя без остатка друг другу в новой, совместной жизни, где главным будет любовь, преданность и согласие [1, с. 32].

Обрядовая сторона свадьбы менялась с течением времени и во многом определялась географией, условиями жизни и уровнем культуры народа. Русская крестьянская свадьба – это неисчерпаемый кладезь народной мудрости, традиций, этики, эстетики и культуры.

Свадьбы обычно праздновались осенью или зимой, после Крещения. Свадебный обряд состоял из нескольких этапов и занимал большой промежуток времени.

Как известно, жениха для невесты традиционно выбирали родители. Причём договариваться о будущей свадьбе нужно было в строжайшем секрете: свадебные приметы уже на этом этапе предостерегают от вмешательства нечистой силы или злых колдунов. Поэтому, когда отправлялись свататься, ехали в другую сторону, пробирались окольными путями, лучше всего вечером, чтобы по пути никто чужой не увидел и не догадался, куда и зачем едут. По этой же причине во время сватовства о женихе и невесте всегда говорили только иносказательно: «У вас – товар, у нас – купец» или «У вас – курочка, у нас – петушок, сведём их в один хлевушок».

Договаривались или отказывали тоже не напрямую. В случае согласия проходила затем череда предсвадебных встреч. Сначала проходили смотрины невесты, знакомство с хозяйством жениха, сговор (запой, рукобитье), во время которого договаривались

о дате свадьбы, размере приданого, размере и содержании кладки – денежного взноса жениха и одежде, которую он покупал невесте (это могли быть шуба, пальто, шелковое платье, ботинки с галошами и др.) [2, с. 146–148].

Время, которое проходило между заключением сговора и собственно свадьбой, считалось самым опасным для девушки: уже выйдя из своего рода и потеряв его покровительство, но, ещё не войдя в род мужа, она оставалась без защиты. Одним из приёмов защиты было то, что девушка должна была горестно оплакивать свою прежнюю девическую жизнь, красу и волю и причитать о будущей горькой доле: свадебные приметы предполагают, что такое поведение обманывало нечистую силу, производя впечатление, будто невесте уже так плохо, что нет необходимости дополнительно портить ей жизнь. Также невеста перед свадьбой одевалась в самые плохие платья, закрывала лицо платком и старалась как можно реже выходить из дома. Особенно в тёмное время суток.

Перед свадьбой подружки невесты топили баню. В бане они расплетали косу невесты, символ девичества. Это тоже драматический и магический обряд: при этом плакали и читали заговоры на счастье. Подружки брали ленточки себе на счастье, и косу сменяла женская причёска – две косы вокруг головы. Жениху в ночь перед свадьбой тоже чесали кудри в знак прощания с холостой жизнью.

Считалось, что в ночь накануне свадьбы девушке снятся вещи сны, и обычно они сулили недоброе.

День свадьбы – последний шанс для нечистой силы, стремящейся испортить будущий брак. Поэтому в дохристианские времена в свадебном обряде даже участвовал колдун, который отгонял чужие чары.

По пути в церковь свадебный поезд должен был проехать через костёр из горящей соломы, и кто-нибудь подметал дорогу и размахивал прутом, отпугивая зло.

В церкви молодые становились перед аналоем. Кто первым ступит на ступеньку перед ним, тот будет в семье главным. Обмен кольцами символизировал сковывание судеб, и тут невесте требовалось выглядеть радостной. После венчания наступало время «княжьего пира», на котором чествовались жених и невеста, и вся их родня. Раньше муж брал жену на руки и вносил в дом, чтобы обмануть домового: якобы жена – не чужой человек из другого рода, а родившийся младенец.

В разных вариантах свадебный обряд обязательно включал в себя продуцирующую магию – магию, которая гарантирует

новой семье потомство и богатство. Молодых сажали на медвежью шубу, чтобы у них было много здоровых детей, и обсыпали зёрнами пшеницы, которые символизируют материальный достаток и изобилие. Пытались умиловить судьбу – закапывали курицу, бросали старый хлеб в колодец.

Таким образом, свадебные традиции русского народа – это неотъемлемая часть культуры. Свадьба даёт жизнь новой молодой семье, устанавливает свой семейный порядок, свои семейные традиции, передаваемые дальше из поколения в поколение. А традиции предков – основа интеллекта и нравственности человека. На протяжении длительной истории русский народ накопил богатый опыт в области обучения и воспитания подрастающего поколения, выработал своеобразные обычаи и традиции, правила, нормы и принципы поведения человека. С незапамятных времён отношение к традициям было трепетным. Даже после принятия христианства русские сохранили многие свои народные старинные обычаи, только объединив их с религиозными правилами. И сегодня, спустя тысячи лет, уже непросто обнаружить грань, где в русских обычаях заканчивается древняя культура, а где начинается христианская.

Библиографический список

1. Ханников А. А. Энциклопедия свадьбы. – М. : ЛитРес, 2012. – 313 с.
2. Чистова К. В., Бернштам Т. А. Русский народный свадебный обряд. – СПб. : Наука, 1978. – 285 с.

ВРЕДОНОСНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОЛДУНА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПОВЕРЬЯХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

С. А. Гончаров

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия**

Summary. Since ancient times, people were afraid of witchcraft. In the beliefs of Eastern Slavs noticeable, that harms human sorcerer in the most crucial phase of their life, such as at a wedding. If he did good things, make sure you take a lot of money. In most cases, a wizard creates only evil deeds.

Key words: Eastern Slavs; folk Culture; mythology; sorcerer; devilry.

Колдовства на Руси боялись с давних времен. Правительственным требованием было, чтобы, присягая государю, клялись не прибегать к заговорам и к магическим действиям. В подкрестной записи XVI века на верность царю читаем:

«Также мнѣ надѣ Государемъ своимъ въ ѣствѣ и питѣѣ, ни въ платьѣѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не испортити... на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати и слѣду не выимати» [9]. Многих известных людей в старину считали чародеями, например боярина Артамона Матвеева, иноземных лекарей Гутменша и Даниила ван Гадена, род Нарышкиных, Софью Палеолог (около 1455 – 7 апреля 1503 года), царевну Софью Алексеевну (17 (27) сентября 1657 – 3 (14) июля 1704), некоторые называют колдуном приближенного императора Николая II Григория Ефимовича Распутина (9 (21) января 1869 – 16 (29) декабря 1916) и многих других.

Наиболее рьяно боролся с ведьмами и колдунами царь Иоанн Грозный. Он всерьёз считал, что недруги трёх его жён извели чародейством и самого его пытались отправить на тот свет, а потому лютовал, когда подозревал кого-то в колдовстве. По его приказу был схвачен Новгородский архиепископ Леонид и обвинён в чародействе. Вместе с архиереем были арестованы 15 жёнок-ведуний, которых подвергли лютой казни – их четвертовали и сожгли. В сговоре с «бабами шепчущими» обвинил государь Иоанн IV и князя Воротынского [11]. Любопытно, что бабка царя, княгиня Анна Глинская, сама имела репутацию колдуньи. Про нее говорили, что она вынимала сердца из мёртвых и клала их в воду, которой потом кропила московские улицы. Поэтому, когда 1547 году в Москве случился страшный пожар, уничтоживший за несколько часов центр города, включая Кремль и Гостиный двор, виновниками бедствия народ посчитал именно Глинских. Колдуном считали и сподвижника императора Петра I, военного, инженера, ученого Якова Вилимовича Брюса (1669–1735). В народе полагали, что он очень умен из-за того, что продал душу дьяволу [2, с. 200]. Говорили, что у него хранилась книга, которая принадлежала самому библейскому царю Соломону [30]. Брюс поселился и проводил свои опыты в Сухаревой башне. Считалось, что там он хранил «Черную книгу». Долгое время Сухарева башня слыла в народе местом колдовства и чернокнижия. Именно «Черная книга», ужасная и интересная тем, что написал, по легенде, ее сам дьявол, была главной достопримечательностью этой башни [29]. При Иосифе Виссарионовиче Сталине башня была разобрана. В ночь с 13 на 14 апреля 1934 года приступили к разборке Сухаревой башни. В народе говорили, что Сталин, увлекающийся мистикой, искал загадочную книгу Якова Вилимовича Брюса [1].

Даже в XIX веке людей, подозреваемых в колдовстве, преследовали. Вот один из случаев XIX столетия. В деревне Киселевой Белгородского уезда о крестьянине Уколе Фатееве пошла дурная молва [28]. Местные жители предпочитали обходить его дом стороной, считая соседа колдуном. Сам 35-летний Укол развеять слухи даже не пытался. Он демонстративно наводил порчу на односельчан, а затем сам же брался их лечить, но не бесплатно. Укол Фатеев испортил нескольких женщин, сделав их кликушами. Кликуша – это женщина, подверженная истеричным припадкам, во время которых она издает неистовые крики. Обычно такое поведение восточные славяне приписывали вселению в больную женщину беса или влиянию порчи. Среди кликуш, испорченных Уколом, оказалась жена его однофамильца, Андрея Фатеева, который и обратился в мировой суд [28]. Суд оправдал колдуна Укола. Врачи-эксперты, приглашенные судом, сделали вывод, что речь идет не о кликушестве, а всего лишь о притворстве.

В народе полагали, что чаще всего колдунами бывают люди определенного рода занятий, к примеру, мельники и пастухи. Часто колдунами в народном мировоззрении мыслятся и священнослужители. Известен рассказ о том, что «Тотемский черный поп Иван умел наговаривать на соль и на воду, и людей портить, и тоску, и ломоту напущать» (XVII век) [6, с. 253]. В поверьях крестьян колдунами и наставниками колдующих могут выступать диаконы (Тульская и Новгородская губернии). Часто способность к колдовству приписывали людям других национальностей. Известно, что белорусы считали самыми сильными колдунами литовцев, а русские – угро-финнов и цыган. Под Витебском особенно опасным и даже «преступным» считалось обращение к гадалщику-«нехрестю», знающемуся с нечистой силой, под которым подразумевались евреи, цыгане и татары. Цыган иногда самих считали наполовину людьми, наполовину нечистью. По поверью, бытовавшему в Галиции, поскольку цыгане произошли от черта и девушки-египтянки, их крестят только по пояс, ведь они только наполовину люди: «сверху христианин, а снизу черт» [5]. Восточные славяне полагали, что евреи являются колдунами, отдают свои души нечистому и поклоняются ему. На Волыни рассказывают, что в еврейский праздник Пейсах евреи ставят для него угощение; ночью приходит «той шо з рїжками» и оставляет им деньги [4]. Согласно поверью, когда еврей моет руки и стряхивает воду, из брызг появляются черти. В Белоруссии, чтобы наказать недоброжелателя, жертвовали деньги на три «еврейские

школы», чтобы раввины помолились о погибели врага [3]. Евреев обвиняли в использовании человеческой крови в ритуальных целях [13]. Считалось, что им нужна кровь христианских младенцев. Это явление получило название «кровавый навет». Архимандрит Иоанникий (Голятовский) (1658–1688) в своей работе «Мессия Праведный» называет четыре причины, по которым евреям необходима кровь христианских младенцев:

- 1) она нужна для «жидовских чар», то есть для колдовства;
- 2) евреи тайком дают кровь в еду и питье («в покармах и в напоях») самим же христианам, чтобы достичь их «милости» и «приятности»;
- 3) кровь христиан используется евреями для избавления от смрада, которым они смердят «з прирожения своего»;
- 4) это тайна, которую знают лишь раввины.

Христианская кровь используется для своеобразного соборования [20, с. 168]. Известны случаи, когда евреи действительно убивали православных христиан. В 16-м Слове «Киево-Печерского Патерика» рассказывается о черноризце (монахе) Евстратии, распятом евреями в Корсуни [20, с. 167].

В 1690 году в Гродненской губернии был ритуально убит шестилетний мальчик Гавриил, причисленный Русской православной церковью к лику святых в 1820 году. Житие повествует о том, что в дом забрался еврей-арендатор, приласкал дитя и тайно увез в город Белосток, где ребенка предали мучениям: его распяли, прокололи бока, постепенно испуская кровь [23]. На девятый день Гавриил скончался, его бросили в поле у опушки леса, близ деревни Зверки [21]. Некоторые исследователи утверждают, что евреями-хасидами в ритуальных целях был убит в 1911 году киевский школьник Андрей Ющинский (1898–1911).

В народе верили, что есть способы опознать колдуна; они весьма разнообразны. Чаще всего приемы распознавания приурочивались к Пасхальной заутрене: если в заутреню, например, держать в руках рябиновую палочку, можно увидеть, что все колдуны стоят в церкви задом к иконостасу (Пензенская губерния). Есть другой способ – иметь на себе в это время всё чистое до последней нитки (Орловская и Саратовская губернии) [26, с. 26]. В некоторых местностях считали, что стоит только истопить в Великий Четверг осиновыми дровами печь, как тотчас все колдуны придут просить золы [16, с. 342]. В Новгородской губернии колдунов выявляли иначе. Для этого советуют взять в руки первое яйцо молодой курицы и во время Пасхальной заутрени стоять на

таком месте, откуда видно было бы всех молящихся; тогда у колдунов удастся заметить даже рога на голове. В Калужской губернии колдуны узнаются по тому, что на Пасху приходят в чужую избу огня просить [16, с. 342]. Простой народ был убежден, что с пасхальным яйцом в первый день Пасхи можно узнать колдуна, показывающегося стоящим спиной к алтарю [22, с. 4]. Кроме того, в Пасхальную заутреню свечи у колдунов плохо горят, все время падают [14, с. 393]. Полагали, что колдун придет, если бросить в кипящую воду подкову и камень. В Вятской губернии указывали еще на «сорокообеденный ладан» (пролежавший на престоле во время сорокоуста) [16, с. 342]. Если такой ладан растереть в порошок, всыпать в вино или пиво и дать подозрительному человеку выпить, то он начнет ходить по избе от одного угла к другому и дверей не найдет. Этот способ хорош тем, что, если в это время дать колдуну напиться поганой воды, хотя бы из лоханки, он охотно выпьет и затем потеряет всю силу [16, с. 342]. Кое-где считали, что если зажечь умеючи специально приготовленную вербную свечу, то колдуны покажутся вверх ногами [8, с. 302]. Жительница города Белгорода Белгородской области Вера Филипповна Писарева сообщила, что колдунов можно опознать на Пасху. Они пытаются поцеловать замок на дверях церкви до службы, перед выходом священника из храма [18]. Вера Филипповна подчеркивает, что, если в это время показать кукиш, колдуны выдадут себя. Житель села Иловка Алексеевского района Белгородской области Василий Иванович Смурьгин сообщает, что просто так колдуна нельзя опознать. Информант отмечает: «В тех местах, где побывали колдуны, происходят разные несчастные случаи» [19]. Колдуна отличает и то, что он обычно имеет много любовниц. В начале 90-х годов XX века в Пинеге жил бывший председатель колхоза, которого считали колдуном. И в 70 лет это был жесткий и эффектный человек. Его домогательствам подвергались многие колхозницы. Одна из женщин отвергла его, после чего, как считали односельчане, колдун навел на нее порчу, а у нее из-за этого отсохла рука [15, с. 139].

Славяне считали, что колдун может насылать болезни и вызывать смерть людей, прибегая к порче. Полагали, что от порчи может появиться врожденное уродство. Младенцев с врожденными уродствами часто убивали, считая их зачатými от нечисти [10]. Верили, что колдун может наслать на человека бесов; превратить его в животное на время или на всю жизнь; мучить и душировать спящих по ночам [24, с. 234]. Согласно народному поверью,

он умеет вызывать любовь между женщиной и мужчиной или ненависть между мужем и женой. Колдун портит скот и отнимает у коров молоко. Для этого он подкладывает заговоренные предметы в хлев или закапывает их в навоз, выдаивает молоко, воткнув колышек в стену [24, с. 234]. Желая сделать так, чтобы у соседей не держался скот, колдун проникает к ним в хлев и трется голым задом об углы, чтобы хлев стал «голым» (то есть пустым), как голый зад [14, с. 387]. Он может навести порчу на человека глядя в глаза или дунув человеку в рот, а также бросая по ветру песок, щетину или шерсть, которые, попав на человека, вызывают болезнь и смерть. Согласно народным поверьям, многие колдуны умеют «насаживать килы», то есть делать так, что у здорового человека появляется грыжа или злокачественные тёмно-синие нарывы, сопровождающиеся невыносимой болью и необъяснимой тоской, отчего человек «просто на стену лезет» [12, с. 291]. Считалось, что запои также насылают колдуны. Они же отнимают у человека разум, делают его припадочным [12, с. 291]. Колдуну обычно бывают подвластны все стороны бытия природы и человека. Сильный колдун мог повелевать небесными явлениями, погодой: он способен насылать ветер, град и затяжные дожди. Часто колдуны делают «заломы», или «закрутки», на полях. «Залом» представляет собой очень спутанный пучок стеблей еще не сжатого хлеба, надломленных в правую и левую стороны, закрученных в узел вместе с золой и присыпанных у корней солью, землей с кладбища, яичной скорлупой и распаренными старыми зернами [16, с. 356]. «Заломы» предвещают различные бедствия: пожар, падеж скота и даже смерть людей. Испорченный хлеб ни один хозяин поля не решится пустить для домашнего потребления, а постарается поскорее продать его на сторону [16, с. 357]. «Заломы» обычно завивали в конце мая – начале июня, когда зацветали злаки [27]. При завивании «заломов» часто произносились проклятия в адрес хозяина поля. По свидетельству этнографа А. К. Сержпутовского (1864–1940), известный на Слутщине колдун Иван Санюк по прозвищу Порча, когда завивал «залом», произносил проклятия по отношению к хозяину поля и особые заклятия [27].

Кроме «заломов», равносильным, и едва ли даже не большим, несчастьем следует считать так называемые «прожины». Это дорожка во ржи, в вершок шириною, которая проходит от одного края загона до другого и по которой все колосья срезаны [16, с. 358]. Срезают их жучки и черви, в то время когда рожь

в цвету, и потому, конечно, никаких следов человеческих ног по сторонам не замечается. Но крестьяне объясняют это явление тем, что колдун, делая «прожин», стоит в это время обеими ногами на двух иконах, как на лыжах, и ведет дорожку, как колесо катит. Когда опытные хозяева замечали «прожин», то звали священника. Он шел по «прожину» с крестом и кропил по сторонам святой водой [16, с. 359].

В народе полагали, что колдуны любят портить свадьбы. Для защиты от чародеев использовали различные магические приемы. В Костромской губернии, чтобы невесту не испортили колдуны, подпоясывали ее на голое тело бреднем или обрывком сети, лоскутами от невода. В Калужской губернии считали, что молодые должны всю дорогу осенять себя крестным знамением как можно чаще, чтобы чародеи их не испортили, а особенно часто должны креститься при входе в церковь [25, с. 322]. Жители Владимирской губернии насыпали в обувь жениху и невесте песок, «для того, чтобы колдун затруднился сосчитать все единичные вещи, имеющиеся на молодых» [6, с. 250]. Для защиты от колдовского воздействия использовали лук, чеснок, янтарь и ладан, столь ненавистные колдунам, крест, нашитый на головной платок невесте, монету, положенную ей с наговором в чулки, иголки без ушек, зашитые молодой в подол платья [17]. Общераспространенным средством защиты от порчи, употребляемым и на свадьбе, было ношение булавок.

Традиционная связь понятий о порче на свадьбе с фигурой деревенского колдуна постепенно вытесняется представлениями о порче на основе родственных отношений, что связано с разрушением самого обряда традиционной свадьбы [7]. По мнению А. А. Головановой, это сильно заметно на Русском Севере. Исследователи славянского фольклора считают, что в настоящее время представления о наведении порчи колдуном в отместку за неказание ему должных почестей на свадьбе встречаются довольно редко. А сама фигура деревенского колдуна в свадебном обряде отошла в наши дни на второй план.

Умершего чародея всегда хоронили, соблюдая меры предосторожности, чтобы после смерти он не вредил живым. Тело колдуна прибавали к земле осиновым колом. Часто осиновый кол просто вбивали в могилу. Забывали его обычно родственники или близкие умершего; иногда это делал священник при чтении особых молитв [12, с. 294]. Нередко считалось, что умершие колдуны могут приходить домой за пищей после смерти. Если же ее нет, то

они, как тени, бродят по земле, воют и пугают людей. Полагали, что умершие колдуны ходят по земле с заката солнца до полуночи, а в полночь, с пением петухов, уходят в могилу [12, с. 294]. По некоторым поверьям, блуждание колдунов продолжается шесть недель после их смерти; согласно другому поверью, они появляются только перед бедой.

Таким образом, можно сказать, что образ колдуна в народе тесно связан с нечистой силой. Даже сам его облик говорит о связи с нечистью. В некоторых рассказах колдун грязный, неряшливый. А синонимом слову «грязный» является в народной культуре понятие «нечистый». В соответствии с нормами христианства многие характеристики чародея отождествляют со страстями. Исследователи отмечают, что грамотных людей в старину считали колдунами. Это было из-за того, что их знания выходили за пределы знаний простого народа. Данное представление отражается в рассказах об известных исторических деятелях, которых почитали за чародеев. Вредоносная деятельность колдуна охватывает все сферы человеческой жизни. Славяне полагали, что данному персонажу фактически всё подвластно, если оно направлено на разрушение и злые дела. В поверьях заметно, что особенно часто колдун вредит человеку в самые важные моменты его жизни, например при вступлении в брак. В народе полагали, что в такие периоды своей жизни люди наиболее открыты для магического воздействия.

Библиографический список

1. Архарова Ю. Легенды старой Москвы. Хранилище Черной книги. Судьба Колдуна // Moscow today & tomorrow, декабрь 2007. URL: http://zhurnal.lib.ru/a/arharowa_j/suharewka.shtml.
2. Балязин В. Н. Неофициальная история России. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 608 с.
3. Белова О. В. Евреи и славяне. Народная магия в регионах этнокультурных контактов // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/belova1.htm>.
4. Белова О. В. История евреев Российской империи. Евреи глазами славян (по материалам традиционной народной культуры) // Вестник ЕУМ (Еврейского университета в Москве). – М., 1996. – № 3 (13). URL: <http://jhstory.nfurman.com/lessons9/folklor.htm>.
5. Белова О. В. Славянский образ «инородца» в приметах и легендах // Форум славянских культур «Славянство». 2010. URL: <http://sklaviny.ru/proekty/slaviane/belova.php>.
6. Власова М. Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 672 с.

7. Голованова А. А. Представления жителей Андомского погоста о порче на свадьбе // РГГУ. Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока. Этнологическая экспедиция ЦМБ 2006 года. URL: <http://cmb.rshu.ru/article.html?id = 57928>.
8. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Русские легенды и предания. – М. : Эксмо, 2004. – 672 с.
9. Заговорь и колдовство на Руси вь XVII и XVIII столѣтияхъ // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/zagovory/critics/ele/ele-005-.htm>.
10. Киевские вампиры и оборотни – Киевские легенды – Жизнь в Киеве – Интересный Киев. 09.08.2010. URL: <http://www.interesting.kiev.ua/zhizn-v-kiieve/kiievskie-legendy/kiievskie-vampiry-i-oborotni>.
11. Колдуны и ведьмы в России. 10 января 2012. URL: <http://www.ufolog.ru/publication/3987>.
12. Краткая энциклопедия славянской мифологии : ок. 1000 ст. / под ред. Н. С. Шапаровой. – М. : АСТ, Астрель, ООО «Русские словари», 2001. – 624 с.
13. Кровавый навет // Онлайн Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/KROVAVI_NAVET.html.
14. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. – М. : Астрель, АСТ, 2002. – 528 с.
15. Мазалова Н. Е. Личность русского «знающего» в мифологических рассказах // Радловские чтения, 2006 : тезисы докл. – СПб. : МАЭ РАН, 2006. – С. 136–140.
16. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – М. : АСТ, 1999. – 512 с.
17. Мифология. Славянская мифология: Колдун (чародей, ворожит). URL: <http://ugabuga.ru>; http://ugabuga.ru/view_slav_mif.php?id = 111.
18. Опрос жительницы г. Белгорода Белгородской обл. Писаревой Веры Филипповны, пенсионерки, род. 13 сентября 1936 года в с. Бутово Томаровского района Курской обл. Записано 31 марта 2011 г.
19. Опрос жителя с. Иловка Алексеевского района Белгородской обл. Смурьгина Василия Ивановича, инструктора по вождению автомобилей в Иловской МОУ СОШ им. Героя России В. В. Бурцева Алексеевского района Белгородской обл., род. 22 сентября 1942 года в с. Иловка нынешнего Алексеевского района Белгородской обл. Записано 22 января 2011 г.
20. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – М. : ОГИ, 2002. – 544 с. – (Сер. «Фольклор»).
21. Подвижники благочестия. Святой мученик младенец Гавриил Белостокский (Заблудовский). Жизнеописание. URL: <http://www.voskres.ru/podvizhniki/gavriil.htm>.
22. Православная Пасха : Рецепты, обряды / авт.-сост. Е. А. Крылова. – М. : РИПОЛ классик, 2005. – 64 с.
23. Православный календарь. Святой младенец-мученик Гавриил Белостокский. URL: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life6516.htm>.
24. Славянская мифология. Энциклопедический словарь: от А до Я / под ред. С. М. Толстой. – М. : Международные отношения, Изд-во РАН, Институт славяноведения, 2002. – 512 с.

25. Терещенко А. В. История культуры русского народа. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с.
26. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. – М. – Л. : Изд. АН СССР, 1957. – 158 с.
27. Толмачев А. В. Порча в славянской магии : ст. для альманаха Ордена «Славянский Круг». 1999. URL: <http://bookz.ru/authors/aleksei-tolma4ev/2504a954754d/1-2504a954754d.html>.
28. Третьякова И. Пыль веков. Курский суд оправдал колдуна // Друг для друга. Курск, 29 июня 2004. Новости. № 26 (508). URL: <http://www.dddkursk.ru/number/508/new/001082>.
29. Яков Брюс: легенды и предания. Мистическая экскурсия: Привидения Москвы. URL: <http://www.amitytravel.ru/brus.html>.
30. Яков Брюс // Москва Икс. Экскурсии в тайны города. 28 марта 2008. URL: <http://moskvax.ru/brus.html>.

ЯРМАРКИ РОССИИ КАК МЕСТО ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ИГРОВОГО НАЧАЛА ЯРМАРОЧНОГО ФОЛЬКЛОРА

М. П. Наговицына

Вятский государственный университет, г. Киров, Россия

Summary. The article touches upon the most significant fair functions – an informative function dealing with the elements of a game. Complexity and heterogeneity of fair sources gave birth to extraordinary variety of informative playing forms which came to be the base of stylistic elements of fair folklore.

Keywords: fair; folklore.

Следует отметить, что в данный момент актуальным становится обращение к традициям проведения ярмарок, фольклорным текстам, мемуарам, архивным источникам, а также к историческим корням такого уникального явления в истории России, как ярмарки. Кроме того, обращение к традициям проведения ярмарки как торгово-развлекательного комплекса является показателем степени уважения к истории государства, города и в целом к памяти нескольких столетий в истории России.

С VIII–XI веков приводятся достоверные сведения о наличии ярмарок и их более мелких форм – торгов и торжков, где уже присутствовали иностранные торговцы. В конце XIX века в России насчитывалось «18,5 тысяч ярмарок в семи тысячах населенных пунктах» [6, с. 1040]. Базируясь на материальном производстве, ярмарки служили концентрированным отражением и реализацией различных культурных и общественных отношений. Торговое действие имело и индивидуальную специфику, отделявшую его

от остальной обыденной жизни. Истоки такой специфики можно искать в особенностях мировосприятия основных участников торговли: крестьянства, а кроме того, вышедших из его среды и, следовательно, во многом сохранивших его культурные устои купечества и мещанства. Народное утверждение гласило: «Мы целый год трудимся для праздника» [3, с. 148].

Важно учитывать, что ярмарки, помимо своей главной функции (места торговли), играли важную роль в обмене информацией, знаниями и опытом людей, приехавших из различных регионов страны, и эта функция доминировала как раз на крупнейших ярмарках. На наш взгляд, именно поэтому оставили такой след в истории страны наиболее богатые ярмарки: Нижегородская, Ирбитская, Крещенская (в Киеве), Пермская, Оренбургская, Покровская (в Харькове), Макарьевская (в Костроме), Алексеевская (в Котельниче) и многие другие ярмарки России.

Ярмарки собирали большое число участников различных социальных сословий, приезжавших из окрестных и отдаленных поселений, различных уездов и губерний. Каждый из участников являлся носителем определенных традиций, стереотипов и, главное, информации, которой делился с окружающими. Крупные ярмарки, бесспорно, становились информационными центрами и местами формирования общественного мнения. Особая роль в этом отводится формированию мнения о человеке торгующем и о торговле в целом. Это отношение в устной культуре, безусловно, отразилось в фольклоре и особенно в пословицах: «Денежкой торг стоит», «На торгу деньга проказлива», «То и дешево, чего не надо, а что нужно – дорого», «На торгу деньга на воле, а купцы и продавцы все под неволей», «По товару цена и по цене деньги», «Бог цену строит. Базар цену скажет» [7, с. 25].

Праздничный настрой ярмарки поддерживался и нарядной одеждой, в которую были одеты присутствующие. «Я заметил, – отмечал еще в 60-х годах прошлого века автор заметки о ярмарке в с. Теребуново Крестецкого уезда Новгородской губернии, – что крестьянки одеты далеко не по капиталу своих батюшек; многие были в немецких платьях, – даже при зонтике; везде были видны шелковые и шерстяные наряды. Деревенские парни тоже не уступали: многие были в драповом на распашь пальто с драповыми полукепками на голове, в шелковых жилетах и кумачевых рубахах. В одежде так и сказывалось влияние Петербурга...» [2, с. 228] Безусловно, что приехавшие или пришедшие на ярмарку воспринимали ее не как будничное мероприятие, каким был базар,

а как большой праздник. Обязательным элементом культуры ярмарки выступали гуляния. Они еще раз свидетельствуют в пользу праздничного характера рассматриваемого явления. Даже самые незначительные по масштабам сельские ярмарки обязательно включали в себя гуляние на улице или на площади. Во время гуляний парни знакомились с девушками: «Во время Афанасьевской ярмарки приезжают в Шадринск из многих деревень деревенские девки, становятся у Гостиного двора, к ним собираются крестьянские сыновья, также разряженные, начинают между собой разговор. А тем временем женщины сватовщицы уговаривают им женихов» [5, с. 160–161].

Ярмарка притягивала к себе и возможностью узнать и увидеть что-то новое, необычное. Прибывшие «со всего света», некоторые торговцы привлекали внимание посетителей уже необычностью своего наряда. На больших ярмарках можно было увидеть, к примеру, «китайцев» с заплетенными косами, которые торговали шелком, мануфактурой, цветными бумажными веерами. Большой интерес всегда вызывали и «персы» в шароварах, с чалмой на голове. Они торговали на ярмарках непривычными большинству посетителей южными фруктами: апельсинами, лимонами, виноградом и др. [2, с. 229].

Традиционно ярмарка являлась переплетением разных культур разных сословий, потому что привлекала множество людей, вбирала в себя целый спектр развлечений и зрелищ. Ярмарочные развлечения, безусловно, представляли собой одновременно и искусство, и своеобразный «товар». «Товаром» в них были не только развлечения и зрелища, но игра, коллективная игровая импровизация и веселье. Этому способствовали атмосфера праздника и нерасчлененность, унифицированность обязанностей участников ярмарки.

Ярмарочная манера заманивать к себе «покупателя-зрителя» всевозможными причудливыми способами во многом обязана своим развитием конкуренции между продавцами. По мнению исследователей, именно ярмарка формирует новые жанры устной рекламы: «ярмарки явились генератором и рассадником разнообразных жанров устного народного творчества, в том числе и рекламных» [8, с. 14]. Устное информирование на ярмарках было делом не только торговцев, но и составной частью рекламы разнообразных услуг. Стекольщики, сапожники, банщики и многие другие представители различных профессий не жалели красноречия в погоне за клиентами. Разнообразные приемы общения с покупателями создавались веками, и в их основе лежало

желание подобрать способы воздействия на определенные стороны человеческой души. Тем не менее из всего обещанного ярмарочной рекламой зритель видел лишь небольшую часть или совсем не то, что обещал ловкий торговец. Однако всё это соответствовало общему настрою ярмарочной стихии. Зритель был подсознательно готов к «обману».

Торговля приобретает черты «азартной» игры. В этом общении серьезное и комическое начало сливалось воедино: *«Здравствуйте, здравствуйте! Чем услужу? У меня для вас сегодня выбор, что невест... Девоч уйма, а ни одной путной. Я сегодня с веселым словом продать хочу. Возьмите словарёк – с испанского на французский. Случайная вещь, заграничного издания! Кому ни предложу – все к черту меня с ней посылают. По совести говорю!»* [4, с. 95]

Подобное общение продавца с покупателем разворачивалось по всем правилам театрального представления, и чем выше было «актерское мастерство» продавца, тем больше у него было шансов быстро и выгодно продать свой товар. Нередко уговор продавца был рифмован и полон юмора:

Вот где дешево! Вот где дешево!

Фунтами! Пудами! Вагонами!

Навались, навались, у кого денежки завелись!

Варварушка, подходи да тетку Марью подводи!

У плешивого Ивана торговля без обмана:

Он товар продает и всем в придачу дает

Пеструю телушку, да денег полушку,

С хлебцем тридцать амбаров, да сорок мороженых тараканов,

На прибавку осла, да бородатого козла!

Лысые, плешивые – люди счастливые! [1, с. 133]

Информационно-игровое начало ярмарочного фольклора было составляющей частью всеобщего торгово-развлекательного комплекса, где развлечение и торговля сливались воедино и вовлекали покупателя в неповторимый мир ярмарки. Одной из составляющих этого комплекса были традиционные ярмарочные развлечения – раек, медвежья комедия, балаганы, театр Петрушки, которые в настоящий момент нашли свое отражение в массовых праздниках, цирковых выступлениях, театральных постановках.

Библиографический список

1. Булак Т. Г. Красноречие русского торжка : мат-лы из архива В. И. Симаконина // Из истории русской фольклористики / отв. ред. А. А. Горелов. – Л., 1978. – 134 с.

2. Васильев М. И. Ярмарка в русской провинциальной культуре XIX–XX веков // Векторы развития культуры на грани тысячелетий: материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2001. – С. 228–236.
3. Ершов М. Ф. Культура городов Зауралья в конце XVIII – нач. 60-х гг. XIX века // Города Сибири XVII – нач. XX века : сб. науч. тр. – Барнаул, 2004. – Вып. 2. История повседневности. – С. 140–159.
4. Иванов Е. П. Меткое московское слово. – 2-е изд. – М. : Моск. рабочий, 1986. – 320 с.
5. Кожин И. Заметки о Шадринском уезде Пермского губернского статистического комитета Ивана Кожина // Журн. МВД. – 1855. – Ч. 15. – Отд. 5. – С. 160–161.
6. Святая Русь : энцикл. словарь рус. цивилизации / сост. О. А. Платонов. – М. : Энцикл. рус. цивилизации, 2000. – 1040 с.
7. Сидорчук О. Н. Сибирские ярмарки второй пол. XIX – нач. XX века : автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Новосибирск, 2001. – 27 с.
8. Юрков С. Е. Под знаком гротеска : антиповедение в русской культуре (XIX – нач. XX вв.). – СПб., 2003. – 210 с.

**СЛАВЯНСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ:
ЧЕЛОВЕК И ЕГО БОРЬБА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА**

**Д. В. Иванов
Иркутская государственная
сельскохозяйственная академия,
г. Иркутск, Россия**

Summary. The article considers educational ideas of the beginning of XIX century component creative heritage of D. V. Venevitinov – the young philosopher – poet and a psychologist in the history of Russian (Slavic) psychological thought. His ideas about man and the fight are reconstructed in this paper, how important concepts of psychology helped to understand the archetype of the «struggling man».

Key words: human struggle; struggling man; archetype a fighter; lyrical hero.

Психологические представления о человеке и его взаимоотношениях с миром стали частью славянской духовной культуры. Сформировавшиеся за тысячелетнюю историю воззрения на человеческую природу претерпели своего рода эволюцию, когда неверие в собственные силы человека сменились взглядами, обнаружившими надежду на её усовершенствование. Эпоха Просвещения стала оплотом убеждений в преодолении природы человека, в изменении его характера. Просветительские идеи оказались востребованными у всех исследователей, стремившихся к познанию проблем человека. Каждое новое поколение

таких исследователей вносило идеи, составившие золотой фонд славянской психологической мысли. В конце XVIII – начале XIX в. творческая мысль актуализировала многое из наследия русской психологии, в том числе «любомудрие», близкие к нему по значению понятия из отечественной патристики, архетипы борьбы и человека борющегося.

Молодые, образованные, склонные к «философствованию» исследователи были заинтересованы в разрешении философско-психологических проблем современности. Среди последних выделяется такая творческая личность, как Веневитинов.

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805–1827) – «архивный юноша», поэт, критик, философ и психолог. Он один из создателей, наравне с В. Ф. Одоевским, кружка «любомудров» – творческого тайного объединения молодых людей 20-х гг. XIX в., искавших себя, направлявшихся путём любомудрия к осознанию смыслов человеческого бытия. Веневитинов – секретарь тайных заседаний кружка, активный докладчик, «любитель русской старины». Н. Г. Чернышевский назовет его «энергичным юношей, талант и ум которого определили и эпоху, и самые лета его» (Н. Г. Чернышевский). В. Г. Белинский, переживший целую эволюцию своего отношения к «теоретической» прозе, «мыслящим статьям» Веневитинова от восторженности до зрелых оценок, отмечал философскую направленность его произведений и «самостоятельную силу развития». И. В. Киреевский видел Веневитинова «создателем» отечественной философии, «философом, проникнутым откровением своего века» (З. А. Каменский). Веневитинов, «юноша полный мечтаний и идей» (А. И. Герцен), оказывается в общем философско-нравственном течении, формирующем милитарные (от лат. *militat* – бороться) представления, объясняющие психологию человека в начале XIX столетия.

В философско-критических работах, статьях, трактатах, лирических произведениях Веневитинова мы обнаружили размышления о человеке, его психологии, описанные милитарным языком, содержащим образы борьбы, что позволяет говорить об этом любомудре как о философствующем психологе начала XIX столетия, пусть даже с некоторыми условными допущениями. Применительно к анализу милитарных идей Веневитинова подходит понятие «философско-лирическое произведение», содержащее в своей сердцевине психологическое знание.

На заседаниях кружка Любомудр Веневитинов делится своими творческими планами и идеями. Так, как это он сделал в своем докладе «Анаксагор» в 1824 г. В нем «архивный юноша» уже говорит о необходимости «борения» как о самой возможности человеческой жизни: «Так! Всякий человек рожден счастливым, но чтобы познать свое счастье, душа его осуждена к борению с противоречиями мира» (Д. В. Веневитинов).

В 1825 г. Веневитинов пишет «основное философское сочинение» (З. А. Каменский) – «Письма». Адресатом писем являлась А. И. Трубецкая, желавшая больше знать о философии и развитии философских систем. Веневитиновское понимание философии стало основой формирования милитарных представлений у творческой молодежи.

Кроме «Анаксагора» и «Писем» важными источниками милитарных, психологических представлений Веневитинова являются его статьи «Утро, полдень, вечер и ночь» (1826), «Несколько мыслей в план журнала» («О состоянии просвещения в России») (1826). Также источниками для реконструкции философии и психологии борьбы и человека борющегося у Веневитинова являются его философско-лирические произведения: «Освобождение скальда» (1822–1823), «Евпраксия» (1824), «Смерть Байрона» (1825), «Песнь грека» (1825), «К Скарятину» (1825), «Новгород» (1826) и др. Мы отметим, что в своих философско-психологических размышлениях Веневитинов использует «границы обобщения» и концепты: «борьба», «движение», «развитие», «сила», «причина», «действие», «содержание», «самопознание». Причем «борьба» («борение») понимается им как источник движения, развития и сил человека и общества (народа – «семейства»).

В своих исследованиях Веневитинов использует принцип историзма и развития, он последовательно столь ценимой в психологии генетической идеи. К своим философским умозаключениям Веневитинов подходит диалектически – «мыслит диалектически» (З. А. Каменский), что позволяет видеть его теоретические «построения» перспективно. Для истории психологии интересными являются высказывания Веневитинова о формировании «совершеннейшей науки», которая позволит «привести» все частные «случаи и познания» человека «к одному началу». Веневитинов практически говорит об интеграции многих фактов, теорий и отраслей наук в единое целое, о человекознании.

Человек в понимании Веневитинова – «звено в цепи человечества». Философствующий психолог определяет человека через его общественную сущность. Цель существования отдельного человека – «польза человечества». Поэтому человек входит в круг отношений к обществу, сословию, народу, государству, системе государств и, наконец, к космосу. Ему философ не отказывает в самых разнообразных средствах для «достижения цели его предназначения», которые «многочисленны», веря, таким образом, в совокупность «сил» и «способностей» человека. «Веневитиновский» познающий себя человек обладает «умом» и «отражающим» «природу» – «совокупность всех предметов» (Д. В. Веневитинов) – глубоким внутренним миром (психикой), где гармоничны чувства, ощущения и мечты. Психология «веневитиновского» человека уникальна уже теми качествами, которые станут впоследствии изучаться психологической наукой как интегральные: доброта, любовь, надежда, героизм, свобода.

В своих размышлениях о периодах становления человека, его возрастных этапах Веневитинов идет путем, знакомым русской психологической мысли (Палея, «Пчела», Радищев), вобравшей в себя опыт платоновских идей. Так, мыслитель выделяет младенческий («утро»), юношеский («полдень»), зрелый период «возмужалости» («вечер»), старческий («ночь») этапы развития человека. Веневитинов психологически точно представляет жизненный путь человека, понимая его как становление мироощущений и осознания себя гранями видимого и собственного миров, в философско-психологической статье 1826 г. «Утро, полдень, вечер и ночь», которая, по всей видимости, была издана позже публичного прочтения в обществе Любомудров. На наш взгляд, важным в ней является обнаруженная закономерность единства самой человеческой природы, раскрытие возможностей природы и естества, которые так хочет познать философствующий психолог. Заметим еще одну важную деталь, а именно «восточные» мотивы статьи, присущие отечественной философско-психологической литературе, пытавшейся индустриально донести истину до своих читателей, начиная с публицистических произведений И. С. Пересветова (XVI в.). «Восточные» мотивы оставались актуальными и в «философский век» – эпоху Просвещения, поскольку использовались такими просветителями, как П. М. Захарьин, М. М. Херасков и др. Это позволяет определенным образом соотнести идеи Веневитинова

с общим контекстом преемственности философско-психологических идей и понять масштабность мышления «архивного юноши», самого молодого философа и психолога в России начала XIX столетия.

В статье «Утро, полдень, вечер и ночь» восточно-изысканный стиль изложения философских понятий приводит к вполне определенным выводам философско-психологического характера. От первого «чувства» – «созерцания» и «песни восторга» человек движется к созданию собственного мира, испытанию себя («он любит испытывать себя и ищет противоборника в природе»), к воздвижению алтарей страстям, принесению своих подвигов в жертву любви, обретению «венца» героя и к освобождению души, познанию истинной гармонии и ожиданию, «когда новый луч денницы воззовет его к новой жизни, – когда довольный тем, что он нашел в самом себе, он перенесет чувство из мира желаний в мир наслаждения!» (Д. В. Веневитинов). Здесь веневитиновский взгляд на человека и его жизненный путь схож с философскими представлениями просветителя XVIII в. М. М. Хераскова: путь борца – это странствия внимательно к себе и миру человека, продвижение его к истине. Пройдя путем борьбы, самопознания, человек обретает «совершенное согласие с природой» (как с внутренним, так и с окружающим миром). Борьба и брение, их сила и содержательность необходимы человеку на протяжении всей жизни для достижения им счастья к собственной старости. В веневитиновских философско-психологических статьях присутствует описание борьбы человека с природой, судьбой, самим собой, а также с теми, кто встает на жизненном пути, мешая ему реализовывать план жизни – «испытывать дух свой и гордо провозгласить торжество ума» (Д. В. Веневитинов).

Если рассматривать предлагаемое Веневитиновым содержание возрастных этапов жизненного пути человека, то можно заметить, что автор говорит о способности психики каждого индивида к отражению окружающего мира и конструированию новой реальности. Человек, созерцая, ощущая жизнь, формируя ментальные картины мира, начинает воображать, создавать и бороться за новые образы собственных миров («сам создай мир свой»), которые им затем словесно-логически осмысливаются, и личность переживает высший этап своего существования. Так, используя художественные образы, «границы обобщения» мыслитель объясняет важные проблемы психологии человека.

По мнению любомудра, человек должен содействовать пользе народа – «семейства», к которому он принадлежит. Каждый человек включен во всемирный ход развития человечества. Веневитинов, уточняя принцип понимания социальной сущности человека и его включенности в общемировой ход истории через свой народ, признает значимость общественно-полезной борьбы. Важными составляющими социально-психологических взглядов Веневитинова при этом являются: любовь к родине; осознание и критика ее недостатков (в первую очередь стремление к подражательности чужому); бережное отношение к собственным источникам любомудрия (например, к славянской философско-психологической мысли); понимание взаимосвязи с другими «семействами» (народами) человечества; самобытное развитие народа в общем контексте общечеловеческого развития; свободолюбие.

Человек у Веневитинова «принадлежит» природе и истории. Главной задачей становления и совершенствования становится самосознание как «поселенная» в человеке «страсть», к которой влечет «его непреодолимое желание действовать». Самопознание становится ключевым понятием в философско-психологических конструкциях Веневитинова. «Самопознание – вот идея, одна только могущая одушевить вселенную; вот цель и венец человека» (Д. В. Веневитинов).

Для русской философско-психологической мысли проблема человеческого самопознания была в определенном отношении к моменту начала творчества Веневитинова известной. К пониманию человека как целостного существа, склонного к самопознанию, ведущему к гармонии души и тела, внутреннему спокойствию, пришел уже член «ученой дружины» Петра I А. Д. Кантемир, обогативший терминологически русскую философию и психологическую мысль.

Самопознание присутствовало всегда в ментальной картине русского человека, даже если он не осознавал этого в полной мере. В соотношении ментальных образов с известными ему научными, философскими системами Веневитинов выносит категорию «самопознание» в самое начало человеческой истории, причем как индивидуальной, так и целых народов, общностей («семейств»). «История убеждает нас, что сия цель человека есть цель всего человечества; а любомудрие ясно открывает в ней закон всей природы» (Д. В. Веневитинов). Стремящийся к самопознанию индивид не расходится с ценностными ориентациями

духовной культуры и соответствует идеалу человека борющегося, такому близкому для русской (славянской) психологической мысли. Человеческая мысль, по мнению Веневитинова, «развивается в борьбе», порожденная чувствами (эмоциями). Развитие мысли в борьбе приводит не только к эмоциональному отражению мира, но и к созданию образа, который помогает человеку постичь реальность собственного мира, субъективному становлению и самоосуществлению. Каждый человек, каждый народ «направляет свои нравственные усилия» к самопознанию. Коллективные же нравственные усилия рождают просвещение (Д. В. Веневитинов).

Веневитинов призывает и заставляет русского человека бороться, познавать, творить себя. Он предлагает следующий алгоритм борьбы и нравственной свободы:

- 1) вникнуть в начала «новой философии»;
  - 2) глубоко изучить произведения «древнего мира»;
  - 3) действовать с опорой на собственный ум;
  - 4) «развить свои силы и образовать систему мышления»
- (Д. В. Веневитинов).

В этом, как считал Веневитинов-просветитель, заключается «подвиг» каждого человека.

В философско-психологических представлениях Веневитинова присутствует также лирический герой, который, как и человек борющийся, описывается милитатным языком, содержащим «древний» славянский архетип юнака-борца, вновь востребованный в начале XIX столетия.

Так, в поэме «Евпраксия» (1824) обозначился глубокий интерес Веневитинова к русской истории, картинам борьбы героев, оставшихся глубоко в ментальности народа. Веневитинов прославляет битву и русский меч, иными словами, говорит о предопределенности ритуализированной борьбы армейско-военного и общественно-полезного характера. Герои, защищающие общество, Родину с мечом – «с булатом в юной длани» – идеальны. Юный Олег («Евпраксия»), чей милитатный образ олицетворяет «любовь к свободе», должен способствовать полаганию ценностного отношения к борьбе, ее возможным характеристикам и модусам. Веневитиновский лирический герой – человек борющийся – направляет векторы духовного самоконструирования культурного сознания, социальной психики и этим фактически решает задачу, заключающуюся в поддержании подъема национального самосознания и героической мотивации народного духа.

Философско-психологические воззрения Веневитинова, нашедшие свое отражение в прочитанных им докладах на заседаниях кружка любителей, опубликованных статьях, сыграли свою роль в становлении русской психологической мысли, связанной с философским пониманием человека в начале XIX столетия. Скрытая семантика текстов Веневитинова включает в себя архетипы былин и эпосов, утопий, философские учения, историческое мироощущение.

Созданные им литературные, философско-психологические тексты, подлежащие историко-психологическому анализу и реконструкции, содержат идеалы и смыслы, раскрывающие личностный феномен, оказавшийся столь востребованным русской психологической мыслью, часто контурно совпадавшей с литературой, на протяжении всего XIX столетия.

В целом отметим, что идеи Веневитинова, его философско-психологические взгляды сохраняют традиции русского «философского века», они становятся «переходными» от XVIII к XIX столетию. Исторические искания Веневитинова, его философско-лирические произведения, статьи и размышления внесли свой вклад в формирование представлений об основных критериях в описании психологии человека и народа:

- 1) путь духовного развития в борьбе (борении);
- 2) наличие механизмов взаимодействия внутри сообщества;
- 3) выделение этапов в становлении психического развития индивида – «юного жителя юной земли».

Представленные, пусть даже метафорически, – эти критерии описания человека и народа вошли в русскую (славянскую) психологическую мысль. Взгляды и философские позиции Веневитинова высоко оценивали апологеты борьбы XIX в. – В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и др.

Философско-лирический взгляд на психологические проблемы, связанные с осознанием цели человеческого существования, ее ценностным выражением при правильном понимании метафоричности мышления автора, помогает реконструировать веневитиновские философему и психологему борьбы и человека борющегося. Милитатный язык юного поэта-философа и психолога становится доступен и для психологической интерпретации гнозиса борьбы, образа человека борющегося, исторически и социально востребованного в отечественном славяноведении.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ФАКТОР ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

В. Д. Ширшов
Уральский государственный педагогический
университет, г. Екатеринбург, Россия

Summary. The problem of moral education solved not enough. The experience of the Russian Orthodox Church will help solve some of these problems. This experience includes the theory, principles, methods and organizational forms of spiritually-moral education of the believers. The main provisions of this experience should be used in the secular education system.

Key words: spirituality; morality; crisis; religion; faith; love; conditions; and culture.

Система образования в Российской Федерации еще не вышла из полосы реформ. Остаются недостаточно решенными проблемы духовно-нравственного воспитания подрастающих поколений. Постановка этой проблемы связана с резким падением духовного здоровья российского общества. Причины духовно-нравственного кризиса лежат в утрате людьми понимания смысла своего существования, в утрате духовных ориентиров жизни, то есть того, что пытается возродить Русская православная церковь.

В духовной жизни человечества трудно найти фактор, который на протяжении веков играл бы большую роль, чем религия (от лат. *Religiō* – благочестие, набожность, святость). Религия возвышается над исторической, географической, экономической средой жизни, поэтому она объединяет в кризисные периоды народы, разделенные психологическими, расовыми и историческими барьерами. Во всех этих случаях существуют разные концепции действительности, разная мораль и эстетические нормы, словом, разный внутренний мир. Для мирного сосуществования, для выживания народов нужны определенные усилия для поиска консенсуса по религиозному признаку.

Знание и вера возникают на основе информации, но если вера принимает эту информацию без всяких условий и соглашается с ней, то знание стремится проверить, убедиться в истинности получаемой информации. «Вера определяет некоторые рамки, предлагает человеку систему правил, указаний, заранее установленных, что лишает его сомнений, метаний, паники, указывает строго определенные, четкие ценности в море информации и вариантов нравственного выбора» [60, с. 19].

Интересно, а как понимают термин «вера» наши учителя? Чтобы это выяснить, мы предложили 81 учителю продолжить фразу: «Вера – это...». Контент-анализ ответов показал, что для 40 % вера – это внутреннее чувство уверенности, которое помогает в трудную минуту, это вера в лучшее будущее. 25 % думает, что вера – это глубокая убежденность в чём-либо. 18 % человек связывают веру с любовью к Богу, с религией. К сожалению, 14 % затруднились дать характеристику понятию «вера».

Такое же разночтение встречается в научной литературе при раскрытии понятия «духовно-нравственное воспитание». Проведя научный анализ этого понятия, мы пришли к выводу, что **духовно-нравственное воспитание – организованная и целенаправленная деятельность родителей, учителей, преподавателей и священнослужителей, направленная на формирование высших духовно-нравственных ценностей у учащихся, а также качеств гражданина-патриота и защитника Родины.**

Духовно-нравственное воспитание имеет все признаки **системы**: есть цель и задачи; содержание; структура; взаимодействие составных частей (учитель – ученик); управление (процесс); методы воспитания; организационные формы и технологии.

Духовным союзником в духовно-нравственном воспитании граждан в Российской Федерации как поликонфессиональной стране становится Русская православная церковь, способная вместе с другими конфессиями и при их взаимном уважении сохранять и развивать духовно-нравственные ценности российского народа.

В каждой религии имеются свои теории, гипотезы, постулаты, принципы, имеется свой понятийный аппарат, в каждой религии используются свои методы и организационные формы, способы и приемы воздействия на людей и доказательства. Кроме того, нужно учитывать, что существуют и вненаучные формы духовного постижения человека и действительности: искусство, религия, здравый смысл, язык и т. д.

Особую роль в православии играет такое понятие, как **любовь**, которое мы явно недооцениваем в организации воспитательной работы. Рост нашего духовного «Я» не происходит автоматически, для него необходимы сознательные усилия в виде:

– ответной любви. Испытывать радость от чьей-то любви – важная сторона любви, но важно также научиться принимать любовь и отвечать на нее;

– взаимной любви, когда мы учимся сами любить других, делить нашу любовь. При этом растет глубина нашего восприятия других людей;

– безоговорочной любви – совершенно бескорыстной любви, не ожидающей получения каких-либо благ в качестве платы за свою жертвенность. Это в первую очередь – родительская любовь и даже любовь к своим врагам.

Главная заповедь, по словам апостола Марка, гласит: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею, вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет». Все десять заповедей представляют собой систему нравственных правил, инструкций, которые помогают определить верный порядок действий, сделать точный нравственный выбор. Эти правила нужны для ориентации и проверки конкретного поведения людей, а также для раскрытия подлинной красоты личности. В них указывается, что должен делать человек и чего избегать.

Значительное место в православии занимает понятие «соборность». Наше исследование показало, что понятие слабо усвоено нашими учителями. Так, 54 человека из 81 не смогли дать характеристику этого понятия. 21 человек сводит понятие «соборность» к сплоченности людей в обществе. Шесть человек понимают соборность как способность людей жить в коллективе. И это закономерно, так как в советское время идея соборности реализовалась в понятии «коллективизм», хотя, конечно, по идеологическим причинам эта связь не афишировалась. Для примера можно привести факт создания особой духовно-нравственной среды в колонии имени Горького, которую создал А. С. Макаренко. Посетители колонии отмечали наличие радостного, «мажорного» духа, единства личности с коллективом, защищенность каждого в этом коллективе и создание уверенности в завтрашнем дне.

Для реализации духовно-нравственного воспитания определен комплекс необходимых и достаточных педагогических условий эффективного использования модели реализации воспитательного потенциала православной педагогики в негосударственном общеобразовательном учреждении, включающий в себя: приоритет духовно-нравственного воспитания; теоретико-методологическое обеспечение православного воспитания; единство обучения и воспитания на основе интеграции ценностей православной культуры в общеобразовательные дисциплины;

систематическое преподавание учебного курса «Основы православной культуры»; разработку системы воспитательной работы школы, базирующейся на принципах православной педагогики; объединение действий педагогов, обучающихся и родителей. Стержнем духовно-нравственного воспитания должны стать учения основных конфессий, которые действуют в России. Необходимо уточнить, что другого стержневого инструмента у России пока просто не существует.

Нам представляется, что в систему образования основные идеи различных конфессий нужно вводить постепенно: на первом этапе в виде учебного предмета «История религии» или «Религиозная культура», а на втором этапе – в виде предмета «Религиоведение» в средних специальных и высших образовательных учреждениях. Изучение истории и религиозной культуры страны (архитектуры, хорового пения, иконописи, агиографии и др.) будет способствовать повышению общего культурного и нравственного уровня личности, развивать чувство патриотизма. Главная цель этих предметов – помочь молодым людям найти смысл жизни, прикоснуться к высшим ценностям самосуществования, к мудрым советам, которые помогут противостоять искушениям и разрушению.

Духовно-нравственное воспитание воздействует на духовные потребности человека, направляет его на познание мира, себя, смысла и назначения своей жизни. Оно показывает человеку, что есть внешний мир, а есть и внутренний – желаний, интересов, переживаний, чувств и т. д.

Духовность не может проявляться вне чувств: прекрасного и безобразного, трагического и комического. Для духовности характерна эмоциональная избыточность. Чувства, переплетаясь, порождают духовность.

Феномен духовности и нравственности можно рассматривать с позиций религии. Обращение к религиозным истокам духовно-нравственного воспитания обогатит преподавание любого предмета, помогая педагогу выявить его духовный смысл, чем повысить качество и эффективность воспитания. Например, без знания истории религии людям будут непонятны многие произведения искусств, нравы и обычаи народа, суть духовной эволюции человечества в поиске смысла жизни.

Христианство оказало большое влияние на образ мышления и систему ценностей разных народов. Библия, библейские образы и сюжеты многие столетия доминировали в живописи

и скульптуре, в музыке католического храма (фуги и хоралы Баха), в церковном хоре в православном богослужении; с одной стороны, прославляли бога и церковь, а с другой – благотворно влияли на культуру народов. «Библейские афоризмы, образы, сюжеты, краткие и емкие понятия («тяжел крест», «путь на Голгофу, царь Ирод, предатель Иуда и др.) веками формировали и питали системы жизненных восприятий, оценок и нравственных понятий.

Использование религиозного фактора убеждает нас в том, что духовно-нравственное воспитание – процесс многомерный. Он зависит от исторического развития общества, от логического анализа педагогического опыта и воспитательных систем, от уровня влияния на жизнь людей Русской православной церкви и других конфессий. Сложность воспитания духовности заключается еще и в том, что этот процесс носит «вероятностный» характер, так как сформировать высший уровень веры в Бога, духовно-нравственного потенциала личности у современной молодежи весьма проблематично и сложно. Без учета указанных условий невозможно понять ни сущность духовно-нравственного воспитания, ни современную систему образования в России, ни процесс социализации подрастающих поколений.

Таким образом, духовно-нравственное воспитание в России немислимо без обращения к истокам и традициям православия. Именно оно веками питало отечественную культуру, определяло образ жизни и ментальность русских людей. В поисках духовной опоры россияне в трудные времена находят опору в духовно-нравственных ценностях Русской православной церкви.

III. ЯЗЫКИ И ИСКУССТВО СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Э. Цэдэндоржийн
Университет гуманитарных наук,
г. Улан-Батор, Монголия

Summary. The author of an article tries to do the review of the Russian theoretical and applied lexicography of the last years. The writer specifies that in the Russian lexicography there is a tendency to a universalization of a reference media. It is traced that the end of the 20th century and the beginning of the 21st century is significant for the Russian lexicography by the grown interest to the research of the language phenomena in a wide extralinguistic context. The reason of requirement for cognitive and communicative approach to the description of a lexical unit in a dictionary is that «available explanatory dictionaries reflect lexical competence of native speakers insufficiently adequately».

Key words: Russian lexicography; new special types of dictionaries; linguistic and cultural studies direction; «cultural» component of a meaning; «background knowledge»; national realities.

Русская теоретическая лексикография последних лет обогатилась такими фундаментальными монографиями, статьями и диссертациями, как «Общая и русская идеография» (Ю. Н. Караулов, 1976), «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка» (Ю. Н. Караулов, 1981), «Идеографические словари» (В. В. Морковкин, 1970). «Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии» (П. Н. Денисов, 1974), «Основы теории учебной лексикографии» (В. В. Морковкин, 1990), «Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка» (В. А. Козырев и В. Д. Черняк, 2004), «История русской лексикографии» (Ф. П. Сороколетов, 2001), «Русская лексикография» (Э. Г. Шимчук, 2009). В исследовательских работах русских лексикографов 20-го века (Караулов; Апресян, 94; Стернин; Морковкин, 1986; Дубичинский, 2008; Лейчик, 1999; Карпова, 2004; Козырев, Черняк, 2000; Ступин, 1985; Влавацкая, 2004; Герд, 1996, 1997; Арсентьева, 1993; Маник, 2001; Петросян, 2003; Погребенко, 2003; Скибина, 1998; Солдатов, 1997; Таганова, 2003) отражены основные вопросы русской теоретической лексикографии и современные тенденции ее развития.

Анализ современного состояния английской лексикографии, осуществленный О. М. Карповой, позволяет заключить, что и в современной российской лексикографии выделились две тенденции. С одной стороны – стремление лексикографов к разработке и становлению новых специальных типов словарей, отражающееся в обилии и многообразии существующих лексикографических изданий; с другой стороны – стремление систематизировать все эти типы и представить их в виде классификаций и типологий.

Так же и в русской лексикографии прослеживается тенденция к универсализации справочного издания, которая проявляется в том, что справочник может включать как лингвистическую, так и энциклопедическую информацию, что в свою очередь показывает, что традиционное противопоставление «лингвистический – энциклопедический» становится всё менее актуальным.

И такие базовые проблемы теории лексикографии, как критерии отбора языкового материала в словари; заголовки словарных статей, то есть их разновидности (исходная, словообразовательная, словоизменительная формы слов; имена собственные, служебные слова, словосочетания); грамматический справочник; полиграфическая семиотика (типографские шрифты, цветовые сигналы), оставались и также остаются в поле зрения лексикографов.

Конец 20-го века и начало 21-го знаменательны для русской лексикографии тем, что вырос интерес к исследованию языковых явлений в широком экстралингвистическом контексте. Делаются попытки обнаружить обусловленность языка в самом значении лексической единицы, выделить так называемый «культурный» компонент значения, раскрыть лингвистическую природу «фоновых знаний», показать особенность и своеобразие их функционирования в каждой из рассматриваемых языковых общностей. В. С. Виноградов, например, выделяет национальный аспект фоновых знаний, без которых невозможно полное и правильное понимание речи.

Лингвострановедческое направление, с одной стороны, включает в себя обучение языку, с другой – дает определенные сведения о стране изучаемого языка. Главная его цель, как подчеркивает О. М. Карпова, – «обеспечение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации, прежде всего, через адекватное восприятие речи собеседника и понимание оригинальных текстов. Усвоение лингвострановедческого материала создает лингвострановедческую компетенцию, под которой понимается целостная система представлений о национальных обычаях, традициях, реалиях страны, позволяющая извлекать из лексики этого

языка примерно ту же информацию, что и его носители, и добиться таким образом полноценной коммуникации» [2].

Хотя как теоретические дисциплины русская учебная и научно-техническая лексикографии оформились уже в 70–80-х годах (это обобщающие фундаментальные исследования в этих областях: «Основы теории учебной лексикографии» – докторская диссертация в форме научного доклада В. В. Морковкина 1990 г. и «Введение в терминографию» С. В. Гринева 1996 г.), но таких практических справочных изданий, содержащих в себе эту позицию, тогда еще не было.

Примерами концептуальных словарей (словарей концептов) в настоящее время могут служить: Ильина М. В. Слова и смыслы. Опыт ключевых политических понятий. – М., 1997; Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 2001; Бочкарев А. Е. Семантический словарь. – Н. Новгород, 2003; Беккер К. Словарь тактической реальности: культурная интеллигенция и социальный контроль. – М., 2004.

Репертуар современных словарей необычайно разнообразен, что требует от лексикографов их систематизации. Это разнообразие объясняется сложностью и многоаспектностью самого объекта лингвистического описания, то есть языка. В лексикографии пока еще нет общепринятой типологии словарей, попытки создать таковую предпринимались многими лингвистами, в частности Л. В. Щербой, В. В. Морковкиным, М. Л. Апажеевым, В. М. Лейчиком, Н. Н. Денисовым, Л. Згустой и другими.

Потребность в когнитивно-коммуникативном подходе к описанию лексической единицы в словаре возникла потому, что «имеющиеся толковые словари недостаточно адекватно отражают лексическую компетенцию носителей языка: предлагаемые в них толкования обычно ориентированы только на узнавание денотата, поскольку перечисляется несколько наиболее существенных, часто проявляющихся его признаков, а не дается описание всего психологически реального семантического содержания языковой единицы» [3].

Библиографический список

1. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка : учеб. пособие. – М. : Наука: Флинта, 2008.
2. Карпова О. М. Английская лексикография: учеб. пособие. – М. : Изд. центр «Академия», 2010. –176 с.
3. Стернин И. А. К разработке словаря лексической компетенции // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. – М., Русский язык, 1986.

РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ДАГЕСТАНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. М. Исмаилова

Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия.

Summary. The article is devoted to the role of the Russian language and its importance in the multi-ethnic Dagestan. Knowledge of Russian language helps Dagestani take up the new achievements of science, technology, and the treasure of Russian and world culture.

Keywords: Dagestan; international language; bilingualism; philology; Russian schools; culture.

Межнациональный язык определяется в соответствии с культурно-исторической ролью народа. Попытки выявить особенности межэтнических отношений дагестанских этносов уходят своими корнями в далёкое прошлое. Народы Дагестана связаны с Россией многовековыми узами. На протяжении веков Дагестан поддерживал с Россией торговые, культурные и политические отношения. Переориентацию культурных и экономических отношений дагестанцев на русский народ можно считать завершившейся во второй половине XIX века, когда отход дагестанских кустарей, ремесленников в глубинные районы России принял массовый характер. Многонациональный Дагестан всегда испытывал потребность в языке межэтнического общения. О взаимодействии языков народов Дагестана со вторым языком можно говорить применительно к периодам интенсивных взаимоотношений между дагестанцами и носителями языка межнационального общения.

В после шамилевскую эпоху в разных населённых пунктах Дагестана стали располагаться военные гарнизоны. Русские военные общались с местными жителями, и этот фактор способствовал заимствованию слов русского языка народами Дагестана [1, с. 18].

В дагестанских языках накопилось по 4–5 тысяч русских и иноязычных слов, проникших через русский язык. История активного вхождения русизмов в дагестанские языки началась, как было сказано выше, во второй половине XIX в, когда после окончания Кавказской войны Дагестан оказался при соединённом к России [2, с. 110].

Большое значение в распространении русского языка в Дагестане имели так называемые «русские школы», которые открывались в Дагестане для подготовки образованных грамотных чиновников из семей имущих горцев.

Выдающийся русский филолог П. К. Услар, который посвятил изучению кавказских языков четверть века, сделал всё от него зависящее, чтобы русский язык занял в Дагестане подобающее место.

В Дагестане развитие языков многочисленных народов связано с освоением русского языка. Языковая среда и малая территория, на которой представлено большое количество близкородственных и неродственных языков, характеризуют Дагестан как уникальное явление в мировом масштабе. Здесь на территории в 50,3 тыс. кв. км проживают представители более 30 народностей с языками и диалектами, принадлежащими к кавказской, тюркской и индоевропейской языковым семьям [3, с. 892].

В советское время в связи с тем, что русский язык начал употребляться в широком спектре социальных сфер, происходит заимствование дагестанскими языками слов русского языка – как исконно русских, так и интернациональных, в связи с чем, постепенно прекращается арабовосточное культурное влияние. Главным языком – источником лексического заимствования становится русский язык.

В современных условиях жизни дагестанцев повышается роль науки, общего и специального среднего и высшего образования в процессе подготовки специалистов из среды автохтонных народностей Дагестана по разнообразным отраслям производства и народного хозяйства, поэтому возрастает актуальность получения хорошего знания русского языка. Вместе с тем функциональная деятельность дагестанских языков не получает развития, соответствующего языковой ситуации.

Языки Дагестана используются разными социальными группами населения в различных общественных сферах деятельности дифференцированно и с различной степенью интенсивности.

Язык – важный фактор формирования этнического самосознания. В этноязыковом самосознании дагестанцев различных социальных групп имеет место специфика, обусловленная языковыми, социально-историческими, психологическими, культурными особенностями.

В настоящее время только русский язык успешно выполняет государственную функцию в полной мере. Ни один другой язык в Дагестане, как бы он не декларировался в Дагестане, не выполняет высокую миссию – быть государственным.

Значительное внимание уделяется развитию и распространению в Дагестане русского языка, который является в республике языком межнационального общения. В республике была принята

и успешно реализована программа «Русский язык». В республике 180 дагестанских писателей, из них 25 пишут на русском языке, в том числе 20 – русские [4, с. 12].

Исследование теоретических проблем и разработка практических рекомендаций, связанных с функционированием русского языка и национально-русского двуязычия в таком уникальном по своей этноязыковой пестроте регионе, как Дагестан, приобретает особую актуальность вследствие активизации роли русского языка в сфере межнациональной коммуникации в экономической, политической, социокультурной, образовательной областях жизни полиэтнической республики. Важность освещения роли русского языка во всестороннем развитии дагестанских народов и недостаточная её научно-теоретическая разработанность обусловили необходимость изучения наиболее существенных аспектов данной проблемы в плане функциональной характеристики русского языка в многонациональном Дагестане.

Русский язык играет в жизни народов Дагестана огромную роль, он применяется во всех сферах материальной и духовной жизни. Выбор русского языка оказал благотворное влияние на историческое развитие всех дагестанских народов. Многонациональная интеллигенция Дагестана сформировалась под влиянием передовой культуры русского народа. Проблема выбора языка межнационального общения как важнейшего фактора цементирования единства населения была решена на добровольной основе [5, с. 211].

Современная языковая жизнь Дагестана характеризуется широким распространением национально-русского двуязычия, это определяющая часть современной языковой жизни народов Дагестана. Естественное, равноправное и свободное двуязычие – мощный стимул развития дагестанского общества.

Библиографический список

1. Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. – Махачкала, 1961.
2. Гамзатов Г. Г. Проблема старая, но нестареющая. К вопросу о национально-русских взаимосвязях в области литературы, культуры, языка // Слово и текст в диалоге культур. – М., 2000.
3. Абдуллаев М. А. Культура русской речи в условиях национального двуязычия. – Махачкала, 1995.
4. Гасанов Н. Н., Зачесов К. Я. Межнациональное согласие в Дагестане: проблемы и перспективы // Полис. – 1993. – № 3.
5. Магомедов М. И. Русский язык в многонациональном Дагестане. – М., 2010.

МЕХАНИЗМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТЫДА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

О. А. Сеничева

Бердянский государственный педагогический
университет, г. Бердянск, Украина

Summary. The article is devoted to the research of concept «shame» in Russian and English languages in the cognitive aspect. The mechanisms and means nominating and describing the mental states of shame and various their modifications are considered in the language worldview.

Key words: emotion; emotional state; shame; language worldview.

На современном этапе в силу антропоцентризма вопрос о языковых средствах выражения психических состояний человека занимает одно из ключевых мест в научной парадигме. В последнее время возросло количество работ русских и зарубежных исследователей, изучающих психические состояния в области лингвокультурологии, психолингвистики, концептологии, эмотиологии (А. Вежбицкая, А. К. Кляйнберг, Н. А. Красавкий, Е. С. Кубрякова, Н. И. Шаховский, Р. А. Уилсон и др.). Однако недостаточно изученным остается когнитивный аспект вербализации психических состояний стыда, что обуславливает **актуальность** данного исследования.

Целью работы является изучение механизмов и средств, номинирующих и описывающих психические состояния стыда, а также различные их модификации в языковой картине мира.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие **задачи**: дать определение эмоциональному психическому состоянию стыда / shame, проследить особенности его языковой репрезентации, проанализировать невербальные признаки стыда в русском и английском языках, выявить специфику осмысления психических состояний в сопоставляемых лингвокультурах.

Объектом исследования является концепт «стыд / shame» в русском и английском языках.

В лексикографических источниках эмоциональные состояния определяются как «состояния, вызванные переживанием человека его отношения к внешнему миру и самому себе и характеризующиеся изменениями количественных и качественных параметров ответов на сигналы внешней среды, тесно связаны с индивидуальной семантической значимостью поступающей к человеку информации и являются как бы коррекцией, вносимой человеком в ответ, определяемый только информационной структурой раздражителя» [4].

Стыд – эмоция, возникающая в результате осознания человеком реального или мнимого несоответствия его поступков или тех или иных индивидуальных проявлений принятым в данном обществе и разделяемым им самим нормам, требованиям морали. Стыд – полностью социально обусловленная эмоция, формирующаяся в онтогенезе в ходе сознательного усвоения этических норм и правил поведения конкретного общественного строя, конкретной культуры [2].

Слово «стыд» в русском языке является многозначным. Толковые словари выделяют у него, как правило, 2–3 значения: «1) чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка; 2) позор, бесчестье; 3) то же, что срам [3, с. 342]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова выделяется еще одно значение: «чувство моральной ответственности за своё поведение и т. п.» [1, с. 674].

В английском языке лексема «shame», как и «стыд», является полисемантической: «1) a feeling of humiliation or distress caused by awareness of wrong or foolish behaviour; 2) loss or respect or esteem; 3) a cause of shame; 4) a regrettable or unfortunate thing» [5].

Анализ логико-семантических групп дает нам более детальное представление о концепте «стыд» в русском и английском сознании:

1. Стыд может быть связан с поведением или проявлением личностных черт других, как правило, близких людей (стыд за другого): *Ни стыда, ни совести; Ложный стыд; Стыдно тебе так говорить; Просто стыд и срам так думать; Стыдно не уважать родителей; When Betsy split the soup on the carpet, mother said: «Shame on you!»; To bring shame on, to, upon; Shame on you! You should be ashamed.*

2. Стыд переживается как неудовлетворенность собой, осуждение или обвинение себя. Стремление избежать подобных переживаний является мотивом поведения, направленного на самосовершенствование: *Он проснется с содроганьем, полон страха и стыда* (А. С. Пушкин).

3. Различные люди имеют различные пороги стыда, обусловленные ценностными ориентациями, направленностью каждой личности и связанной с этими особенностями чувствительностью к оценкам окружающих людей: *Слезы потекли еще обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда* (Л. Н. Толстой); *It was a shame that they could not come;. They were filled with a deep shame at the actions taken by their government; Have you no shame?*

4. Фокусируя внимание субъекта на собственных поступках и качествах, стыд способствует развитию самосознания, самоконтроля,

самокритичности: *К стыду своему (моему и т. п.) я проспал; To my shame, I never did help them; It's a shame to waste so much time; It's a shame wasting so much time; He felt shame for his lies.*

5. Повышая чувствительность субъекта к оценкам окружающих людей, стыд участвует в регуляции общения (облегчая или затрудняя межличностные контакты): *Their behavior has shamed the whole school.*

Таким образом, языковые единицы, репрезентирующие стыд, выражают: деонтическое *стыдно* (оценка безнравственного поступка в форме обобщенного вывода) и состояние стыда (выражение, описание или оценка человеком своего / чужого эмоционального состояния в результате совершения неблагоприятного поступка и призыв отказаться от нарушения этических правил, испытав чувство стыда).

Дефиниционный анализ микроконтекстов позволил определить, что основными механизмами репрезентации эмоций группы стыда являются:

1. **Лексические единицы, называющие эмоцию.** На основе частей речи можно выделить следующие номинации стыда в зависимости от ключевого слова, идентифицирующего эмоцию в контексте:

а) субстантивные номинации: напр., *испытывать стыд; гореть (сгорать) от стыда – to burn with shame; ни стыда, ни совести нет у кого-н.; не иметь ни стыда ни совести; к стыду своему; стыд и срам! – a sin and a shame! for shame!; стыд и позор – a sin and a shame; стыд не дым, глаза не выест – a little shame won't hurt you; потерять стыд – lose all sense of shame, be lost to shame; отбросить стыд – throw off all shame; Have you no shame?; Her crimes brought shame upon her family; He had to endure the shame of being fired; awful shame, crying shame, dirty shame, fie shame! for shame! shame on you! shame! with shame; I sometimes think it is a shame for people to spend so much money this way (Т. Drieser);*

б) адвербиальные номинации: *Мне стыдно (совестно) людей; Не стыдно это тебе! – сказала Катя, вся загоревшись от гнева (Ф. М. Достоевский); <...> он и тут постыдно обманул её ожидания (Ф. М. Достоевский); It shames me that I treated her so badly;*

в) глагольные номинации: *стыдиться – To feel shame at; She is trying to shame her husband out of drinking; Your productivity has put the rest of us to shame; To have no conscience at all be ashamed (of).*

2. **Лексические единицы, описывающие переживаемые эмоции (непрямое выражение стыда).** Состояние человека может передаваться через описание его жестов, мимики, позы тела и т. п. признаков:

а) залиться краской: *Он покраснел как рак; Она зарделась как маков цвет; Краска (стыда) выступила на лице его; Лицо ее залилось румянцем;*

б) закусить (прикусить) губу: *Он закусил (прикусил) губу;*

в) готов провалиться сквозь землю – ‘исчезнуть от чувства смущения, неловкости, стыда’: *Он готов был провалиться сквозь землю;*

г) быть сконфуженным: *Он сконфузил меня этим замечанием;*

д) смутиться: *Его не смутишь, всегда найдется;*

е) сгорать / сгореть от <со> стыда: *Сгорел граф Нулин от стыда, обиду проглотив такую (А. С. Пушкин); Он понимал, что еще секунда – и все расхохочутся, и он уйдет, сгорая от стыда (Н. Телешов); Как видите, я не сгораю от стыда за свою отсталость (Д. Гранин); Я просто сгорел со стыда, когда он стал расписывать Бегушеву наше дурацкое дело (А. Ф. Писемский);*

ё) умереть от стыда: *Be dead to shame and have no conscience; Он чуть не умер от стыда (А. С. Пушкин);*

ж) опустить голову от стыда (пристыженно): *The defendant hung his head in shame; To hang one's head in shame;*

з) стыд пал на голову: *Стыд пал на седую голову мою (В. И. Даль).*

3. **Лексические единицы, которые указывают на степень интенсивности и масштабы.** Стыд может быть вызван разными причинами и по-разному проявляться в разных ситуациях. Лексема «стыд» и ее дериваты могут обозначать личный стыд, индивидуальное чувство, или публичный: *Он вдруг сгорал от стыда (Ф. М. Достоевский).* Интенсификаторами эмоций выступают *ужасно, слегка, весь, чуть* (русск.), *great, deep* (англ.): *Он ужасно сконфузился (Ф. М. Достоевский); Он слегка заалелся (М. Е. Салтыков-Щедрин); Аркадий весь вспыхнул (И. С. Тургенев); It's a great shame that we have had to cancel the concert* и др.

В русском языке эмоция стыда может иметь такое специфическое качество, как амбивалентность, связанное со сложностью жизненных ситуаций, в которых оказывается человек: *Он проносится с содроганьем, полон страха и стыда (А. С. Пушкин); Слезы потекли еще обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда (Л. Толстой).*

Таким образом, основными способами вербализации стыда в русском и английском языках являются прямые номинации и описание психического состояния стыда.

Выводы

Стыд является важной эмоцией, способствующей углублению самопознания человека. Русское *стыд* и английское *shame* одинаковы по содержанию, природе каузаторов, но различны по степени интенсивности и масштабам. В русском языковом сознании стыд может репрезентироваться амбивалентно. Общими для языковых картин мира являются представления о когнитивной природе стыда как о состоянии, способствующем более эффективно-му приспособлению человека к условиям общественной жизни.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
2. Стыд // Психологический словарь. URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word = 957> (дата обращения: 20.11.2013).
3. Толковый словарь русского языка / гл. ред. Д. Н. Ушаков. Т. 3. – М. : Наука, 1939. – 734 с.
4. Эмоциональные состояния // Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/21234 (дата обращения: 17.11.2013).
5. Shame // Oxford advanced learner's dictionary. URL: http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/dictionary/shame_1 (дата обращения: 8.11.2013).

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК СРЕДСТВО ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Г. И. Гетманская, Л. Ф. Родионова, М. В. Потапешкина
Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова

Summary. Language is the most outstanding cultural indicators of the people. One of the fundamentals of the saving and reproduction of ethnic-cultural information are proverbs and sayings. They contribute to the adaptation, integration and socialization of the students of different ethnic communities.

Key words: Russian language; proverbs; sayings; knowledge; students; ethnic-cultural traditions; competence; labour.

Современный образовательный процесс предполагает не только приобщение к общечеловеческим ценностям, но и усвоение ценностей национальных. Наиболее ярким показателем

культуры народа является язык, отражающий его судьбы, нравы, традиции. Этнокультуроведческие знания привлекаются обычно при изучении иностранных языков в контексте лингвострановедения. Однако, на наш взгляд, эти сведения педагогически целесообразны и при изучении родного языка. Каждая, даже минимальная, языковая единица может заключать максимальный экстралингвистический контекст, так как является обобщённым отражением реальной действительности (А. Н. Леонтьев). Одним из основных средств хранения и передачи этнокультурной информации являются устойчивые обороты языка, прежде всего пословицы и поговорки. В пословице «заложены... линии речевого поведения будущих поколений» (Л. В. Щерба).

При обучении русскому языку и культуре речи студентов национальных групп первостепенное значение приобретает работа по обогащению их словарного запаса. Пословицы, поговорки, загадки способствуют развитию речи, обогащению словаря, помогают анализировать прочитанное, выявлять его идейный смысл.

Учитывая славянскую многонациональность нашей республики, при подборе материала к занятиям на отдельных карточках пишутся русские пословицы. Можно привести и близкие им по значению украинские, болгарские, белорусские, польские, молдавские, гагаузские, греческие, армянские эквиваленты. При наличии незнакомых слов или устойчивых сочетаний на карточках приводится их толкование. Так, в пословице «*Не сиди сложа руки, так не будет и скуки*» следует объяснить фразеологизм *сложив руки* – т. е. ничего не делать, бездельничать.

Карточка 1. Прочитайте пословицы. Объясните, как вы их понимаете.

За всякое дело берись умело. Жизнь измеряется не годами, а трудами. С мастерством люди не рождаются, а добытым ремеслом гордятся. Глубже вспашешь – больше хлеба возьмёшь. Любовь к труду у всех на виду.

Карточка 2. Прочитайте пословицы. Переведите их на родной язык.

Плуг от работы блестит. Дело мастера боится. Хорошо поработаешь – хорошо и отдохнёшь. Не боги горшки обжигают. Кто ест скоро, работает скоро. Работа черна, да денежка бела. Ремеслу везде почёт.

Карточка 3. Прочитайте пословицы и поговорки. Подберите к ним близкие по смыслу.

У плохого мастера и пила плохая. Не замочишь ног, рыбки не поймаешь. Игра игрою, а дело делом. Не тому почёт, кто много говорит, а тому, кто трудом чудеса творит. Не работая, сыт не будешь.

Карточка 4. Прочитайте и запомните пословицы.

Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалея. Хозяйство умелую руку любит. Кто честно трудится на земле, тот дорог Родине вдвойне.

Студентам предлагается вспомнить русские и молдавские, украинские и болгарские, а также других народов пословицы и поговорки, посвящённые труду, объяснить смысл этих пословиц и поговорок. Вариантов заданий, связанных с использованием этих конструкций на занятиях по русскому языку, может быть много. Можно подготовить (для каждого студента) карточки с пословицами и поговорками и заданием объяснить их смысл, а также употребить в разных речевых ситуациях.

Пословицы и поговорки помогают увязать изучаемую тему с закреплением грамматического материала. Так, лексико-грамматический материал темы «*Труд в жизни человека*» предполагает знакомство с выражением сказуемого глаголами совершенного и несовершенного вида (время действия, наклонение), выражением объекта существительными в в. п. с предлогами *в, на, за, через*; в р. п., д. п., тв. п. В связи с этим мы предлагаем студентам такие упражнения:

Задание 1. Прочитайте пословицы. Определите время и вид глаголов. Подчеркните личные окончания.

Труд кормит, а лень портит. Поспешись – людей насмешись. Труд и накормит, и научит. Не по словам судят, а по делам. В работе железо не ржавеет. Почёт и труд рядом живут. Кто любит труд, того люди чтут.

Задание 2. Прочитайте пословицы, выпишите из них глаголы в повелительном наклонении. Определите вид этих глаголов.

Меньше говори – больше делай. Не спеши языком, торопись делом. Не гони коня кнутом, а гони овсом. Не за своё дело не берись, а за своим – не ленись. Посмотри на обитель, увидишь, что за строитель.

Задание 3. Поставьте вопросы к глаголам. Вставьте, где нужно, мягкий знак.

Будешь упорно трудит...ся – всего сможешь добит...ся. Что в молодости посееш..., то в старости пожнёш... Грамоте учит...ся всегда пригодит...ся. Всякое дело человеком ставит...ся, человеком и славит...ся.

Задание 4. Употребите глагол-сказуемое во 2-м л. ед. ч.

Не натопит – не погрееется. Что посеет, то и пожнёт. Баснями сыт не будет. Летом не вспотеет, так и зимой не согреется. Без труда не вынет и рыбку из пруда.

Задание 5. Поставьте вопросы к данным пословицам. Выпишите существительное *труд* и укажите его падеж.

Труд радостью богат. По труду и почёт. Кто первый в труде, тому слава везде. Какие труды, такие и плоды. Деревья смотри в плодах, а людей – в трудах. Не пожалеешь трудов – снимешь с гектара двести пудов.

Задание 6. Выпишите пословицы. Употребите данные в скобках существительные в нужном падеже.

Без (волнение и забота) не жди (радость) от (работа). Умение в знании, знание – в (учёба), учёба в (жизнь), жизнь – в (борьба). Живи своим (ум), а честь расти (труд). Не в (борода) честь, борода и у (козёл) есть. Первое в (жизнь) – честно служить (Отчизна). Не бойся первой (ошибка), избегай второй. Не умеешь шить (золото), научись бить (молот).

Задание 7. Прочитайте пословицы и поговорки. Слова в скобках употребите в тв. п. Запишите восстановленное.

Весна красна (цветы), а осень – (снопы). Пой лучше хорошо (щеглёнок), чем дурно – (соловей). Курица (клюв) яйца несёт. Красуйся не (улыбка) сладкой, а трудовой (хватка). Добрым (семя) поле засевай – никогда нужды не знать. До пота поработаешь – со (вкус) поешь. Игра (игра), а дело (дело).

Интересно проходит игра с пословицами «*Во всех надеждах и числах*». Игра заключается в том, чтобы найти пословицы и поговорки с избранным участником игры словом, которое употреблялось бы во всех падежах ед. ч. и мн. ч. Например:

Ед. ч.: И. п.: Дело шуток не любит. Р. п.: От слов до дела целая верста. Д. п.: Не по сути дело, а по делу суть и т. п.

Мн. ч. И. п.: Дела как сажа бела. Р. п.: Всех дел не переделаешь. Д. п.: По твоим делам о тебе судят. В. п.: Жизнь дана на добрые дела и т. д.

Можно предложить студентам конкурс по подбору таких пословиц, в которых были бы глаголы различных спряжений. Например, предлагается отыскать шесть пословиц, в каждой должны быть представлены глаголы 1 и 2 спряжения.

Для справок: Если работать любишь, человеком будешь. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Как сделаешь, так и износишь. Раньше начнёшь – раньше и кон-

чишь. Часок отстанешь – днём не догонишь. Упустишь минуту – потеряешь час.

Можно предложить студентам, чтобы в каждой из шести новых пословиц были бы глаголы на *-ться* и *-тся*.

Для справок: Кто умеет веселиться, того горе боится. Не плюй в колодец: пригодится воды напиться. Не надо хвалиться, коли не знаешь, как рожь родится. Кто любит трудиться, тому без дела не сидится. Кто хочет от жизни толку добиться, тот ничего не боится.

Очень полезны творческие задания, сочинения на заданную тему с включением в их содержание изученных пословиц и поговорок. Можно рекомендовать студентам написать сочинение-миниатюру «*В труде красота человека*». При подготовке к сочинению мы предлагаем студентам следующие вопросы: Какие качества воспитывает в нас труд? Какие виды труда вы знаете? Какие личные качества необходимы для труда? Что говорили о труде великие люди? Можете ли вы вспомнить яркие примеры из художественной литературы или из жизни ваших родителей, близких, учителей, связанные с трудом? Какому труду вы посвятите себя в будущем? Вспомните пословицы и поговорки о труде, используйте их в своём сочинении.

Пословицы и поговорки можно использовать при проведении творческих диктантов с использованием приёма распространения и орфографического комментария.

1. Семь раз отмерь, а ... (студенты дополняют текст, комментируя написание глагола *отрежь*: глагол в форме повелительного наклонения, 2-го лица, ед. ч., пишется с Ъ на конце слова, отвечает на вопрос *что сделать?*).

2. Не сиди сложа руки, так... и т. д.

Можно предложить студентам составить викторину на материале пословиц и поговорок, содержащих синонимы и антонимы.

Для заучивания пословиц полезно время от времени проводить викторины «*Кто знает больше пословиц и поговорок?*» Данный вид работы позволяет активизировать работу студентов на занятиях по русскому языку и культуре речи, закрепляя в памяти примеры сложных правил правописания.

Таким образом, пословицы и поговорки представляют величайшую ценность для совершенствования языковой и нравственной компетенции студентов национальных групп, придают речи молодёжи выразительность, точность, эмоциональность и колоритность. Они учат доброте, терпимости, отзывчивости, любви к труду и родной стране, вниманию к окружающим людям, не

позволяют предать забвению то, что сохранялось веками и передавалось из уст в уста. Живой язык, живая русская речь, воплощённые в них, без всякого сомнения, служат объединению, а не разобщению народов. Ведь именно язык является выражением общеславянской души.

Библиографический список

1. Бреслав С. Л. Пословицы и поговорки. – Л., 1968.
2. Меткое русское слово / сост. К. Васильев. – СПб., 2008.
3. Гетманская Г. И., Родионова Л. Ф. Комплексный анализ текста : учеб. пособие. – Т., 2010.
4. Гетманская Г. И., Родионова Л. Ф., Русский язык и культура речи : практикум для студентов-нефилологов. – Т., 2010.
5. Мельник А. А. Пословица – делам помощница. – К., 1966.

ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Н. В. Кузьмич
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

Summary. The poetics' peculiarities of Belarusian writer's Kuzma Cherny novel «Mlechny shlyah» are revealed in the thesis. For the first time a special research of particulates showing of national mentality, dialectic national and human essence has made in the thesis too.

Key words: dialectic national and human essence; the poetics' peculiarities; novel.

Классик белорусской литературы Кузьма Черный (1900–1944) проявил себя мастером создания и разрешения в художественных образах острых жизненных коллизий, в которых отразились актуальные проблемы своего времени. В прозе писателя отчётливо прослеживается концепция человека, который в испытаниях, преодолевая свои слабости и трудности, ищет возможности реализовать интересы и устремления, найти своё счастье в переменчивом и противоречивом мире. В данном материале рассматриваются особенности показа диалектики национального и общечеловеческого в романе Черного «Млечны Шлях».

В романе «Млечны Шлях» (1944) по-философски осмыслены многие проблемы, волнующие каждого человека: о ценности человеческой жизни и её смысле, об аморальной сущности войны, о духовной деградации личности, пришедшей

с оружием на чужую землю убивать. В числе проблем, глубоко отражённых в романе, – диалектика национального и общечеловеческого, что определяет приоритеты в смысле и назначении человеческого бытия.

Война. В глухой чаще белорусского леса заблудился бык; он отбил от стада, которое гнали немецкие оккупанты для своих нужд. В поисках пищи, блуждая лето и осень по лесам, бык попал в своеобразную западню – в заросли кустов и деревьев. Так сложилось, что, идя на бычий рёв, как на сигнал о спасении, столкнулись четверо тех, кто затерялся на огненных дорогах войны. Это, как выяснилось потом, были белорус Владимир Ермолицкий, бежавший из немецкого плена, поляк (одет в лёгкий пиджачок) и два немца: толстый (полковник) и припухший (рядовой), часть которых была разбита Красной армией. Казалось бы, локальный эпизод, какие на войне могут возникать каждый день; писатель сумел за ним увидеть огромного смысла социально-нравственную и духовную проблему, имеющую глобальное значение. Здесь не гремят орудия, не идёт в атаку пехота, не сражается в смертельной схватке штурмовая авиация; здесь, вдали от огненной лавины фронтов, несущих смерть и разрушения, испытывалась на прочность самая тонкая материя – духовные устои человека, его способность в экстремальной ситуации не уронить человеческое достоинство, защитить его любой ценой. Стремление выжить, спасаясь от голода, привело случайных попутчиков в деревенскую избу Николая Семаго, который ещё раньше оказался здесь с двумя дочками Мариной и Ганусей, потеряв жену в Минске при бомбежке города. Убив быка, они, четверо, не только утолили голод, – во время необычной трапезы выявили свою человеческую сущность. Писатель через диалоги, авторские отступления и размышления, внешние характеристики, пейзажные зарисовки психологически точно раскрывает внутренний мир каждого. Характерно, что у немцев и поляка нет имён; они узнаются по внешним признакам, чем подчёркивается их чуждость и случайность на этой земле. Интерес немецкого полковника замыкается на еде, он с жадностью хватается куски горячего мяса. Поляк, как признаётся сам, пришёл сюда, чтобы найти и получить в собственность усадьбу своих родственников, когда-то живших здесь, – судьбы здешних людей ему безразличны; в немецкую армию он вступил, лелея мечту о том, что с помощью фашистского рейха удастся вернуть великую Польшу.

Основное действие романа развёртывается в избе Николая Семаго, построенной в своё время его родителями. Это не только сюжетный знак. За ним – национальная черта белоруса. Он никогда не воевал с целью захвата чужой земли. Исторически так сложилось, что всегда приходилось защищать свой дом от завоевателей. Потому и дорог этот дом. В нём особенно неизбывно чувство национального; оно поднимает на борьбу, придаёт силы, внушает оптимизм. Тот же Николай Семаго, покидая Минск, разбомблённый фашистами, стремится именно в родительскую обитель. Здесь он надеется вместе с дочерьми найти способ борьбы с завоевателями.

К своей матери, живущей в деревне, вырвавшись из немецкого плена, пробивается глухими лесными тропами студент Владимир Ермолицкий. Он одержим жадной бить врага, топчущего кованым сапогом родную землю; его рефлексии полны раздумий о счастье в будущем для всех людей. Он так размышляет в условиях, когда на каждом шагу подстерегает смерть: «... каждый человек – надо, чтобы посадил на своём веку хоть бы одно дерево и возвёл, если не дом, так хоть избу. Это всё переживёт его и останется людям. Когда-нибудь придёт время, что человека такого не будет во всем мире, который не имел бы, где жить. Так мы должны заботиться обо всём мире. Пускай живёт всемирная забота о каждом человеке, который хоть где на земле родился на свет. И чёрное проклятье тому, кто сжигает и разрушает!» [1, с. 405].

Писатель через устремления Николая Семаго и Владимира Ермолицкого раскрывает типичное в национальном характере белоруса – привязанность к родному очагу, где обретается оптимизм и жажда свободы; здесь познаётся красота мира, которая выше и сильнее временных расчётов завоевателей. Думается, глубоко символичен в романе художественный образ Млечного Пути. Вечером его заметила на небе Гануся; девочка, несущая в сердце боль и тревогу, была восхищена его красотой так, что не могла не поделиться своей радостью. Все, кто был в избе, залюбовались в той или иной мере. За исключением толстого немца, его интересы ограничились едой и сном на тёплой крестьянской печи.

Образ Млечного Пути, по замыслу писателя, безусловно, стал художественной доминантой. Он должен был объединить всех персонажей, которые по стечению обстоятельств, столкнулись на войне не в прямом противостоянии в окопах, а в несколько необычной ситуации. Этот образ несёт в себе общечеловеческое

начало, которое способно примирить людей разных национальностей. И Гануся, и её отец Николай Семаго, и студент Владимир Ермолицкий всей душой, преодолевая раны в сердце, потянулись к красоте звёзд. Это для них не просто скопление небесных тел. Это – отношение к тому, что возвышает человека над распрями. К сожалению, у немца с припухшим лицом вид Млечного Пути вызвал только на некоторое время положительные эмоции: он вспомнил свою дочь Гертруду в Германии, даже сказал о том, что ему, уже человеку в годах, не хотелось бы воевать на чужой земле. Но, как показали события, такая сентиментальность была вызвана лишь обстоятельствами. Мрачным остался образ толстого немца (полковника). Эгоизм, замешанный на захватнических интересах, суживает национальное до стремления жечь и убивать, поработать других. Красота звёзд для него ничего не стоит; она просто не существует. Он – в отличие от немца с припухшим лицом – ни разу не вспомнил свою родину или же семью. В его образе отчётливо прослеживается мысль: национальное, оторванное от общечеловеческого, вырождается. Оно неизбежно заканчивается трагедией для его носителя – толстый сгорает в огне вместе с другими завоевателями, которых подожгли в избе Николай Семаго и его дочь Гануся. Тем самым утверждается мысль о том, что национальное, отделённое от общечеловеческого, неизбежно обедняется, оно несёт угрозу своему существованию; диалектика их такая, что в противостоянии они превращают как личность, так и отдельные народы в губителя собственных интересов. Духовный противовес толстому немцу выведен в образе студента Владимира Ермолицкого. Убежав из немецкого плена из-под Смоленска, он стремится в родной дом, где живет мать. Он не мыслит себя вне борьбы с врагом, считая, что отдельный человек счастья может достичь лишь тогда, когда оно будет у каждого; он видит будущее через образ своей возможной дочери, которая будет жить в свободной стране. Однако путь к этому очень сложный, даже трагический. Придя вместе с Ганусей и Николаем Семаго к месту, где был дом матери, увидел лишь пепелище. На нём нашлась дощечка, на которой написано, что мать повесили за то, что скрывала место, где находится сын.

Всего лишь немногим более суток длится действие в романе. Основное место – дом, где до войны жили родители Николая Семаго, чудом уцелевший от огня. Сюжетная линия завязана на отношениях людей, сведённых войной вместе случайно и на короткий срок. В их действиях – через художественную ткань про-

изведения – проявились сущностные проблемы человеческого бытия. Мы видим, что национальное, питаемое здоровыми духовно-нравственными ориентирами, возвышает человека; оно естественно вливается в общечеловеческое, обогащая своим содержанием и обогащаясь само. Национальное же, основанное на эгоизме интересов, вырождается в националистическое. Оно несёт с собой разрушение, вступая в противоречие с общечеловеческими ценностями. В романе, исходя из такого принципа, чётко определилось разделение: с одной стороны, люди, несущие в себе национальное начало, неотделимое от общечеловеческого, это Николай Семаго и его семья, студент Владимир Ермолицкий; с другой – два немца и поляк (все без имён), которые, вступив с оружием на чужую землю, превратились в опасных националистов, готовых убивать ради эгоистических целей, не имеющих ничего общего с общечеловеческими ценностями.

Закономерно, что оба немца как носители националистической идеологии, приведшей их к захватнической войне, гибнут в пожаре на чуждой им земле. Будущее за национальным, которое стремится к гармонии с общечеловеческими идеалами. В книге это передано в лице Николая Семаги, его дочери Гануси и студента Владимира Ермолицкого. Через трагедии, неся потери родных и близких, они идут на борьбу с тем, что мешает быть счастливым каждому на нашей земле под мирными звёздами Млечного Пути.

Как и в любом произведении, ставшем национальной классикой, в романе «Млечны Шлях» образы, выведенные писателем, не утрачивают актуальности и сегодня, их духовно-нравственная и социальная значимость со временем воспринимается глубже и острее. Сегодня мы свидетели того, как набирает обороты процесс глобализации, сближающий разные народы во многих сферах жизнедеятельности, однако это не ведёт к стиранию национальных различий. Гармонизация национального и общечеловеческого – это путь в будущее. Национальное превосходство, изолированное от общечеловеческих ценностей, грозит превратиться в оружие против всех. И это убедительно раскрыто в романе. В современном мире, насыщенном угрозами и рисками, только сообща можно предотвратить бедствия и катастрофы.

Библиографический список

1. Чорны К. Вераснёвыя ночы : Апавяданні, раман. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 429 с. – (Беларуская проза XX стагоддзя).

ОБРАЗ ДОМА КАК КОНСТАНТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ПИСАТЕЛЯ В. Н. КРУПИНА

Т. В. Кошурникова

Институт развития образования Кировской области,
г. Киров, Россия

Summary. The representation of the Home is the everlasting element of the V. N. Krupin's artistic universe, as the author appeals frequently to the topic of motherland, of his native home, of his family. The recalling is one of the main methods used by the author in order to create the representation of the Home. For V. N. Krupin the Home is the the spiritual concept, covering the spiritual relationships with all the members of his family, with his countrymen, as well as with his compatriots.

Key words: author; hero; the representation of the Home; everlasting element; generalization; spirituality; the author's artistic universe.

Литературный процесс последней трети XX века стал этапом поисков и творческого самоопределения самобытного прозаика Владимира Николаевича Крупина. Детские и юношеские года В. Н. Крупина прошли в Кильмезьском районе Кировской области. Многослойность крупинского текста открывает путь к содержательному диалогу читателя и автора, в недрах которого – история и современность, мысли о будущем, глубинный пласт отечественной культуры, духовный опыт поколений.

Читая произведения В. Крупина, мы отмечаем постоянное обращение писателя к теме малой родины, к теме родного дома, к теме семьи. Для Крупина – это Вятка, особый вятский характер. В рассказах писателя тема малой родины, образ Дома реализуются через образ его семьи, родного дома, родного села Кильмезь, а также образ Вятского края в целом.

В рассказах В. Н. Крупина герой, как правило, – образ автобиографический, носитель народных черт, который свято хранит память о родной земле, о корнях, постоянно возвращаясь в родное село и в мыслях, и наяву (в гости). «Уже давно меня никуда не тянет, только на родину, в милую Вятку, и в Святую землю. Святая земля со мною в молитвах, в церкви, а родина... родина тоже близка. И если в своем родном селе, где родился, вырос, откуда ушел в армию, в Москву, бываю всё-таки часто, то на родине отца и мамы не был очень давно. И однажды ночью, когда стиснуло сердце, понял: надо съездить. <...> Надо ехать, надо успеть. Туда, где был счастлив, где родились и росли давшие мне жизнь родители. Ведь отцовская деревня Кизерь и мамина Мелеть значили

очень много для меня. Они раздвинули границы моего детства, соединили с родней, отогнали навсегда одиночество; в этих деревнях я чувствовал любовь к себе и отвечал на нее любовью» [1, с. 217], – повествует автор в рассказе «Отец, я еще здесь».

Воспоминание – один из главных приемов, которым пользуется В. Н. Крупин для создания образа Дома. И это естественно: всё, что дорого автору, навсегда остается в его памяти. Причем, часто это совсем неприметные детали, случаи, то, что в жизни, как правило, не представляет интереса. Однако под мастерским пером писателя эти сценки из жизни обретают новое звучание. Для таких рассказов справедливо замечание литературоведа М. Бахтина: «Всё, что является бытом по отношению к существенным биографическим и историческим событиям, здесь как раз и является самым существенным в жизни» [2, с. 374]. Так, например, в рассказе «Бумажные цепи» образ Дома вырастает через воспоминание о детстве, о праздновании Нового года. Прием повествования от первого лица придает окраску задушевности: «С годами всё обостреннее вспоминается детство, особенно Новый год. <...> Мы сами созидали его. <...> Надо было делать новые игрушки. И фонари, и цепи, и снег, и флажки. <...> Мало-помалу налаживалась работа дружной бригады. <...> Младшие улепляли игрушками подол елочки, мне доставались ветви повыше, маме еще повыше, брат залезал на табуретку и украшал самый верх. Сестра подавала ему игрушки и командовала. Отец осуществлял общее руководство. <...> Мы любовались елкой. Отец начинал рассказывать, какие елки были в его детстве» [3, с. 132].

Умение автора видеть в малом – большое, в личном – сокровенное воплощается в эпической картине сельской жизни, гармонии семьи и дома, значении общего семейного праздника, единении поколений. Лирика незаметно и свободно переходит в очерково-достоверную картину быта («Клея к этому времени не оставалось, и вместо него пользовались вареной картошкой. Хорошо бы, конечно, сделать клейстер из муки, но если можно картошкой, зачем тратить муку?» [3, с. 133]; «...тогдашние подарки в пакетах из газет: печенишко, конфеты-подушечки, булочка» [3, с. 134].

Повседневность, обычная действительность у В. Н. Крупина обретают вечный смысл: «Самое сказочное, что на следующий год бронзовая картонная курочка находилась, и мы спорили, где ей лучше жить на елке. Ей на смену терялся домик, потом он тоже находился... И всегда, всегда делали бесконечные бумажные цепи, оковывали ими елочку» [3, с. 137].

Художественное обобщение рассказу придает публицистическая мысль автора в финале: «И вот я, понимающий, что в моей жизни всё прошло, кроме заботы о жизни души, думаю теперь, что именно этими бумажными цепями я не елочку украшал – я себя приковывал к родине, к детству. И приковал. Приковал так крепко, что уже не откуюсь. Многие цепи рвал, эти не порвать. И не пытаюсь, и счастлив, что они крепче железных. Правда, крепче. Детство сильнее всей остальной жизни» [3, с. 137].

Для Крупина Дом – это и село, где он родился, а значит, и люди, которые живут там. «Я торопился на встречу с живой родней. Родня – великое слово! Да, родню нам дает судьба, друзей мы выбираем сами. Но, как говорила мама: «Свой своему поневоле друг». Вот это «поневоле» с годами превращается в щемящую необходимость помнить о родне, вызывает в душе неистребимое чувство древней кровной связи. И так защемит иногда сердце, что родни прежней остается всё меньше и еще меньше ее нарождается» [1, с. 218].

Дом, малая родина для Крупина – это и вся Вятская земля. Множество произведений посвящено Вятке – рассказов, очерков, повестей, дневников... «Не странно ли, скоро двадцать лет в Москве, а всё как в гостях. «Еду домой» – вот как хотел начать это письмо, которое не утерпел писать, привыкнув за это время к ним. Домой? И здесь дом. Так и живу нараскорячку», – эта цитата из повести в письмах «Сороковой день» передает состояние человека, которому хорошо знакомо ощущение постоянной связи с родительским домом, со своими корнями даже после переезда.

Вятка для писателя не только – место рождения, но, что не менее важно, В. Н. Крупин постоянно ощущает духовное родство с этой землей, с земляками. Неслучайно особо дороги писателю святыни родной земли. Одной из таких святынь является село Великорецкое, знаменитое обретением здесь чудотворной иконы святителя Николая в 1383 году и Великорецким крестным ходом в честь нее. Около 1400 года жители города Хлынова – столицы Вятского края просили отпустить образ Чудотворца в Хлынов, обещав ежегодно приносить его на место явления. Так свыше 600 лет назад возник Великорецкий крестный ход, который был и остается самым продолжительным крестным ходом в православном мире и одним из самых многолюдных в России» [4; 5]. «Давно и навсегда полюбив село Великорецкое, я приезжал в него в разное время года и, конечно, пятого июня, в самый день обретения иконы, выкупаться в Великой и постоять на молебне.

Но приезжал, а не приходил, вот в чём огромная разница. А приезжать не считается, надо идти ноженьками. <...> И вот нынче, благословясь, я кинулся в Вятку.

И уже наутро пил из источника в Трифоновом Успенском монастыре, как раз в том, откуда начинается Крестный ход на Великую», – пишет Крупин [5, с. 59].

Открытые финалы – одна из особенностей рассказов В. Крупина, причем их чаще всего отличает особая лиричность, проникновенность.

Рассматривая подробно образ Дома в творчестве Крупина, можно представить художественное пространство рассказов писателя в виде своеобразной «пирамиды», где наглядно проступает взаимосвязанность и взаимообусловленность всех уровней понятия:

Россия (соотечественники)
Вятка (земляки)
Родное село (односельчане)
Семья (корни).

Первоначальное значение Дома для Крупина – это семья, это не только члены настоящей семьи и многочисленные родственные связи, но и в первую очередь – представители предшествующих поколений, «корни». Их образ всегда хранится в воспоминаниях автора, в крестьянском быте, в народной мудрости... В одном из последних рассказов «Отец, я еще здесь» (2006) Крупин пишет: «...Мой поклон, дедам-ямщикам, которые своим трудами нажили состояние, за что их большевики спровадили в Нарымский край. Но и эта боль опять же давно улеглась, а состояние – двухэтажный каменный дом, выстроенный на огромную (десять дочерей, один сын) семью, хотелось навестить. Именно в **этот дом** я приезжал совсем мальчишкой к деду...» [1, с. 221] <...> «Двухэтажный дом я узнал сразу, он и сейчас был самым большим, хотя и он сократился: раньше в нём было по восемь окон на улицу, осталось по пять. Никаких ворот, никакого двора не было. И годы спустя я чувствовал, как дом мозолил глаза большевикам, да и у своих вызывал зависть – кулаки живут. <...> Я стоял у дома отца. Вот и сейчас понимал, что всегда уже буду **помнить этот огромный** на голом пространстве запущенной земли **дом**, без цветов на широких подоконниках, без тюлевых занавесок, с выбитыми стеклами, с крапивою под окнами вместо цветника» [1, с. 223].

Авторская мысль рассказа выражена в строках Священного писания, что создает нравственно-философское обобщение. «Дом отца скрылся за деревьями. Чем можно было утешиться – конечно, только Священным писанием. Ведь даже и в земле обетованной Авраам обитал как на земле чужой, а пришедшие с Авраамом «радовались и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле... они стремились к лучшему, то есть к небесному» [1, с. 222].

Далее «Дом» Крупина можно соотнести с родным селом, а именно с теми людьми, которые его населяют. Духовное родство, единение постоянно обнаруживает писатель со своими земляками-вятячками. Особо дороги автору наш самобытный вятский характер, яркая история края, вятская природа, святыни. Именно через соприкосновение со святынями, по мысли В. Н. Крупина, происходит познание России: «Если я хоть мало-мальский писатель, должен же я говорить о том, что спасает нас. Это главное. Спасает Родина. Мы это слово всегда пишем с большой буквы. <...> Господь хранит Россию, мы в России» [7, с. 138].

Таким образом, тема Дома является одной из основных тем в творчестве В. Крупина. ДОМ у Крупина – понятие духовное, вбирающее в себя, прежде всего, духовные отношения со всей семьей, с односельчанами, земляками и соотечественниками. Следовательно, образ Дома выступает в рассказах Крупина как константа художественного мира писателя.

Для писателя важна мысль о неразрывной связи человека со своим домом, семьей, со своими корнями, поэтому во многих произведениях В. Н. Крупин постоянно возвращается в родной, близкий сердцу край детства, к своим истокам.

Библиографический список

1. Крупин В. Н. Отец, я еще здесь // Вятский рассказ. – Киров, 2006. – С. 215–231.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 374.
3. Крупин В. Н. Бумажные цепи // Рассказы последнего времени. – М. : Глобус, 2001. – С. 132–137.
4. Балыбердин А. Г., Дудин А. Н., Крупин В. Н. Великоорецкий крестный ход – 600 лет. – Киров : Кировская обл. типогр., 2000. – С. 4–5.
5. Крупин В. Н. Крестный ход : повесть // Москва. – 1994. – № 1. – С. 58–88.
6. Крупин В. Н. Родные половицы: дневниковые записи давние и современные // Роман-журнал XXI век. – 2001. – № 8. – С. 4–39.
7. Крупин В. Н. Вербное воскресенье // Избранное. В 2 т. Т. 2. – М., 1991. – С. 138.

**ОТРАЖЕНИЕ РУССКО-ЯПОНСКИХ СВЯЗЕЙ
В ОЧЕРКЕ В. Г. ГУЗАНОВА «МИЧМАН МЕНДЕЛЕЕВ
И ДЕВУШКА ИЗ НАГАСАКИ»**

**М. В. Ладилова, О. И. Тутикова
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия**

Summary. In an article we analyze the Guzanov's essay «Midshipman Mendeleev and the girl from Nagasaki»: genre features and Guzanov's personality style, his fate, the extensive social activities to establish the friendly Russian-Japanese ties, his ideology and system of moral values, famous persons and interesting historical facts in his work's. Biographical and literary material of officer, of writer, of diplomat Guzanov has great educational value for students.

Key words: Guzanov's works; genre of the essay; the cultural and political realities; Russian-Japanese relationship; Mendeleev's son; trip around the world of Nicholas II; biographical material on the lesson; integration technologies; intersubject links.

Проблема межнациональных отношений всегда относилась к разряду острых, актуальных, но, как показывает история, окончательно неразрешимых. Это означает, что в студенческой среде требуется постоянная, непрекращаемая работа по укреплению межнациональных связей, по предотвращению межнациональных конфликтов. Пониманию национальных особенностей каждого народа, воспитанию уважительного отношения к представителям другой этнокультуры способствует изучение литературного наследия В. Г. Гузанова (1928–2006), славного уроженца нижегородской земли, к сожалению, мало известного нынешней молодежи. Ценным материалом является и его биография, так как чтение текстов биографического и рефлексивного характера соответствует повышенному интересу молодых людей к проблемам становления личности и самосовершенствования, к ситуациям преодоления жизненных трудностей и выстраивания карьеры. Морской офицер, окончивший легендарную школу юнг, писатель и журналист, раскрывающий неизвестные моменты военной русской истории, сценарист и режиссер, народный дипломат, налаживающий русско-японские связи, родился В. Гузанов в крестьянской семье в Княгининском районе Горьковской области. Семья пережила тяжелые невзгоды коллективизации: раскулачивание, арест, ссылку. В школу юнг на Соловках школьник Гузанов попал из Горького, там и встретил войну. Служил на кораблях морфлота, стал капитаном I ранга. Школа юнг («юнгов», как говорили в то время) с её мальчишеским братством определила

характер 15-летнего паренька и человеческие связи на всю жизнь, беззаветную преданность морскому делу и уважение людей за их профессионализм, труд и честь. Самые яркие события и характеры запечатлены в его книгах и фильмах.

Первой литературной работой считается историческая повесть «Одиссей с Белой Руси» о первом российском императорском консуле в Хакодате, его 8-летней деятельности по установлению торговых и дружеских контактов с японцами. Впоследствии повесть была переведена на японский и белорусский языки. Япония надолго стала предметом научного интереса Гузанова, он даже участвовал в переходе кораблей вокруг Европы и Северным морским путем на Дальний Восток. В июле 1994 г. книга «Одиссей с Белой Руси» была удостоена Международной премии «Золотой кортик». В 1996 г. – ещё одна награда: повесть «Волчий фьорд» получила премию имени Валентина Пикуля, с которым он учился в школе юнг и дружил всю жизнь. В 2000 г. сборник повестей и рассказов «Самурай в России» взял премию на Всероссийском конкурсе. В библиографии Виталия Григорьевича представлена разнообразная жанровая палитра: историческая и документальная повесть, хроника, сценарии, киноповесть, исторический этюд, повесть-воспоминание, статья, очерк. По его сценариям (в 1961 г. Гузанов окончил ВГИК) снято более 60 фильмов различных жанров – учебных, научно-популярных, художественных. Он был главным редактором и членом сценарно-редакционной коллегии на студиях Казани, Минска, Москвы, в том числе – главным редактором киностудии Министерства обороны СССР.

Следует отметить, что литературное и кинематографическое наследие В. Гузанова найти нелегко. В глобальной сети довольно много биографических документов, но практически нет в открытом доступе книг и статей, а фильмы до сих пор не оцифрованы. Но то, что авторам данной работы найти удалось, конечно, заслуживает внимания и более пристального изучения, так как отличается значительностью темы и высоким мастерством исполнения. Речь идет об очерках Гузанова, опубликованных в период с 2000 по 2006 гг. в журнале «Япония сегодня» [1], членом редакционного совета которого в течение многих лет он являлся. Читатели найдут в них крепкую нравственную основу, столь необходимую для становления личности. Очень интересен, на наш взгляд, очерк «Мичман Менделеев и девушка из Нагасаки» [2].

Это очерк события. Автор очерчивает, конечно, и канву жизни героя, его личность, его поступки и систему ценностей,

но в центре – событие: роман Владимира Менделеева и японской девушки, его предыстория и окончание. Читатель постигает социальные и психологические характеристики определенного общества в конкретный исторический период. Героям Гузанова «ничто человеческое не чуждо». Правдивость и объективность автора делает эти образы понятными и близкими читателю.

Очерк состоит из пяти небольших частей: «Девочка у причала», «В кругосветку по протекции», «Порт невест», «Ты наша сила...» и «Точка в конце романа». Как и многие очерки Гузанова, он начинается с того, что М. М. Бахтин [3] так удачно назвал хронопом: с обозначения времени («Шли десятые годы XX века») и места действия («остров Такабоко»). Русско-японские отношения в начале XX века нельзя назвать спокойными, но перед читателем предстает умиротворяющий морской пейзаж: «мыс Кодзаки», приближение фрегата к Нагасаки с моря, бухта, затем вся панорама города. Очеркист практически не использует эпитетов: лишь один поэтический штрих (спугнутая фрегатом стая чаек) и один символ (Андреевский флаг на фрегате) – но этого достаточно, чтобы пробудить в сознании читателя нужные исторические и романтические ассоциации.

Этот же прием рисования – при знакомстве с Русской деревней в Нагасаки. Описание насыщено географическими названиями и названиями учреждений, что создает ощущение достоверности: российское консульство, морское воинское кладбище, госпиталь, агентство Доброфлота, рестораны, мелкие трактиры, пристань. Типичные представители тех мест – уличные торговцы, рикши, зазывалы, девицы. Нет эпитетов, лишь перечисление объектов, будто попадающих постепенно в поле зрения наблюдателя. В двух коротких абзацах – не только точное описание места, но будто фрагмент из жизни портовой деревни того времени. Япония является для русского сознания страной экзотической, и Гузанов проясняет существующее в русском коллективном сознании представление об отношениях двух наций. Пейзажи и характерные черты японской стилистики могут быть здесь представлены искусствоведом через образцы изобразительного искусства.

Во втором абзаце появляется интрига: на пристани маленькая девочка с необычной внешностью («русоволосая, со светлым личиком», но с характерным для японцев разрезом глаз), которая спрашивает у моряков о фрегате «Память Азова». Так в очерк входит русская тема, и писатель вынужден обратиться к предыстории. В 1890–1891 гг. цесаревич Николай, будущий император,

на этом фрегате совершает кругосветное путешествие с образовательной целью; мичман Владимир Менделеев, сын знаменитого ученого, принимает морское крещение на том же фрегате. Здесь же история женитьбы Дмитрия Менделеева на нелюбимой Феодре Лещевой и поздней влюбленности в «семнадцатилетнюю воспитанницу Академии художеств»; дневниковые записи-свидетельства его зятя – знаменитого поэта Александра Блока; встреча Владимира с японкой по имени Така в Нагасаки; рождение их дочери, о которой он так и не узнал, так как умер вскоре после возвращения из плавания от простуды. Следует отметить тактичность, бережное отношение автора к личной жизни своих героев, ни йоты пошлости и «желтизны». За взглядыванием в интимные факты жизни известных людей стоит желание выявить нравственные ценности, жизненные закономерности, национальные особенности, на примере отдельной судьбы показать роковые ошибки или моменты взлета человеческого духа.

С большой симпатией Гузанов рисует образ японской девушки Таки: «Така полюбила русского моряка... не очень осторожничала... побоялась ему сказать о беременности, считая себя виноватой... Милая девочка Така-сан! Ни злого слова, ни обвинений». В подтверждение он приводит полностью текст письма Таки к Владимиру, сохраняя особенности перевода. Така сообщает любимому о рождении дочери и трудном материальном положении, о намерении верно ждать его («ибо ты есть наша сила»). Мичман Менделеев вряд ли получил письмо от «японской жены», ещё несколько раз ходил в дальние плавания, через 3 года после описываемых событий подал в отставку, в гражданской жизни служил в министерстве просвещения инспектором, много публиковался и путешествовал, а в 1898 г. умер от воспаления легких. «Така узнала об этом лишь в мае 1899-го, когда фрегат «Память Азова» появился, наконец, в Нагасакской бухте». Так замыкается композиционное кольцо. В эпилоге интересный факт: 1909 год, русское православное кладбище, Така с дочерью Офудзи, японской внучкой знаменитого русского ученого, на могиле одного из матросов с фрегата «Память Азова». «Когда тебе будет очень плохо, приходи сюда», – завещает она дочери, потому что когда-то была на похоронах этого матроса вместе с Владимиром, любовь к которому пронесла через всю жизнь.

«Кругосветка» и всё, что связано с личностью цесаревича, описано скупно – это лишь фон для истории мичмана Менделеева, поэтому здесь тоже потребуются обширный исторический комментарий.

Богатый материал представляют книга и фильм «Путешествие Наследника Цесаревича на Восток» [4; 5; 6]: государь Николай II, будучи наследником русского престола, в 1890–1891 годах совершил путешествие вокруг Азии с возвращением через Сибирь. Маршрут путешествия: Греция – Египет – Индия – Цейлон – Ява – Сиам – Китай – Япония – Сибирь. Предложение возвращаться в Петербург через Америку было отклонено; была выбрана именно Сибирь: будущий государь России оказался первым русским царём, посетившим всю необъятную страну. Тяготение России в течение двухсот лет к европейской культуре сменилось в конце XIX века, накануне страшных войн с Европой в XX веке, интересом к Азии. Азиатские страны, тяготившиеся колониальным гнѐтом Англии и других европейских стран, с надеждой взирали на Россию, тем более что русский царь для них – это легендарный «Белый Царь» народных преданий. Дипломатические приѐмы, проведѐнные в связи с приездом будущего правителя великой страны, не имеют себе равных в мировой истории. Были налажены дружеские отношения с Сиамом. Китай впервые принял европейского посланника с царскими почестями. Целый месяц цесаревич провел в Индии, культура которой раскрывала идею древнего индоевропейского единства, волновавшую в то время умы многих. Болезнь родного брата Георгия, сопровождавшего наследника в путешествии, помешала посетить Дарджилинг – ворота к буддийскому Тибету, а это была одна из целей: недаром описание всего путешествия было поручено знатоку бурятского буддизма князю Э. Э. Ухтомскому [4]. Во Владивостоке наследник осуществил закладку Транссибирской магистрали. Изучение древних цивилизаций приведет Николая II в конце царствования к попытке возрождения исконной русской культуры.

Фильм создан на основе иллюстраций художника Н. Н. Казарина к книге «Путешествие на Восток Цесаревича Николая Александровича в 1890–91 гг.» и текста автора этой книги князя Э. Э. Ухтомского. В фильме звучит музыка В. С. Калиникова, И. Штрауса, песни и гимны Российской империи, музыка народов Востока: Греции, Египта, Индии, Цейлона, Таиланда, Китая, Японии, а также бурятские народные напевы и песни русского казачества; включены кадры из фильма «Николай II. Круг жизни» 1998 г.

Лучше представить путешествие помогут рисунки и фотографии из книги Р. Мельникова [7] «Полуброненосный фрегат „Память Азова”». Подготовка к путешествию цесаревича совершалась многосторонняя – от изготовления невиданной роскоши мебели,

предметов оборудования и зеркальных рам из красного дерева, до заказа для шляпок особых флюгарок с золочёными звёздами. В каждом порту наследника престола ждала грандиозная развлекательная программа. Суммы, затраченные на роскошное турне, вызывающая расточительность двора были оскорбительны для морских офицеров и простых моряков, получавших гроши.

Корабельный летописец князь Э. Ухтомский «через 3 года после путешествия издаст великолепную книгу с прекрасным рисунками Н. Н. Каразина».

В. Гузанов не считал свое журналистское расследование законченным: «Как сложилась судьба русоволосой девочки из Нагасаки, внучки знаменитого русского ученого, узнать мне не удалось». Но напоследок автор упоминает о знаменательном историческом событии: «японские власти решили перезахоронить русских солдат, умерших после русско-японской войны в плену от ран и болезней». Сам Виталий Григорьевич много сил отдал этому благородному делу – увековечению памяти русских солдат, оставшихся навсегда в земле Японии. В 1989 г. по инициативе и при непосредственном участии Виталия Гузанова в Хакодате был открыт памятник-бюст И. А. Гошкевичу, первому российскому консулу, в 1994 г. в г. Фудзи – памятник «Дружба» (адмирал Е. В. Путятин и японские рыбаки). В г. Мацуяма осенью 1994 г. был поставлен на кладбище памятник-бюст капитану I ранга В. А. Бойсману, командиру броненосца «Пересвет» порт-артурской эскадры.

Впоследствии Виталий Гузанов написал документальную книгу «И праху близких поклониться...», в которой поименно назвал всех воинов, похороненных на японской земле. Книга была выпущена в Японии под названием «Могилы русских воинов в Японии. 1904–1905 гг.» на японском и русском языках, а сам Виталий Гузанов занимался поиском родственников умерших матросов и солдат в Японии и помог их внукам и племянникам посетить могилы родственников.

Занимаясь историческими связями с Японией, Виталий Гузанов написал 12 исторических книг о Стране восходящего солнца (в том числе книгу «Нагасаки – гавань надежды и благополучия»). Пять из этих книг изданы впоследствии на японском языке.

За многолетнюю неустанную общественную и литературную деятельность, за создание высокохудожественных произведений, за укрепление дружеских культурных и исторических связей между Россией и Японией Виталий Григорьевич Гузанов награжден Орденом Дружбы. Посмертно [8].

Обращение к творчеству В. Г. Гузанова послужит погружению не только студента, но и любого читателя в историческое и геополитическое время и пространство, позволит оценить степень гражданской и социальной ответственности автора, его мирный подвиг «народного дипломата».

Библиографический список

1. Япония сегодня : журнал. – М., 2000–2006. – Все номера. URL: www.japantoday.ru.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1976. – С. 235.
3. Гузанов В. Г. Мичман Менделеев и девушка из Нагасаки // Человек и природа. – М., 2010. – № 11. – С. 30–34.
4. Ухтомский Э. Э. (автор-издатель). Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891 / иллюстрировал Н. Н. Каразин. Т. I. – СПб. – Лейпциг : Ф. А. Брокгауз, 1893 ; Т. II. – Лейпциг : Ф. А. Брокгауз, 1895 ; Т. III. – 1897.
5. URL: http://www.edu-sok.ru/upload/Senchenko%20A_S.pdf.
6. URL: http://img1.liveinternet.ru/largt_Kazarin8ipg.
7. Мельников Р. М. Полуброненосный фрегат «Память Азова». 1885–1925 / издание альманаха «Боевые корабли мира». – СПб., 2003.
8. Окно в Японию : E-mail бюллетень Общества «Россия – Япония». Вып. 45. 2004.11.14. URL: <http://ru-jp.org> ; ru-jp@nm.ru.

РОЛЬ ЧТЕНИЯ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

М. Р. Данилова

**Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия**

Summary. This article examines the reading in the spiritual – moral development of the individual. It is teaching children to read in terms of spiritual, orthodox education will introduce students to the emergence of moral qualities. Well regarded school subject «Basics of religious cultures and secular ethics».

Key words: reading; spiritual-moral education; «Basics of religious cultures and secular ethics».

Сегодня самым главным для подрастающего поколения является духовное воспитание, а духовное воспитание это, прежде всего, чтение книг.

Одним из важнейших способов, содействующих возникновению у детей моральных качеств, является изучение произведений с точки зрения духовного, православного воспитания. При изучении

литературы именно с этой точки зрения у учащихся возникнут такие моральные качества, как сочувствие, уважение, ответственность за свои поступки перед людьми и Богом, терпение, умение просить прощение, доброта, любовь к ближнему. Основное требование – показать на примере литературного произведения законы жизни христианина, научить жить по заповедям Божьим. Особое внимание должно уделяться произведениям, где отражаются библейские заповеди, где говорится о человеческих грехах. Во многих произведениях школьной программы раскрывается тема любви и почитания родителей. В современном обществе эта тема очень актуальна и важна, поэтому она должна стать одной из ведущих при чтении произведений.

Главное требование к анализу произведения – найти правильный выход, а не осуждать человека, ведь в Библии говорится: «Не суди, да не судим будешь».

В связи с этим недавно в школах России внедрили предмет «Основы религиозных культур и светской этики». Как экспериментальный этот курс преподавали в 19 регионах страны еще с 2010 года, а с 1 сентября 2012 года во всех регионах России, также и в Якутии. Предмет включает 6 модулей, из которых ученики по своему выбору или выбору их родителей могут выбрать один для изучения.

Список модулей: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики».

При изучении этого предмета у учащихся формируется мотивация к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа России.

Общеизвестно, что православие сыграло ключевую роль в становлении российской государственности. Понять отечественную историю, литературу и искусство, всё то, чем жили наши предки, и то, что отличает современную Россию от других стран, можно только в контексте православной духовной традиции.

Выбор «Основ православной культуры» обусловлен значением православного христианства для формирования российской государственности и культуры. Даже люди, далекие от церкви, но искренне стремящиеся к тому, чтобы знать и понимать родную историю, должны иметь представление о православии. Изучение основ православной культуры – это начало приобщения ребёнка к нравственным и культурным ценностям, хранимым Русской православной церковью.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что чтение необходимо современному человеку в становлении духовно-нравственной личности. Духовно-нравственное воспитание развивает сознание и чувства детей, вырабатывает навыки и привычки правильного поведения. Маленький ребёнок не имеет ещё нравственных представлений. Воспитывают детей школа, семья и общественность. Степень овладения нравственными представлениями у детей различна, что связано с общим развитием ребёнка, его жизненным опытом. В этом плане велика роль читательской деятельности школьников. Художественное слово воздействует не только на сознание, но и на чувства и поступки ребёнка. Слово может окрылить ребёнка, вызвать желание стать лучше, сделать что-то хорошее, помогает осознать человеческие взаимоотношения, познакомить с нормами поведения. Формированию духовно-нравственных представлений и нравственного опыта способствует сообщение детям знаний о моральных качествах человека. Ведь как говорил крупнейший французский философ Дени Дидро, «люди перестают мыслить, когда перестают читать».

Библиографический список

1. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – М. : Просвещение, 2010. – 24 с.
2. Чернышева Л. Н. Актуализация и пропаганда чтения как социально педагогическая проблема: опыт Великобритании // глобализация и образование в современном мире : мат-лы междунар. конф. – М. : ИТИП, 2008. – С. 177–181.

СТИЛИЗАЦИЯ СЛАВЯНСКОГО ИСКУССТВА НА ПРИМЕРЕ «РУССКИХ СЕЗОНОВ» СЕРГЕЯ ДЯГИЛЕВА

Р. Н. Попова

**Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия**

Summary. article talks about the influence of «Russian Seasons» of Sergei Diaghilev on the European culture, and about the stylization of the Slavic culture. As well as how «Russian Seasons» were perceived by the European public.

Key words: ballets Russes; Diaghilev; stylization.

«Русские сезоны» Сергея Дягилева сыграли одну из ключевых ролей в развитии искусства. Для европейской культуры, которая на тот момент находилась в стадии поиска новых межкультурных коммуникаций, «Русские сезоны» стали настоящим прорывом.

Дягилев предложил стилизацию славянского искусства в контексте современной культуры. Александр Бенуа, близкий друг и соратник Дягилева, пишет в своих воспоминаниях: «Наша русская «дикая примитивность», наша простота и наивность оказались в Париже (в культурнейшем Париже) более изощренной, более передовой и тонкой, нежели то, что там вырабатывалось на месте. Я был прав, когда высказывал предположение, что «наша музыка» и хореография, из нее выросшая, окончательно убьют характерную парижскую салонную „приторность”» [1, с. 512].

Вклад Дягилева в популяризацию искусства славянских народов в Европе начала XX века был невероятно масштабен. Благодаря ему Париж увидел русскую культуру во всём ее многообразии. Таким образом, Сергей Дягилев способствовал расширению мировоззрения европейской культурной среды. Масштабы русского влияния трудно переоценить. «Весь Париж был захвачен этим ярким фейерверком. Как будто гениальный импресарио Сергей Дягилев определял не только оформление «Русских сезонов», но и моду, и косметику, да и весь стиль жизни декадентского парижского общества» [2, с. 53].

Одним из ярчайших примеров популяризации славянского искусства и современной стилизации русского культурного наследия является балет «Жар-птица» 1910 года на музыку Игоря Стравинского, с хореографией Михаила Фокина и декорациями Леона Бакста. В либретто балета – мотив русских народных сказок о волшебной птице, которая является одновременно и благословением, и проклятием для человека, завладевшего ей. Целью Дягилева и его труппы было создание балета на русскую тему, при этом они хотели сохранить эlegantность, не превращая постановку в детскую сказку. «Жар-птица» имела огромный успех в Париже.

«Стравинского встретили с восторгом, что обеспечило желаемый результат: его труппу признали рупором новейших течений не только в хореографии, но и в музыке. Этот возросший престиж вновь привлек на сторону Дягилева Дебюсси. Он писал Жаку Дюрану: «[«Жар-птица»] не идеальна, но с определенной точки зрения это и хорошо, так как музыка не является смиренной рабыней танца. И время от времени ты слышишь совершенно необычные комбинации ритмов! Определенно, французские артисты никогда не согласились бы танцевать под такую музыку... Итак, Дягилев – великий человек, а Нижинский – его пророк» [3, с. 248].

Это было только начало. Амбиции Дягилева никогда не утихали. Он постоянно был в поиске новых идей, новых талантов,

свежих решений. «Его непрестанно преследовала мысль: что делать дальше, чем поразить французов в следующем году?» [4, с. 100] Его неудержимое желание удивить способствовало тому, что Париж был покорен русской культурой.

Благодаря «Русским сезонам» Дягилев подготовил европейцев к восприятию славянской культуры. И если поначалу Париж был захвачен буйством красок, «новой» музыкой, великолепием действия, гармоничным сплетением музыки, танца и живописи. Затем зрители смогли глубже вникнуть в суть русского и восточного искусства.

Дягилев выполнил свою главную миссию – смог убедить парижское общество взглянуть на культуру России и Востока не как на колониальную, а как на равноценную культуру через призму современной стилизации.

Библиографический список

1. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. В 5 кн. В 2 т. – 2-е изд., доп. / отв. ред. Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1990. – Т. 2. – Кн. 4, 5 / послесл. Г. Ю. Стернина, примеч. Л. В. Андреевой и Г. Г. Поспелова. – 743 с.
2. Зелинг Ш. Мода. Век модельеров. 1900–1999 / пер. Ю. Бушуева, Г. Яшина. – Изд-во KONEMANN, 2000. – 457 с.
3. Схейен Ш. Дягилев. «Русские сезоны» навсегда / пер. с нидерл. Н. Возненко и С. Князьковой. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012. – 608 с.
4. Чернышова-Мельник Н. Д. Дягилев: Опередивший. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 475[5] с. : ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1310).

РОЛЬ СООБЩЕСТВА ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ РОССИИ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Т. К. Солодухина, В. И. Солодухин

**Московский государственный университет культуры
и искусств, г. Химки, Московская область, Россия**

Summary. The article reveals the problems of preserving the culture of the Slavic peoples and the role of higher education institutions of culture and arts in the process. Considering a community of colleges as a unique tool for collaboration in questions concerning the preservation of cultural heritage.

Key words: interaction and social partnership; professional training; educational-methodical association.

В современной социально-экономической ситуации расширения интегративного взаимодействия народов, контактов с разными странами обеспечение суверенности, развития и процветания

культуры славянских народов становится важнейшей задачей как в плане обеспечения международной безопасности, так и в плане конечного результата профессионального образования.

Нетрудно заметить, что в условиях глобализации и обрушения традиционной культуры славянские народы испытывают серьезный цивилизационный шок. По мнению ряда исследователей – С. Передерий, В. Д. Солманова, В. И. Говорова, Л. В. Каршиновой и многих других, проблемы славянских народов связаны с рядом факторов [2]. Так, демографические проблемы обусловлены потерями славянского населения еще в годы Великой Отечественной войны, разрушением СССР и блока стран социалистического содружества. Экономические проблемы, вызванные глобализацией, повлекли за собой не только упадок национальных экономик, миграцию славянского населения, но и сужение культурно-образовательного пространства славянских стран. Проблемы нравственности и духовности связаны с разрушением национальных святынь славян, приводят к утрате таких ценностей, как исторически сложившийся культ нравственного начала, гражданственность, соборность, благотворительность и патриотизм славян. Нынешняя славянская молодежь более ориентирована на индивидуалистические ценности Запада, нежели на собственную традиционную культуру.

Сегодня очевидно, что основным проводником традиционной культуры и ее ценностей является образование, так как именно оно формирует мировоззренческую основу культурно-образовательной интеграции славянской цивилизации. Научное сообщество вузов культуры и искусств России прекрасно осознаёт все насущные проблемы славянской культуры и понимает важность предотвращения дальнейшей девальвации культурных ценностей славянских народов. Поэтому сегодня развитие образования в сфере культуры и искусства в России следует рассматривать в контексте диалектики этнокультурного наследия и культурных достижений полиэтнического мира. Нам позволяют это сделать новые параметры функционирования современной образовательной системы – анизотропия (неодинаковость свойств социальной среды), вариативность (множественность выбора индивидуальной траектории образования), этнокультурная коннотация (соотношение общечеловеческого и этнического компонентов, ценностей, взятых во взаимосвязи и взаимообусловленности). Только такой подход позволит обеспечить диалог и партнерство культур в формировании личности, ее многоуровневой идентификации:

персональной, этно- и поликультурной. С этой точки зрения диалог и партнерство культур – это не только гуманитарная составляющая профессионального образования, но и новая парадигма взаимоотношений образовательных учреждений, позиционирующих в качестве принципов своей деятельности уважение, доверие, равенство и партнерство в передаче опыта по сохранению и инновационному развитию славянских национально-культурных образовательных систем.

В Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы важная роль отводится группам отраслевых вузов, вузам гуманитарной и социальной направленности, способным внести существенный вклад в процессы технологической и кадровой модернизации различных отраслей российской экономики, в том числе образования и культуры [3].

Сообщество вузов культуры и искусств – это уникальный инструмент взаимодействия в вопросах сохранения культурного наследия славянских народов, подготовки кадров для его развития и трансляции подрастающим поколениям. Опыт партнерства вузов культуры и искусств Российской Федерации и стран СНГ может послужить основой для объединения усилий в совместной деятельности по развитию этнокультурной составляющей образовательных программ. Среди наиболее обсуждаемых вопросов структура и содержание образовательных программ профессионального образования, их гибкость и вариативность; модернизация технологий профессионального образования в соответствии с требованиями общества и государства и др.

Сотрудничество вузов в решении столь важных задач может быть представлено в четырех представленных ниже модулях.

1. Модуль реализации государственной национальной культурной политики включает расширение культурно-образовательных контактов славянских народов, проведение научно-исследовательских изысканий, общественных слушаний по вопросам культуры и межнациональных отношений, вопросам сохранения национальных языков, культурных традиций, национального самосознания и психологии и др.

Примером такой деятельности может служить принятая в 2007 году «Концепция вузов культуры и искусств Российской Федерации до 2015 года», в которой определены основные приоритеты сотрудничества и партнерства вузов по развитию содержания профессионального образования и международного сотрудничества. Миссией российских вузов культуры и искусств

определена деятельность по сохранению и творческому преобразованию систем духовной преемственности поколений россиян, позиционированию духовных ценностей отечественной культуры в мировом культурно-образовательном пространстве [1]. В 2012 году представители вузов культуры и искусств собрались в г. Брянске на очередной симпозиум «Вузы культуры и искусств в мировом образовательном пространстве», где обсуждался вопрос сохранения и развития культур славянских народов. В форуме приняли участие русские, украинцы, белорусы, болгары и др. Помимо научных докладов, было много мастер-классов, выступлений творческих коллективов, просмотров экспозиций славянской культуры в музеях Брянской области и т. д.

2. Модуль сохранения и развития традиционных культур славянских народов включает проведение совместных мероприятий, фестивалей, конкурсов, смотров и т. д., целью которых является воспитание уважения и чувства гордости за культурные достижения славянских народов, их вклад в развитие мировой культуры. Например, в Московском государственном университете культуры и искусств уже 12 лет проводятся Российские оркестрово-хоровые ассамблеи, в которых принимают участие педагоги и студенты из разных стран мира, в том числе и из славянских стран. Идея проекта принадлежит заведующему кафедрой духовых оркестров и ансамблей, профессору А. Н. Дудину. Или другой пример: Всероссийский конкурс ансамблей русского танца «По всей России водят хороводы», автор проекта – кандидат педагогических наук, профессор В. В. Королев, конкурс проходит при поддержке Министерства культуры Российской Федерации с 2006 года.

3. Образовательный модуль предполагает включение студентов в весь комплекс познавательной, научной и творческой работы с привлечением потенциала этнической культуры, организацию академической мобильности студентов и др. Основное направление работы в рамках этого модуля связано с реализацией направления подготовки «Народная художественная культура», в основе содержания которой лежит русская культура и ее региональные особенности. По данным Центра общественно-государственной аккредитации России (г. Йошкар-Ола) и Учебно-методического объединения, сегодня направление подготовки «Народная художественная культура» реализуют 65 вузов России. Среди них: вузов культуры и искусств – 27 (18); педагогических, классических и др. – 39 (36).

4. Результативный модуль предполагает формирование конкурентоспособности будущих специалистов, расширение подготовки к творческому использованию профессиональных компетенций в современной социокультурной практике, развитие личностно значимых профессиональных качеств. Реализация данного модуля зависит от успешной деятельности всех вузов культуры и искусств, входящих в состав Учебно-методического объединения высших учебных заведений по образованию в области народной художественной культуры, социально-культурной деятельности и информационных ресурсов. Для того чтобы успешно решать вопросы сохранения традиционной культуры, наборы компетенций, отраженные в ФГОС ВПО, и соответствующий им перечень знаний, умений и владений профессиональное сообщество определяло совместно. Также совместно разрабатывалась Примерная основная образовательная программа по направлению «Народная художественная культура». Не только представители всех вузов, но и работодатели из всех регионов России привлекались к экспертизе данного документа. Сегодня сообществом создается учебно-методическое сопровождение всех учебных курсов ФГОС ВПО: учебники, учебные пособия, методические указания, в которых вопросам теории и технологии сохранения культурного наследия славянских народов уделяется серьезное внимание.

Таким образом, сообщество вузов культуры и искусств активно участвует в сохранении и развитии славянской культуры через подготовку специалистов, которые обеспечивают условия для организованной этнической социализации населения, ликвидации отчужденности славян от традиционной культуры.

Библиографический список

1. Концепция развития вузов культуры и искусств на период до 2015 года. – М. : МГУКИ, 2007. – 34 с.
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы : распоряжение Правительства РФ от 22.11.2012 № 2148-р.
3. Передерий С. Проблемы славянских народов в современном мире // Дни. ru. URL: <http://evrazia.org/article/2320>.
4. URL: <http://www.sklaviny.ru/proekty/slavyane/tula20100205.php>.

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году**

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

15–16 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты»** (К-01.15.14)

17–18 января 2014 г.

II Международная научно-практическая конференция **«Развитие творческого потенциала личности и общества»** (К-01.17.14)

20–21 января 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социальная психология детства: ребенок в семье, институтах образования и группах сверстников»** (К-01.20.14)

25–26 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Региональные социогуманитарные исследования. История и современность»** (К-01.25.14)

27–28 января 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Идентичность личности и группы: психолого-педагогические и социокультурные аспекты»** (К-01.27.14)

1–2 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации»** (К-02.01.14)

10–11 февраля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования»** (К-02.10.14)

15–16 февраля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Психология XXI века: теория, практика, перспектива»** (К-02.15.14)

16–17 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Санкт-Петербурге.

IV международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания»** (К-02.05.14)

20–21 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Киеве.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные технологии в системе образования»** (К-02.20.14)

25–26 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения»** (К-02.25.14)

1–2 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Партнерство социальных институтов воспитания в интересах детства»** (К-03.01.14)

5–6 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-03.05.14)

10–11 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Национальные культуры в социальном пространстве и времени»** (К-03.10.14)

13–14 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-03.13.14)

15–16 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность**» (К-03.15.14)

20–21 марта 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика**» (К-03.20.14)

25–26 марта 2014 г.

Очная конференция в г. Москве.

IV международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований**» (К-03.25.14)

27–28 марта 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве школы и вуза**» (К-03.27.14)

29–30 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Личность и социальное развитие**» (К-03.29.14)

1–2 апреля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании**» (К-04.01.14)

5–6 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия**» (К-04.05.14)

7–8 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Социогуманитарные и медицинские вопросы современной психологии, нейрофизиологии, нейроморфологии и психолингвистики**» (К-04.07.14)

10–11 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-04.10.14)

15–16 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-04.15.14)

20–21 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-04.20.14)

22–23 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Деятельность социально-культурных институтов в современной социокультурной ситуации: проблемы теории и практики»** (К-04.22.14)

25–26 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы международной научно-практической конференции»** (К-04.25.14)

28–29 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Самореализация потенциала личности в современном обществе»** (К-04.28.14)

2–3 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»** (К-05.02.14)

5–6 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-05.05.14)

10–11 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»** (К-05.10.14)

15–16 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-05.15.14)

20–21 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Текст. Производство. Читатель»** (К-05.20.14)

22–23 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»** (К-05.22.14)

25–26 мая 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-05.25.14)

1–2 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.14)

3–4 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.14)

5–6 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.14)

7–8 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.14)

10–11 сентября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция «**Проблемы современного образования**» (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Новые подходы в экономике и управлении**» (К-09.15.14)

20–21 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы**» (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Проблемы становления профессионала**» (К-09. 25.14)

28–29 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации**» (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Иностранный язык в системе среднего и высшего образования**» (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция «**Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований**» (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы связей с общественностью**» (К-10.10.14)

12–13 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития**» (К-10.12.14)

13–14 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях»** (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему»** (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»** (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.14)

7–8 декабря 2014 г. Международная научно-практическая конференция **«Безопасность человека и общества»** (К-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь соискателю
- Объем журнала – 100–300 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, профессор (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия),

Голандам А. К., преподаватель кафедры русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Насимов М. О., кандидат политических наук, проректор по воспитательной работе и международным связям университета «Болашак», директор Кызылординского филиала Ассоциации политических исследований (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail, соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ** квитанция или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.com> в PDF-формате.

УДК 94(470)»17/18»

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ. В ОСВЕЩЕНИИ
МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права, г. Семиреченск,
N-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX IN VIEW
OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensk Institute of Economics and Law,
Semirechensk, N-sk region, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике.

Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/osherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **200 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 200 руб. за один экземпляр.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации!

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphera@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» –
Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFĚRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.
- Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премиум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

Научно-издательский центр «Социосфера»

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Academia Rerum Civilium – Высшая школа политических и общественных наук
Факультет управления Белостокского технического университета
Пензенский государственный технологический университет

ИСТОРИЯ, ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ: ОТ ИСТОКОВ К ГРЯДУЩЕМУ

Материалы II международной научно-практической
конференции 25–26 ноября 2013 года

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет Г. А. Кулаковой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 19.12.2013. Формат 60×84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 10,33 п. л.
Усл.-печ. л. 9,6 п. л.
Тираж 100 экз.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky.
Tel. + 420608343967,
web site: <http://sociosphaera.com>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412) 56-25-09